

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Соколова Татьяна Дмитриевна

Понятие *a priori* в современной аналитической эпистемологии

специальность 09.00.01 (Онтология и теория познания)

Диссертация на соискание степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
д.ф.н. Никифоров А.Л.

Москва, 2015

Оглавление

Введение: общая характеристика работы

Глава 1. A priori как условие возможности опыта: И. Кант и У. Хьюэлл

§1. К истории понятия *a priori*

§ 2. Понятие *a priori* И. Канта: *a priori* как условие возможности опыта

§ 2.1 *A priori* между эмпиризмом и рационализмом

§ 2.2 Определение опыта

§ 2.3 Определение *a priori*: внутренние характеристики

§ 2.4 Априорные синтетические суждения

§ 2.5 Проблема определения

§ 2.6 Предварительные выводы

§ 3. Понятие *a priori* У. Хьюэлла: *a priori* как условие возможности научного познания

§ 3.1 *A priori* в философии науки: «фундаментальная антитеза»

§ 3.2 Опыт как научное познание

§ 3.3 Базовые характеристики *a priori*

§ 3.4 Априорные синтетические суждения

§ 3.5 Необходимость и универсальность

§ 3.6 Априорные понятия и суждения: классификация

§ 3.7 Предварительные выводы

§ 4. *A priori* как проблема эпистемологии и философии науки

Глава 2. Современные концепции *a priori*

§ 1. Возможности тематизации *a priori*

§ 2. *A priori* в логическом эмпиризме: проблемы и противоречия

§ 2.1 Первые критики

§ 2.2 Новое определение *a priori*

§ 2.3 Статус синтетических суждений

§ 2.4 Критика логического эмпиризма: Артур Пап

§ 2.5 Куайн и критика догмы эмпиризма

§ 2.6 Предварительные выводы

§ 3. Прагматическая концепция *a priori*: между эмпиризмом и рационализмом

[§ 3.1 Прагматический подход к *a priori*](#)

[§ 3.2 Аналитичность и синтетичность](#)

[§ 3.3 Понятие опыта](#)

[§ 3.4 Возможность корректировки](#)

[§ 3.5 Критика: угроза релятивизма](#)

[§ 3.6 Предварительные выводы](#)

[§ 4. Современные концепции *a priori*: семантический и когнитивный подходы](#)

[§ 4.1 *A priori* и натурализация эпистемологии](#)

[§ 4.2 Случайное *a priori* и необходимое *a posteriori*](#)

[§ 4.3 *A priori* в умеренном рационализме](#)

[§ 4.4 Обоснование аналитичности](#)

[§ 4.5 Характеристики априорности: новый взгляд](#)

[§ 4.6 Аргумент МакКинси](#)

[§ 4.7 Когнитивный подход к *a priori*](#)

[§ 4.8 Предварительные выводы](#)

[Глава 3. Конструктивный априоризм как методологическая программа современной эпистемологии](#)

[§ 1 Место *a priori* в современной эпистемологии и философии науки](#)

[§ 2. Понятие *a priori* в системах научного реализма эпистемологического конструктивизма](#)

[§ 2.1 Научный реализм и проблема *a priori*](#)

[§ 2.2 *A priori* в системе эпистемологического конструктивизма](#)

[§ 2.3 Предварительные выводы](#)

[§ 3. Натурализм, рационализм и проблема норм в познавательном процессе](#)

[§ 3.2 Проблемы эпистемологической нормативности](#)

[§ 3.3 Эпистемические нормы: классическая концепция](#)

[§ 3.4 Предварительные выводы](#)

[§ 4. Априорные предпосылки познания и конструктивный априоризм: природа априорных предпосылок познания](#)

[Заключение](#)

[Библиография](#)

Введение: общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Понятие *a priori* в западной философии имеет глубокие исторические корни, однако сам термин часто ассоциируется, в первую очередь, с философией Нового времени и концепцией познания, предложенной Иммануилом Кантом в «Критике чистого разума» (первое издание – 1781 год, второе – 1787). Основной вопрос первой кантовской «Критики» – как возможны априорные синтетические суждения? – направлен на выявление и определение условий возможности познавательного процесса (как научного, так и обыденного), его законов и границ. Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, Кант использует разделение всех суждений, имеющих субъектно-предикатную форму, на аналитические (поясняющие) и синтетические (расширяющие знание). Граница между аналитическими и синтетическими суждениями в докантовской философии совпадала с границей между априорными (не зависящими от опыта) и апостериорными (опытными) суждениями. Кант изменяет такое понимание априорности, постулируя возможность априорных синтетических суждений.

Обосновывая априорные синтетические суждения, которые обеспечивают особый статус математических наук, Кант предложил новую концепцию согласования опытного и внеопытного в процессе познания. Несмотря на то, что опыт (в виде ощущений, поставляемых человеку органами чувств), хронологически первичен, опыт (уже в виде упорядоченных чувственных данных) формируется только при условии наличия априорных форм, делающих возможными познавательный процесс.

Из теории познания понятие *a priori* переходит и в философию науки: априорные понятия и суждения становятся необходимым условием для развития научных дисциплин. Выдвигая концепцию фундаментальной антитезы

философии¹, Уильям Хьюэлл адаптирует кантовский априоризм к британской традиции эмпиризма в философии, предлагая тем самым оригинальную модель философии науки, основанную на постоянном взаимодействии эмпирического и рационального элементов в научном познании.

Априоризм в версиях Канта и Хьюэлла можно рассматривать в качестве отправных точек для двух моделей или линий последующего развития априоризма в рамках эпистемологии и философии науки XX-XXI веков. Линия, идущая от Канта, характерна для эпистемологии и представляет собой формальный подход к проблеме *a priori*. Здесь в центре внимания исследователей находятся такие характеристики понятия *a priori* как аналитичность, необходимость и универсальность. Данная линия, проходя через неокантианство и логический эмпиризм, представлена в современной аналитической эпистемологии семантическим (П. Анжель, К. Пикок, П. Богосян и др.) и когнитивным (Л. БонЖур, Дж. Билер и др.) подходами к *a priori*.

Линия, идущая от Хьюэлла, предполагает функциональный подход к *a priori*, выраженный в объяснении его роли в процессе научного познания. В центре внимания здесь оказываются *функции* априорных понятий и суждений, их непосредственное применение в развитии научного познания, в то время как их формальные характеристики отходят на второй план. Данная линия представлена в философии науки, в частности, в концепциях научных парадигм Т. Куна, «твердого ядра» И. Лакатоша, *background knowledge* К. Поппера.

Несмотря на наличие критиков (к их числу можно отнести К.И. Льюиса, А. Папа и ряд других исследователей), полагающих, что формальные характеристики *a priori* нельзя отделять от их функциональных характеристик, совмещение этих подходов в исследовательской литературе наблюдается крайне редко. Формальный подход к *a priori* в эпистемологии и функциональный подход

¹ См.: Whewell W. On the Fundamental Antithesis of Philosophy // Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences Founded upon their History. V. 2, London. 1847. P. 647-668.

в философии науки, на наш взгляд, увеличивает разрыв между данными философскими дисциплинами.

Основные конфликты, как в современной эпистемологии, так и в философии науки строятся вокруг двух оппозиций: реализм vs. конструктивизм и рационализм vs. натурализм. И в рамках каждого из этих конфликтов затрагивается вопрос об определении и статусе априорных понятий и суждений. Таким образом, проблема *a priori*, хотя и является, на первый взгляд, частной, представляет собой неотъемлемый элемент различных стратегий в рамках исследования познавательного процесса. Мы предлагаем рассмотреть априоризм в качестве элемента конструктивистской эпистемологии, предложив концепцию *конструктивного априоризма*, в рамках которой попытаемся сократить разрыв между формальным и функциональным подходами к понятию *a priori*.

Степень разработанности проблемы. Литературу, посвященную проблеме априоризма, можно условно разделить на две основные категории. В первой априоризм исследуется с историко-философской точки зрения, во второй предполагается рассматривать *a priori* с точки зрения как его оснований, так и его роли в процессе познания. В отечественной философии (особенно советского периода) доминирует, в основном, исторический подход к проблеме *a priori*.

Историко-философский анализ понятия *a priori*: Различные стороны априоризма в рамках истории философии рассматривались В.Ф. Асмусом², И.С. Нарским³, П.П. Гайденко⁴, Т.И. Ойзерманом⁵, Н.В. Мотрошиловой⁶, Т.Б. Длугач⁷,

² Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М., 1973.

³ Нарский И.С. Кант. М., 1976.

⁴ Гайденко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой М.,СПб., 2000; Гайденко П. П. Проблема времени у Канта: время как априорная форма чувственности и вневременность вещей в себе // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 134—150.

⁵ Ойзерман Т.И. Учение И. Канта об априорном познании // Кантовский сборник. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 22. Калининград, 2000. С. 4-30 и др.

⁶ Мотрошилова Н. В. Гуссерль и Кант: проблема «трансцендентальной» философии // †Философия Канта и современность. М., 1974 и др.

⁷ Длугач Т.Б. И. Кант: от ранних произведений к «Критике чистого разума». М., 1990.

А.Н. Кругловым⁸, В.И. Молчановым⁹, В.А. Жучковым¹⁰ и другими исследователями. При этом априоризм рассматривается либо как часть кантовского проекта, либо в качестве элемента немецкой идеалистической философии. Отдельно стоит упомянуть литературу на русском языке, посвященную проблемам исторического *a priori*¹¹.

Аналитическому анализу априорных положений посвящены, в основном, работы зарубежных авторов. На протяжении XX века проблема *a priori* с точки зрения критического рассмотрения наследия неокантианской и неогегельянской философии возникает в рамках таких философских течений как логический позитивизм¹² и философия языка¹³, а также их критики¹⁴.

Современная аналитическая философия во многом наследует круг проблем и вектор рассмотрения понятия *a priori* у логических позитивистов. В эпистемологии эти дискуссии представлены семантическим¹⁵ и когнитивным¹⁶

⁸ Круглов А. Н. О происхождении априорных представлений у И. Канта // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 126-132.

⁹ Молчанов В.И. Априорное познание у Канта и Гуссерля // Вопросы философии. 1978. № 10.

¹⁰ Жучков В.А. Из истории немецкой философии XVIII в.: предклассический период: от Вольфовской школы до раннего Канта. М., 1996.; Жучков В.А. К вопросу о предмете и смысле кантовского агностицизма // Материалы VIII Международных Кантовских чтений, посвященных 275-летию Иммануила Канта. Калининград, 1999. С.41-45 и др.

¹¹ Дроздова Д.Н. Преломления *a priori* во французской мысли: Эмиль Бутру и Элен Мещер // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. № 15. С. 42-57; Гавриленко С.М. Альтернативные стратегии тематизации *Аргюи* в философии XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2000; Гавриленко С.М. Историческое *аргюи* как фигура эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2005. № 2. С. 36-53.

¹² Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000; Айер А. Дж. *A priori* // Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М., 2010. С. 102-124; Карнап Р. Философские основания физики: Введение в философию науки. М., 2008; Карнап Р. Постулаты значения // Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 321-330; Reichenbach H. The Theory of Relativity and *A priori* Knowledge. Oakland, 1965; Schlick M. Epistemology and Modern Physics // Schlick M. Philosophical Papers. Volume II (1925-1936). Dordrecht, 1979; Schlick M. Is there a Factual *A priori*? // Schlick M. Philosophical Papers. Op. cit. и др.

¹³ Грайс Г.П., Стросон П.Ф. В защиту догмы. // Эпистемология и философия науки. 2012. №2; Остин Дж. Существуют ли априорные понятия? // Остин Дж. Три способа пролить чернила. С-Пб., 2006. С. 57-75 и др.

¹⁴ Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск, 2003; Пап А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. М., 2002; Pap A. The Different Kinds of *A priori* // The Philosophical Review. Vol. 52 № 5. September, 1944. P. 465-484 и др.

¹⁵ McKinsey M. Apriorism in the philosophy of language // Philosophical Studies № 52, July 1987; Engel P. La conception sémantique de l'*a priori* est-elle morte? // Ouelbani M. (éd.) La philosophie autrichienne. Université de Tunis. 2000. P. 126-142. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://jeannicod.ccsd.cnrs.fr/docs/00/05/33/82/HTML/index.html>; McKinsey M. Anti-Individualism and Privileged Access // Analysis. Vol. 51, № 1 (January, 1991). P. 9-16; Boghossian P., Peacock Ch. (ed.) New Essays on the *A priori*. Oxford, New-York, 2002; Christopoulou D., Psillos S. The *A priori*:

подходами к *a priori*, попытками обоснования априоризма в целом¹⁷, а также обоснованием отдельных элементов априоризма, таким как проблема интуиции¹⁸, аналитичности¹⁹ (ответ на куайновскую критику), релятивизации *a priori*²⁰ и др.

Отдельно стоит выделить немногочисленные, но важные для настоящего исследования работы, посвященные концепции прагматического *a priori*, впервые предложенной К.И. Льюисом²¹.

В рамках более широких эпистемологических проблем тема *a priori* в современной западной философии возникает, как правило, в связи с противостоянием научного реализма релятивизму в эпистемологии, что тесно связывает проблему *a priori* с такими проблемами как обоснование эпистемических норм и нормативности познавательного процесса²², обоснование

Between Conventions and Implicit Definitions // Kompa N., Nitz Ch., Suhm Ch. (eds). *The A priori and its Role in Philosophy*. Paderborn, 2009. P. 205-220 и др.

¹⁶ Bealer G. A theory of the *A priori* // *Pacific Philosophical Quarterly*. № 81. 2000; Bonjour L. In defense of pure reason: a rationalist account of *a priori* justification. Cambridge, New York, 1998; Bonjour L. In defense of the *a priori*. // In Matthias Steup & John Turri (eds.) *Contemporary Debates in Epistemology*. Pondicherry, 2013. 177-185 и др.

¹⁷ Jenkins C. *A priori* Knowledge: Debates and Developments. // *Philosophy Compass*. 2008. № 3(3). P. 436–50; Jenkins C. *A priori* Knowledge: The Conceptual Approach // In A. Cullison (ed.) *The Continuum Companion to Epistemology*. London, 2012. P. 180-198; Jenkins C. What Can We Know *A priori*? // In R. Neta (ed.) *Current Controversies in Epistemology*. London, 2014. P. 11-22; Casullo A. *Essays on A priori Knowledge and Justification*. New York, 2012; Wedgwood R. An Inferentialist Conception of the *A priori*. // *Oxford Studies in Epistemology*. 2015. Vol. 5. P. 295–314.

¹⁸ Jenkins C. 'Intuition', Intuition, Concepts and the *A priori*. // In A. Booth and D. Rowbottom (ed.s) *Intuitions*. Oxford, 2014. P. 91-115 и др.

¹⁹ Engel P. Quine et le retour de l'*a priori* // *Lire Quine*. Paris, 2006. P. 159-184; Boghossian P. Analyticity Reconsidered. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nyu.edu/gsas/dept/philo/faculty/boghossian/papers/AnalyticityReconsidered.html>; Casullo A. Four challenges to the *a priori* – a posteriori distinction. // *Synthese*. September 2013. Vol. 190, № 14. P. 1-24 и др.

²⁰ Fodor J. Water's Water Everywhere // *London Review of Books*. 2004. Vol. 26. № 20-21. P. 17-19; Kripke S. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA, 1980; Turri J. Contingent *A priori* Knowledge. // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2011. Vol.83, № 2. P. 327–344 и др.

²¹ Льюис К.И. Прагматическая концепция *a priori* // *Эпистемология и философия науки*. 2014. № 4. С. 222-231; Lewis C.I. *Mind and the Word Order*. N.Y., Chicago, Boston. 1929; Lewis C.I. *An Analysis of Knowledge and Valuation*. Chicago, 1946; Mormann T. Towards a Theory of the Pragmatic *A priori*: From Carnap to Lewis and Beyond // *Rudolf Carnap and the Legacy of Logical Empiricism*. Vienna Circle Institute Yearbook. 2012. Vol. 16. P. 113-132; Jdrvilehto L. The Pragmatic *A priori* of C.I. Lewis // *Cognitio Estudios*. 2009. Vol. 6. № 2. P. 96-102; Jdrvilehto L. Pragmatic *A priori* Knowledge: A Pragmatic Approach to the Nature and Object of What Can Be Known Independently of Experience. *Ювдскылд*, 2011; Hullett J.N. A Pragmatic Conception of the *A priori* Re-Viewed // *Transactions of Charles S. Pierce Society*. 1973. Vol. 9. № 3. P. 127-156; Pancheri L.U. James, Lewis and the Pragmatic *A priori* // *Transactions of Charles S. Pierce Society*. 1941. Vol. 7. № 3. P. 135-149.

²² Pollock J.L. Epistemic norms // 1987. *Synthese* № 71(1). P. 61-95; Psillos S. Scientific Realism: How Science Tracks Truth. London, 1999; Boghossian P. Epistemic Rules // *Journal of Philosophy*. 2008. Vol. 105 (9). P. 472-500; Wedgwood R. The *A priori* Rules of Rationality // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1999. Vol. 59, No. 1. P. 113-131; Engel P. Epistemic norms and rationality. // *Strawinski W. (ed.) Festsschrift for Jacek Jadacki*. 2007. P. 359-374; Engel P. Analytic philosophy and cognitive norms. // *The Monist*. Vol. 82, 2, April 1999. P. 218-234.

и критика натуралистических подходов в эпистемологии²³, защита научного реализма²⁴ и т.д.

В современной аналитической философии понятие *a priori* рассматривается, в первую очередь, в контексте проблем, поставленных представителями логического позитивизма. Здесь основное внимание направлено на уточнение и обоснование *a priori*, а исследование роли априорных истин в процессе познания сводится к анализу (либо простому постулированию) нормативных элементов как познавательного процесса вообще, так и научного познания в частности. Рассмотрение априорных понятий и суждений как условий возможности познавательного процесса здесь отходит на второй план.

В отечественной эпистемологии тема априоризма косвенно затрагивается в дискуссиях о противостоянии реалистических и конструктивистских направлений в эпистемологии. Данной тематике посвящены работы В.С. Швырева²⁵, В.С. Степина²⁶, В.А. Лекторского²⁷, Е.А. Мамчур²⁸, И.Т. Касавина и других²⁹. В рамках конструктивистского подхода в эпистемологии познавательный процесс рассматривается как конструктивная человеческая деятельность, результатом которой и является знание. Акцент на деятельностном и динамическом характере познавательного процесса позволяет представителям данного направления в

²³ Kim J. What Is "Naturalized Epistemology"? // Epistemology: An Anthology. Sosa E., Kim J. (ed.). Malden, 2000. P. 301-313; Quine W. V. Epistemology Naturalized // Epistemology: An Anthology. Sosa E., Kim J. (ed.). Malden, 2000. P. 292-300; Aune B. Against moderate rationalism // Journal of Philosophical Research, Vol. 27, 2002. P. 1-26 и др.

²⁴ Патнэм Х. Разум, истина и история. М., 2002; Хакинг Я. Представление и вмешательство. М., 1998; Tiercelin C. Le ciment des choses. Petit traité de métaphysique scientifique réaliste. Paris, 2011; Engel P. Va savoir ! De la connaissance en général. Paris, 2007; Engel P. Épistémologie pour une Marquise. Paris, 2006.

²⁵ Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1984; Швырев В.С. От классического к современному конструктивизму // Философские науки. 2008. № 3. С. 10-20 и др.

²⁶ Напр.: Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.

²⁷ Напр.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

²⁸ Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм. М., 2004.

²⁹ См. статьи Степина В.С., Лекторского В.А., Швырева В.С., Касавина И.Т. и др. в сборнике Конструктивизм в теории познания. Отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2008. Отдельно стоит отметить сборник Многообразие *a priori*. Материалы международной конференции на философском факультете РГГУ 19-20 апреля 2012 г. М., 2013, в котором собраны статьи, посвященные различным проблемам априоризма. Большинство авторов рассматривают понятие *a priori* в исторической перспективе, тем не менее, ряд статей посвящен подходам к понятию *a priori* в рамках современной аналитической философии и феноменологии: напр., Филатов В.П. Могут ли мысленные эксперименты давать априорное знание? // Многообразие *a priori*. Материалы международной конференции на философском факультете РГГУ 19-20 апреля 2012 г. М., 2013. С. 283-299

эпистемологии, не ограничиваясь формальными характеристиками знания и познания, принимать во внимание также его прагматические и конструктивные элементы.

В то же время, проблема *a priori* редко является непосредственным предметом исследования в рамках конструктивистских эпистемологий. На наш взгляд, такое положение вещей обусловлено, во-первых, исключением из аналитической эпистемологии (представленной по большей части разновидностями научного реализма) конструктивного и прагматического элемента в познании, а во-вторых, исключением конструктивного и прагматического элементов априоризма из проблематики конструктивистских эпистемологий.

Объект исследования. Объектом исследования являются предпосылки познавательной деятельности и рациональной дискуссии.

Предмет исследования. Предметом настоящего исследования являются априорные предпосылки познавательной деятельности, выступающие в качестве основания для процессов как обыденного, так и научного познания.

Цель исследования. Целью исследования является определение природы априорных предпосылок познания, выявление их формальных свойств и установление их роли в процессе познания.

Задачи исследования. Для реализации поставленной цели исследования предполагается решение следующих задач:

1. Осуществить анализ концепций *a priori* И. Канта и У. Хьюэлла для выявления их представлений о природе, функциях и отличительных особенностях априорных предпосылок познания.

2. Рассмотреть проблему *a priori* в логическом позитивизме и современной аналитической философии. Выявить основные отличия между классическим и современным априоризмом.

3. Проанализировать концепции прагматического *a priori* К.И. Льюиса и ее интерпретации и выявить функциональную роль априорных предпосылок познания.

4. Рассмотреть основные идеи современного эпистемологического конструктивизма в рамках конфликта «конструктивизм – реализм» и наметить пути объединения априоризма и конструктивизма.

5. Предложить обзор и классификацию априорных оснований научного исследования и познавательного процесса.

6. Определить основные характеристики априорных утверждений в контексте научного познания.

Методологическая основа исследования. В первой части исследования, посвященной анализу классических трудов И. Канта и У. Хьюэлла, используются методы исторической и рациональной реконструкции³⁰ с целью выявить общие тенденции, присущие первым, абсолютистским концепциям *a priori*. Во второй части исследования при анализе понятия *a priori* в логическом позитивизме, а также концепции прагматического *a priori* используются методы рациональной реконструкции, а также сравнительного анализа. Это обусловлено, во-первых, необходимостью выявить круг проблем, связанных с понятием *a priori* в рамках данных течений, а во-вторых, для демонстрации того, каким образом данные течения повлияли на современные подходы к рассмотрению *a priori*. В третьей части исследования, посвященной анализу конфликтов реализм / конструктивизм и рационализм / натурализм, классификации априорных предпосылок познавательного процесса, а также созданию концепции конструктивного *a priori*, использованы критический и прагматический подходы к анализу современных дискуссий вокруг априоризма.

Основные положения, выносимые на защиту.

³⁰ См.: Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001. С. 178-196.

1. Показано, что в классическом (абсолютном) априоризме И. Канта и У. Хьюэлла можно выделить два типа характеристик априорных понятий и суждений: внешние, или *функциональные* (*a priori* как условие возможности опыта и познавательного процесса) и внутренние, или *формальные* (необходимость, универсальность, независимость от опыта).

2. В результате анализа понятия *a priori* в логическом эмпиризме выявлен круг основных проблем рассмотрения *a priori* в современной аналитической эпистемологии: сведение априорного к аналитическому, отказ от априорных понятий, исключение прагматического и конструктивистского аспектов из проблематики априоризма.

3. В результате анализа прагматической концепции *a priori* выявлены основные прагматические (т.е. внешние, функциональные) характеристики данного понятия, которые не учитываются в двух основных подходах к исследованию *a priori* в современной аналитической эпистемологии (семантический и когнитивный). Приводится классификация основных подходов к *a priori* в рамках современной аналитической эпистемологии.

4. Предложена оригинальная концепция конструктивного *a priori*, объединяющая прагматический подход к проблеме априоризма с конструктивистским направлением в эпистемологии, объединяющая формальные и функциональные характеристики *a priori*.

5. Приведена классификация основных априорных предпосылок познавательного процесса, выявлены и описаны их характеристики.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В теоретическом плане результаты исследования могут служить основой для дальнейшей разработки новой эпистемологической концепции – конструктивного априоризма, а также ее применения в эпистемологии и философии науки. В практическом отношении материалы диссертационного исследования могут

использоваться в рамках учебных курсов по истории философии, эпистемологии, философии науки, современной аналитической философии.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на заседании сектора социальной эпистемологии 9 июня 2015 г. Ее основные результаты были представлены на конференции «Онтологии негативности», состоявшейся 22.10.2013 на факультете философии НИУ ВШЭ (доклад «Between Being and Nothingness: Epistemology and Norms» / Между бытием и ничто: эпистемология и нормы). Также основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

1. Фонтенель XXI века. Рецензия на книгу Engel P. *Épistémologie pour une Marquise*. P., 2011. // Эпистемология и философия науки. 2012. № 2. С. 241-245.
2. Прагматическое *a priori* Кларенса Ирвинга Льюиса // Эпистемология и философия науки. 2014. № 4. С. 218-221.
3. Эпистемические нормы и проблема понимания // Понимание в кросскультурной коммуникации. М.: ИФРАН, 2014. С. 108-118.
4. Понятие *a priori* в философии логического эмпиризма и его первые критики // Эпистемология и философия науки. 2015. №3 (в печати).
5. Современные концепции *a priori*: семантический и когнитивный подходы // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина (в печати).

Глава 1. *A priori* как условие возможности опыта: И. Кант и У. Хьюэлл

В настоящей главе рассматриваются две классические концепции *a priori*, предложенные И. Кантом и У. Хьюэллом, выделяются их основные теоретические характеристики с точки зрения двух подходов к априоризму. Кантовский априоризм рассматривается с точки зрения теоретической основы для современных концепций *a priori* в эпистемологии, где доминирует формальный подход к *a priori*. Априоризм Хьюэлла рассматривается в качестве теоретической основы для концепций *a priori* в философии науки, где основной акцент ставится на функциях *a priori* в научном познании.

Исторически данные концепции являются отправной точкой для современных дискуссий вокруг *a priori* в эпистемологии и философии науки. В наши задачи в рамках данной главы входит анализ этих концепций, выявление их сходств и отличий, а также основных теоретических моментов, ставших основой для последующих концепций *a priori*.

§1. К истории понятия *a priori*

Термины *a priori* и *a posteriori* (лат. «из предшествующего» и «из последующего», соответственно) получили наиболее широкое распространение в европейской философии благодаря Иммануилу Канту. Однако данные понятия имеют долгую историю, практически не исследованную в современной

отечественной (равно как и в зарубежной) литературе. В наши задачи не входит систематическое историческое исследование употребления понятия *a priori* в докантовский период, тем не менее, мы укажем на некоторые моменты его использования³¹.

Впервые в европейской философии термин *a priori* появляется у Уильяма Оккама (ок. 1285-1347) и Альберта Саксонского (1316-1390) – немецкого философа и логика, ученика Жана Буридана. Изначально разделение на априорные и апостериорные аргументы являлось частью теории аргументации. Под априорными аргументами понимались аргументы от причины к следствию, под апостериорными – от следствия к причине. В докантовский период термин *a priori* носит скорее технический характер и применяется в логике, а не непосредственно в философии. Аналогичную интерпретацию понятия *a priori* мы находим у Антуана Арно и Пьера Николя в логике Пор-Рояля (первое издание – 1662 г.):

«Но если полезно время от времени давать уму почувствовать его слабость, рассматривая недоступные ему предметы, которые подавляют и унижают его, то для обычных его занятий надо, конечно же, стараться выбирать такие предметы и вопросы, которые ему более соразмерны и в которых он способен найти и понять истину, или доказывая действия через причины, что называется доказательством *a priori*, или, наоборот, доказывая причины через действия, что называется доказательством *a posteriori*. Чтобы свести всевозможные доказательства к этим двум видам, эти термины надо понимать несколько шире, но мы попутно раскрыли их значение, затем чтобы читатели их понимали и не были застигнуты врасплох, встретив их в философских трудах или рассуждениях»³².

³¹ Подробнее о докантовской истории термина *a priori* на русском языке см.: Круглов А.Н. Понятие *a priori* в докантовской философии. // Категории. Философский журнал. 1997. № 3. С. 97-107; Руморе П. Два вида *argioi* в философии Нового времени. // Многообразие *a priori*. Материалы международной конференции на философском факультете РГГУ 19-20 апреля 2012 г. М., 2013. С. 87-105.

³² Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М., 1991. С. 305.

Однако со временем использование разделения на априорное и апостериорное все чаще встречается в текстах, посвященных не только сугубо логической проблематике. В философии Нового времени употребление термина *a priori* встречается, но речь еще не идет о цельной гносеологической концепции априоризма. Разделение на априорные и апостериорные доказательства служит скорее инструментальным целям и применяется для обоснования разного рода философских позиций³³.

Впоследствии понятия *a priori* и *a posteriori* расширяются: появляется целый ряд концепций, которые можно рассматривать в качестве первых подступов к уже систематической теории априоризма. Так, например, «истины разума» и «истины факта» Лейбница или «отношения идей» и «положения дел» Юма выступают в качестве примеров разделения на априорное и апостериорное. По сути, кантовская концепция априоризма является продолжением данного разделения. Характеризуя концепции *a priori* Нового времени, Т.И. Ойзерман (со ссылкой на А. Кожева) пишет:

«докантовский априоризм противопоставлялся опытному познанию, трактовался как преодоление его ограниченности, а порою даже как его отрицание»³⁴.

Хотя некоторые исследователи и склонны возводить историю априоризма к Платону³⁵, рассматривая его теорию идей в качестве теории априорных форм, и

³³ Например, Христиан Вольф, работы которого оказали влияние на ранние труды Канта, использует разделение *a priori* и *a posteriori* для обоснования рациональной психологии (См.: Richards R.J. Christian Wolff's Prolegomena to Empirical and Rational Psychology: Translation and Commentary. // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 124, № 3. 1980. P. 227-239.), а ранее Рене Декарт и вовсе называет разделение на *a priori* и *a posteriori* «школьной терминологией» (Декарт Р. Мир, или Трактат о свете. // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 206.), хотя в других работах использует его в качестве обоснования своей теории врожденных идей.

³⁴ Ойзерман Т.И. Учение И. Канта об априорном познании. // Кантовский сборник. 2001. Вып. 22. С. 3.

³⁵ См., в частности: Copleston F. History of Philosophy. Vol. I. Greece and Rome. New York, 1993; Койре А. Аристотелизм и платонизм в средневековой философии. // Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 51-72; Соколов В.В. Философия духа и материи Рене Декарта // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 3-76.; Ойзерман Т.И. Учение И. Канта об априорном познании. // Кантовский сборник. 2001. Вып. 22. С. 3-28. и др. Впрочем, некоторые исследователи продлевают историю понятия *a priori* к досократикам, см. примечание 6 в: Круглов А.Н. Предисловие. // Многообразие *a priori*. Материалы международной конференции на философском факультете РГГУ 19-20 апреля 2012 г. М., 2013. С. 7.

таким образом, включая ее в нововременной спор между эмпириками и рационалистами, мы все же полагаем, что ставить знак равенства между априоризмом и платонизмом не стоит. На наш взгляд, априоризм можно рассматривать в качестве исключительно эпистемологической, а не метафизической теории. Несмотря на неоспоримое влияние платонизма на европейскую философию Нового времени, в ней появляются новые проблемы, лишь условно сводимые к проблемам античной философии. В частности, такой проблемой является обоснование особого эпистемического статуса научного знания (а не только рационального познания вообще). Кантовский априоризм стоит рассматривать именно в данном контексте, несмотря на последующее сближение на рубеже XIX-XX вв. априоризма и платонизма, например, в рамках философии математики.

Итак, несмотря на то, что термин *a priori* употреблялся и предшественниками Канта, именно у него априоризм в качестве уже гносеологической концепции приобрел теоретическую завершенность. Во-первых, Кант предлагает строгое определение *a priori*; во-вторых, дает набор базовых критериев для его характеристики; в-третьих, предлагает своего рода классификацию *a priori*; в-четвертых, определяет место *a priori* в процессе познания и систематизации эмпирического опыта.

Исторически возникновение кантовской концепции априоризма можно рассматривать в качестве одной из фаз так называемого «эпистемологического поворота»³⁶ в философии Нового времени. Эпистемологический поворот в истории философии характеризуется выходом на первый план тематики, связанной с проблемами теории познания. Метафизические, этические и иные

³⁶ Несмотря на то, что сам термин «эпистемология» впервые появляется только в середине XIX в. (Ferrier J. *Institutes of Metaphysic, the Theory of Knowing and Being*. Edinbourg, 1854), мы полагаем, что использование термина «эпистемологический поворот» в данном случае правомерно. Как и Дж. Ферриер, философы Нового времени (начиная с Бэкона и Декарта), полагали, что прежде чем приступить к построению метафизических систем, а также к занятиям науками (и тем более этическими спекуляциями), необходимо определить методологию познавательного процесса, а также очертить его границы. Именно с этим был связан разрыв со схоластической (а вместе с тем и академической) традицией тех философов Нового времени, которых мы теперь называем классиками европейской философии.

философские проблемы, в свою очередь, решаются в зависимости от того, каким образом определяется познание и познавательный процесс, а также его границы:

«Системно-методическая постановка вопроса о правильном начале философии послужила главной причиной “эпистемологического поворота” в философии Нового времени, благодаря чему господствующие позиции в философском дискурсе XVII–XIX вв. заняли такие философские дисциплины, как теория познания и философия сознания»³⁷.

Перенос основного интереса философии с метафизических построений на исследование человеческих познавательных способностей, процесса познания вообще и научного познания в частности, а также их границ, на наш взгляд, является основным фактором, послужившим развитию априоризма как философской концепции. Именно поэтому мы полагаем, что априоризм нужно рассматривать в первую очередь как эпистемологическую, а не как метафизическую теорию. Несмотря на наличие у первых теоретиков систематического априоризма некоторых метафизических предпосылок и даже догм, такой угол рассмотрения представляется нам легитимным на том основании, что именно метафизика в данном случае опирается на теорию познания, а не наоборот.

Ниже мы рассмотрим две классические концепции априоризма XVIII–XIX вв., а именно *a priori* Иммануила Канта и Уильяма Хьюэлла, которые, несмотря на некоторые различия, имеют много общего. В первую очередь это попытки согласовать теорию познания как философскую дисциплину с данными естественных наук, показать, каким образом и благодаря каким элементам познание вообще, а также математические и естественные науки становятся возможными, и почему именно они являются тем, что способно дать адекватное

³⁷ Дмитриев Т.А. Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта. М., 2007. С. 9. Подробнее о понятии эпистемологического поворота в истории философии см.: Павленко А.Н. Европейская космология: Основания эпистемологического поворота. М., 1997; Он же. Эпистемологический поворот. // Вестник РАН. 1997. Том 67, № 5. С. 424-432.

знание об окружающем мире, каким человек его воспринимает. Как Кант, так и Хьюэлл, рассматривают познавательный процесс как попытку классифицировать хаос эмпирических данных посредством активного познавательного начала – разума. Таким образом, априоризм в их интерпретациях является условием возможности перехода от разрозненных ощущений к их упорядочиванию, то есть к тому, что можно назвать опытом, и как следствие, условием возможности самого познавательного процесса, а также научного исследования.

В то же время, если для Канта основной задачей было установление и обоснование возможности познавательного процесса и его границ, то для Хьюэлла целью исследования было обоснование развития в первую очередь естественнонаучного познания. Следствием такого различия стало повышенное внимание У. Хьюэлла к функциональным характеристикам априорных понятий и суждений, их роли в научном познании. Здесь уже намечаются две линии рассмотрения *a priori*: формальная, в рамках эпистемологии, и функциональная, в рамках философии науки.

§ 2. Понятие *a priori* И. Канта: *a priori* как условие возможности опыта

§ 2.1 *A priori* между эмпиризмом и рационализмом

Кантовский априоризм можно рассматривать в качестве попытки объединить эмпирическую (англо-саксонская) и рационалистическую (континентальная) традиции, что подтверждают многочисленные отсылки и разбор концепций Френсиса Бэкона, Джона Локка и Дэвида Юма с одной стороны, и Рене Декарта и Готфрида Лейбница с другой. Суть данного спора заключается в вопросе о том, чему именно – опыту или разуму – должна быть отведена главенствующая роль в познавательном процессе, или что является

основным источником достоверного знания о мире. Не стоит также забывать и о немецкой академической философии, которая также послужила источником для теоретических построений, составляющих основное содержание кантовской системы. По свидетельству историков философии понятие *a priori* Кант заимствует у Александра Баумгартена, дополнив его собственными характеристиками и отбросив ряд предшествующих коннотаций:

«Кант актуализировал не все значения термина *a priori*, которые были до него. Предшествование; внеопытный источник знания, но через опыт; разделение вопросов происхождения и значимости; связь с методологической проблематикой; функция обоснования достоверности знания – эти черты кантовского понятия *a priori* непосредственно примыкают к философской традиции. К специфически же кантовским характеристикам данного понятия можно было бы, несмотря на ряд прецедентов, отнести логический характер предшествования априорного опыту, связь с опытом, вплетенность априорного в опыт, формальный характер и распространение априоризма на сферу чувственности»³⁸.

Несмотря на то, что историко-философское разделение философов Нового времени на эмпириков и рационалистов часто принимается в качестве классической доктрины, как в отечественной, так и в зарубежной истории философии нет четкого распределения «списков» философов по «враждующим лагерям». Ни Декарт, ни Лейбниц не отрицали важной роли эмпирического опыта в познании, в то же время Бэкон, Локк и Юм указывали на необходимость рациональных построений в познавательном процессе. Уравнять в правах опытное и рациональное познание Кант предлагает с разграничения сфер их действия и способов их осуществления, и именно для этого он прибегает к разделению на априорное и апостериорное. В этом и заключается своего рода новаторство Канта: с одной стороны, в его задачу входит четкое разделение опытного от внеопытного в процессе познания, а с другой – демонстрация их

³⁸ Круглов А.Н. Понятие *a priori* в докантовской философии. // Категории. Философский журнал. 1997. № 3. С. 107.

синтеза в познавательном процессе. При этом Кант обособляет свою собственную концепцию от уже существующих эпистемологических теорий, таких как нативизм (теория врожденных идей) или разделение на истины разума и истины факта.

«Однако термин *a priori* еще не достаточно определен, чтобы надлежащим образом обозначить весь смысл поставленного вопроса. В самом деле, обычно относительно некоторых знаний, выведенных из эмпирических источников, говорят, что мы способны или причастны к ним *a priori* потому, что мы выводим их не непосредственно из опыта, а из общего правила, которое, однако, само заимствовано нами из опыта. [...] Поэтому в дальнейшем исследовании мы будем называть априорными знания, безусловно независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта. Им противоположны эмпирические знания, или знания, возможные только *a posteriori*, т.е. посредством опыта»³⁹, - пишет Кант во Введении к «Критике чистого разума».

Он отказывается от классической трактовки *a priori* как аргумента от общего к частному, выдвигая в качестве основного критерия разделения априорного от апостериорного отсутствие в первом случае связи с опытом. Поэтому прежде чем рассматривать непосредственно понятие *a priori* в его кантовском определении, стоит пояснить, что в понимании Канта представляет собой опыт. Как мы видим из приведенного определения *a priori*, априорные понятия и положения позиционируются в качестве независимых (причем независимых безусловно) от *всякого* опыта, то есть не связанных с опытом генетически.

Дискуссии как философов, так и историков философии по вопросу о том, что же является опытом, продолжаются вплоть до настоящего момента. Что можно считать опытом? Является ли опыт единым и гомогенным? Можно ли рассматривать в качестве опыта те или иные психологические или когнитивные

³⁹ Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С. 105-106.

состояния, или данное понятие применимо только к познанию эмпирических фактов и явлений? Является ли «опыт» неким собирательным понятием, как опыт человечества вообще, или можно говорить только об индивидуальном опыте? Как понятие «опыт» соотносится с понятием «наука»?

§ 2.2 Определение опыта

В задачу Канта входило выявить и описать базовые принципы человеческого познания, а также его границы. Поэтому его ответы на данные вопросы можно охарактеризовать скорее как попытку устранить индивидуальное из познавательного процесса, выявить такие принципы познания, которые были бы характерны не только для человека, обладающего специфическим набором характеристик, а для любого рационального существа. Что же Кант понимает под опытом?

«Опыт сам есть вид познания, требующий [участия] рассудка, правила которого я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы, стало быть, *a priori*; эти правила должны быть выражены в априорных понятиях, с которыми, стало быть, все предметы опыта должны необходимо сообразоваться и согласоваться. Что же касается предметов, которые мыслятся только разумом, и притом необходимо, но которые (по крайней мере так, как их мыслит разум) вовсе не могут быть даны в опыте, то попытки мыслить их (ведь должны же они быть мыслимы) дадут нам затем превосходный критерий того, что мы считаем измененным методом мышления, а именно что мы *a priori* познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими»⁴⁰.

Здесь, на наш взгляд, имеет место некоторая терминологическая путаница. С одной стороны, под опытом можно понимать набор чувственных ощущений, с другой – уже упорядоченный набор знаний о мире, полученный на основании априорных правил и подтвержденный определенными эмпирическими данными. В первом случае речь не может идти об опыте как о способе познания, т.к. без априорного категориального аппарата полученные с помощью органов чувств

⁴⁰ Там же. С. 88.

данные являли бы собой лишь хаос чувственных впечатлений, который невозможно упорядочить и эксплицитно выразить, представить его в качестве знания об окружающем мире. Соответственно, об опыте как об отдельном виде познания, который может сообщить рациональному существу знания о феноменах окружающего мира, можно говорить лишь в том случае, когда в хаос чувственных впечатлений вносится дополнительный, рассудочный (априорный) элемент.

Итак, в понимании Канта, опыт является отдельным видом познания (причем не обязательно естественнонаучного), но в то же время это не просто набор разрозненных чувственных ощущений. Опыт конструируется, или синтезируется, причем на основании правил и норм, от него не зависящих. Для того чтобы чувственные ощущения *стали* опытом, нужен дополнительный компонент, а именно определенная система правил, понятий и категорий, в соответствии с которыми возможно упорядочить и классифицировать данные ощущения. Опыт представляет собой упорядоченный эмпирический материал, поставляемый человеку (или любому другому рациональному существу) его органами чувств. Однако без правил, категорий и схем, в которые эти данные вписываются (осознанно или нет), опыт невозможен. Таким образом опыт представляет собой синтез двух элементов, принципиально различных по происхождению и свойствам, он включает в себя:

«материю для познания, исходящего из чувств, и некоторую форму для упорядочения ее, исходящего из внутреннего источника чистого созерцания и мышления, которые приходят в действие и производят понятия при наличии чувственного материала»⁴¹.

Здесь сразу возникает вопрос о происхождении этих правил и понятий: являются ли они врожденными? Или они тем или иным образом приобретаются в процессе манипуляций с предметами эмпирического опыта? Предшествуют ли правила и категории, согласно которым мы упорядочиваем хаос эмпирических

⁴¹ Там же. С. 183.

ощущений в опыт, самому опыту, то есть, должны ли они быть сформулированными до всякого опыта? В той или иной форме данные вопросы продолжают занимать современных эпистемологов. Отсутствие генетической связи между опытным и внеопытным знанием еще не свидетельствует об отсутствии связи между ними вообще. И хотя с одной стороны, первенство в познавательном процессе Кант, вслед за эмпириками, признает за опытом, именно внеопытные категории делают опыт возможным:

«Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта; в самом деле, чем же пробуждалась бы к деятельности познавательная способность, если не предметами, которые действуют на наши чувства и отчасти сами производят представления, отчасти побуждают наш рассудок сравнивать их, связывать или разделять и таким образом перерабатывать грубый материал чувственных впечатлений в познание предметов, называемое опытом? Следовательно, никакое познание не предшествует во времени опыту, оно всегда начинается с опыта. Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта. Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой, причем это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда продолжительное упражнение обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его»⁴².

Таким образом, несмотря на то, что именно чувственное познание стоит у истоков познавательного процесса, в нашем рассудке уже содержатся определенные категории, которые обуславливают саму возможность осуществления данного процесса. Это (пока еще неопределенное) нечто, благодаря которому человек способен к упорядочиванию эмпирического материала, может быть эксплицитно выражено только *post factum*, при анализе

⁴² Там же. С. 105-106. Обратим внимание, что отделение опытного от внеопытного в процессе познания, по мнению Канта, требует определенной тренировки. На этой же особенности познавательного процесса впоследствии будет настаивать У. Хьюэлл (см. § 3).

познавательной деятельности и ее результатов. Именно этот «остаток», отделенный от всего эмпирического, «чувственного материала», является тем, что позволяет нам как рациональным существам классифицировать и упорядочивать, то есть создавать опыт⁴³. Как замечает Кант в «Пролегоменах»:

«Если бы наше созерцание было таковым, что оно представляло бы вещи так, как они существуют сами по себе, то вообще не было бы никакого априорного созерцания: созерцание было бы всегда эмпирическим»⁴⁴.

Хаос чувственных данных еще не является познанием. В противном случае нам бы не потребовалось никакого категориального аппарата для его классификации. Познание внешнего мира опосредовано, с одной стороны, органами чувств, а с другой – нашими категориальными схемами, благодаря которым эмпирические данные становятся опытом. Таким образом, априорные суждения у Канта предшествуют опыту не в том смысле, что исследователь, прежде чем преступить к изучению того или иного предмета формулирует определенный свод независимых от опыта правил или норм, которым он должен следовать, они могут быть выявлены уже после эмпирического исследования. В то же время, если по тем или иным причинам эмпирический опыт невозможен, априорные категориальные схемы, понятия и положения могут и вовсе остаться невыявленными. Но в то же время априорные формы задают границы возможного опыта, то есть без априорных суждений эмпирический опыт просто не смог бы состояться и быть впоследствии эксплицитно выражен:

⁴³ Такое определение *a priori* Л. БонЖур впоследствии назовет негативным. См.: BonJour L. In defense of pure reason: a rationalist account of *a priori* justification. Cambridge, New York, 1998. P. 8.

⁴⁴ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. // Кант И. Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 97.

«Если мы хотим *a priori* судить о предметах опыта, то мы можем требовать и ожидать только принципов соответствия представления о предметах с условиями *возможности* опыта относительно них»⁴⁵.

Таким образом, априорное в процессе познания – это то, что не зависит от опыта, а напротив, являясь формой для чувственных впечатлений, делает сам опыт (равно как и знание о внешнем мире) возможным⁴⁶. При этом важно иметь в виду, что априорное знание не сводится не только к хаосу чувственных впечатлений, являющихся содержанием опыта, но и к опыту в целом:

«Оно [априорное знание] не выведено из опыта, потому что опыт никогда не заканчивается. В том и состоит природа таких знаний и познаний, что при высказывании теоретических всеобщих и необходимых суждений мы мыслим совершенно иначе, нежели при простом обобщении данных опыта. Можно знать из опыта, что это или то тело протяженно, но, заявляя, что “все тела протяженны”, мы совершаем внеопытный скачок мысли, т.е. мысль совершает переход в ту сферу, которая непосредственно опытом не обусловлена»⁴⁷.

Однако простого отделения опытного от внеопытного не достаточно, чтобы ответить на вопрос, что же такое *a priori*: необходимы дополнительные критерии априорности, которые позволили бы определить, что некое положение является априорным, в то время как другое таковым не является. Для выявления данных критериев, на наш взгляд, Кант дает ответ на следующие вопросы: (1) Какими свойствами должны обладать априорные понятия и предложения, чтобы служить правилами и критериями познавательного процесса? (2) По каким признакам их можно выявить в процессе познавательной деятельности? Предложенные Кантом определения *a priori* так или иначе строятся в отношении этих вопросов.

⁴⁵ Кант И. Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике (1798-1803) // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 6. 1966. С. 596.

⁴⁶ В этом отношении можно согласиться с определением, что априорное – это «вся совокупность условий возможности доступного для данного субъекта эмпирического опыта» (Кричевец А.Н. Кантовский априоризм и математические модели. // Философия Канта в критике современного разума: Сборник статей. М., 2010. С. 410).

⁴⁷ Мотрошилова Н.В. Понятие априорного и его роль в кантовской теоретической философии. // История философии: Запад – Россия – Восток. Книга вторая: Философия XV-XIX вв. М., 2012. С. 312.

§ 2.3 Определение *a priori*: внутренние характеристики

Первое и наиболее подробное разделение на априорные и апостериорные суждения предлагается Кантом во Введении к «Критике чистого разума», также оно присутствует и в более поздних его работах.

«во-первых, если имеется положение, которое мыслится вместе с его необходимостью, то это априорное суждение; если к тому же это положение выведено исключительно из таких, которые сами в свою очередь необходимы, то оно безусловно априорное положение. Во-вторых, опыт никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, он сообщает им только условную и сравнительную всеобщность (посредством индукции), так что это должно, собственно, означать следующее: насколько нам до сих пор известно, исключений из того или иного правила не встречается. Следовательно, если какое-нибудь суждение мыслится как строго всеобщее, т.е. так, что не допускается возможность исключения, то оно не выведено из опыта, а есть безусловно априорное суждение»⁴⁸.

Из данного определения можно выделить три базовые характеристики знаний или суждений *a priori*, которые и на сегодняшний день составляют центральную проблематику как для защитников априоризма, так и для его критиков.

- (1) независимость от любого опыта – первая и изначальная характеристика априорных понятий и предложений;
- (2) необходимость – свойство априорных понятий и предложений, благодаря которому они могут служить правилами и схемами для классификации эмпирических данных;
- (3) универсальность (всеобщность) – то есть, применимость априорных понятий и предложений ко всему многообразию эмпирических данных.

Здесь важно отметить, что Кант практически не проводит различия между необходимостью и всеобщностью. Для него это взаимосвязанные понятия: если

⁴⁸ Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С. 106.

что-то необходимо, то оно не может не быть универсальным. В XX веке это совмещение рассматривалось некоторыми исследователями в качестве недостатка кантовской системы, однако внутри данной системы оно вполне обосновано. Опыт возможен благодаря тому, что познание строится на основании априорных форм трех типов: чувственности, рассудка и разума. Понятия пространства и времени являются универсальными категориями для рассмотрения любого эмпирического опыта, то есть для всех чувственных предметов и явлений. Категории рассудка объемлют более широкую сферу, и наиболее общие понятия – категории чистого разума.

«Пространство и время как условия возможности того, каким образом могут быть даны нам предметы, значимы только для предметов чувств, стало быть, только для предметов опыта. За этими пределами они не представляют ничего, так как находятся только в чувствах и не имеют никакой действительности вне их. Чистые рассудочные понятия свободны от этого ограничения и простираются на предметы созерцания вообще, безразлично, сходно ли оно нашему созерцанию или нет, лишь бы оно было чувственным, а не интеллектуальным. Однако это распространение понятий за пределы нашего чувственного созерцания не приносит нам никакой пользы, так как в таком случае они пустые понятия об объектах, не дающие нам основания судить даже о том, возможны ли эти объекты или нет; они суть лишь формы мысли без объективной реальности, потому что в нашем распоряжении нет никаких созерцаний, к которым синтетическое единство апперцепции, содержащее только эти понятия, могло бы быть применено, так что они могли бы определить предмет. Только наши чувственные и эмпирические созерцания могут придать им смысл и значение»⁴⁹.

Из приведенной цитаты мы видим, что у кантовской универсальности все же есть свои границы. Если априорные формы чувственности (пространство и время) значимы только в случае их применения к эмпирическим данным, так как вне этих понятий человек не может мыслить объекты внешнего мира, то для

⁴⁹ Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С. 202-203. Интересно, что к таким «формам мысли без объективной реальности» сегодня можно отнести, например, неевклидовы геометрии.

априорных форм рассудка (категории) данное ограничение уже не столь актуально⁵⁰. Они продолжают применяться для упорядочивания эмпирических данных, однако на этом их роль не ограничивается. Только эмпирические объекты могут придать категориям содержание, и в этом их практическое применение ограничивается сферой чувственности точно также, как сфера применения понятий пространства и времени. Однако по отношению к опыту вообще, то есть набору всех наших знаний об окружающем мире, априорные категории являются универсальными моделями классификации, т.к. с их помощью можно определить возможный, хотя еще и не актуальный опыт.

При этом важно, что в кантовском определении как универсальность, так и всеобщность априорных знаний основывается именно на первой и основной характеристике априорности – независимости от всякого опыта. Однако не все априорные понятия и предложения равнозначны (и в первую очередь это касается априорных предложений). В некотором смысле даже можно сказать об определенной иерархии априорных понятий и предложений, помимо той, которая вводится для априорных форм чувственности, рассудка и разума. Согласно Канту, некоторые априорные предложения все же могут включать в себя апостериорные понятия. Поэтому он проводит разделение между чистыми и не чистыми *a priori*:

«Так, например, положение *всякое изменение имеет причину* есть положение априорное, но не чистое, так как понятие изменения может быть получено только из опыта»⁵¹.

Такого рода предложения являются априорными, так как несмотря на наличие апостериорных понятий удовлетворяют таким требованиям к априорным

⁵⁰ Кант выделяет 12 категорий рассудка, разделенных на четыре группы: (1) Количества: Единство, Множественность, Целокупность; (2) Качества: Реальность, Отрицание, Ограничение; (3) Отношения: Присущность и самостоятельное существование (*substantia et accidens*), Причинность и зависимость (причина и действие), Общение (взаимодействие между действующим и подвергающимся действию); (4) Модальности: Возможность / невозможность, Существование / несуществование, Необходимость / случайность. (Там же. С. 175). Этими категориями, в рамках кантовской системы, ограничивается рассудочное познание, в то время как чувственное познание ограничено понятиями пространства и времени. Научные понятия, в данном случае, являются производными из указанных категорий.

⁵¹ Там же. С. 106.

предложениям как необходимость и универсальность. Таким образом, наиболее общие физические законы, несмотря на вхождение в них понятий, полученных из опыта, могут рассматриваться в качестве априорных положений. Этим они отличаются от математических законов, где понятия не связаны ни с каким эмпирическим опытом.

Второе важное разделение, предложенное Кантом в отношении априорных предложений – это разделение на аналитические и синтетические. Это различие помогает прояснить второй выделенный нами вопрос: по каким признакам можно отличить априорное от апостериорного в процессе познания? При этом данное различие характерно для всех суждений, имеющих субъектно-предикатную форму⁵².

«Или предикат В принадлежит субъекту А как нечто содержащееся (в скрытом виде) в этом понятии А, или же В целиком находится вне понятия А, хотя связано с ним. В первом случае я называю суждение *аналитическим*, а во втором – *синтетическим*. Следовательно, аналитические – это те (утвердительные) суждения, в которых связь предиката с субъектом мыслится через тождество, а те суждения, в которых эта связь мыслится без тождества, должны называться синтетическими. Первые можно было бы назвать *поясняющими*, а вторые – *расширяющими* суждениями, так как первые через свой предикат ничего не добавляют понятию субъекта, а только делят его путем расчленения на подчиненные ему понятия, которые уже мыслились в нем (хотя и смутно), между тем как синтетические суждения присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не мыслится в нем и не мог бы быть извлечен из него никаким расчленением»⁵³.

Таким образом, согласно Канту, все аналитические суждения являются априорными, в то время как любое суждение, основанное на эмпирическом опыте, будет апостериорным. Аналитические высказывания (тавтологии) выполняют прежде всего поясняющую функцию, однако не несут нового знания.

⁵² Является ли такое разделение исчерпывающим, - отдельный вопрос, который будет рассмотрен в Главе 2.

⁵³ Там же. С. 111-112.

При этом критерием аналитичности Кант полагает закон противоречия: «общий принцип аналитических суждений – закон противоречия»⁵⁴. То или иное положение является аналитическим в том случае (и здесь возникает определенный конфликт интерпретаций), если (1) не может мыслиться противоположное суждение, либо (2) отрицание данного положения ложно. Частично этот вопрос будет рассмотрен ниже, когда речь пойдет о проблеме определения (или дефиниции) в кантовской системе. Критика данного положения с точки зрения эпистемологии в XX и XXI вв. будет рассмотрена в Главе 2.

§ 2.4 Априорные синтетические суждения

Однако перед Кантом встает вопрос о возможности априорных синтетических суждений, то есть таких суждений, которые бы не зависели от опыта, сохраняли необходимость и универсальность, но при этом, как и апостериорные предложения, могли служить источником новых знаний. К такого типа априорным суждениям неприменимы критерии аналитичности, т.е. закон противоречия и анализ понятий. В то же время их источником не может служить опыт, иначе они теряют базовые характеристики априорности.

«Есть апостериорные синтетические суждения, имеющие эмпирическое происхождение; но есть и такие, которые достоверны *a priori* и проистекают из чистого рассудка и разума. Но и те и другие сходятся между собой в том, что они не могут возникнуть на основе одного лишь основоположения анализа, а именно закона противоречия; они требуют еще совершенно иного принципа, хотя из каждого основоположения, каково бы оно ни было, они должны выводиться согласно закону противоречия, так как ничто не должно противоречить этому основоположению, хотя и не все может быть из него выведено»⁵⁵.

⁵⁴ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. // Кант И. Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 81.

⁵⁵ Там же.

Математика Кантом рассматривается как априорная наука, но так как она все же дает новое знание, а не только поясняет уже имеющееся, то математические предложения должны быть, с одной стороны, априорными, а с другой – синтетическими. Понятие математической суммы невозможно получить из опыта, в то же время его невозможно свести к понятиям чисел, входящих в данную сумму. Даже для осуществления простейших арифметических операций с числами необходим выход (в созерцании) за пределы понятий данных чисел, что уже не удовлетворяет критерию аналитичности.

«На первый взгляд может показаться, что положение $7 + 5 = 12$ чисто аналитическое [суждение], вытекающее по закону противоречия из понятия суммы семи и пяти. Однако, присматриваясь ближе, мы находим, что понятие суммы 7 и 5 содержит в себе только соединение этих двух чисел в одно и от этого вовсе не мыслится, каково то число, которое охватывает оба слагаемых. Понятие двенадцати отнюдь еще не мыслится от того, что я мыслю соединение семи и пяти; и сколько бы я ни расчленил свое понятие такой возможной суммы, я не найду в нем числа 12. Для этого необходимо выйти за пределы этих понятий, прибегая к помощи созерцания, соответствующего одному из них, например своих пяти пальцев или (как это делает Зегнер в своей арифметике) пяти точек, и присоединять постепенно единицы числа 5, данного в созерцании, к понятию семи. [...] То, что 5 должно было быть присоединено к 7, я, правда, мыслил в понятии суммы $= 7 + 5$, но не мыслил того, что эта сумма равна двенадцати. Следовательно, приведенное арифметическое суждение всегда синтетическое»⁵⁶.

Возможность априорных синтетических суждений, таким образом, основывается на возможности выхода за пределы конкретных априорных понятий, то есть создания новых понятий и предложений, которые, будучи априорными, не содержатся в уже имеющихся априорных понятиях, но следуют из них, когда к понятию присоединяется созерцание. Все математическое знание, согласно Канту, представляет собой априорное синтетическое знание:

⁵⁶ Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С. 114-115.

«Существенная черта, отличающая чистое математическое познание от всякого другого априорного познания, состоит в том, что оно должно возникать отнюдь не из понятий, а всегда только посредством конструирования понятий («Критика», стр. 713). Следовательно, так как чистая математика в своих положениях должна выйти за пределы понятий и перейти к тому, что содержится в соответствующем понятию созерцании, то ее положения никогда не могут и не должны получаться расчленением понятий, т.е. аналитически, и потому они все синтетические»⁵⁷.

Таким образом, математическое познание является синтетическим, а не аналитическим по своей природе, так как понятия конструируются, а не являются изначально данными.

§ 2.5 Проблема определения

Положение математического знания в рамках кантовской системы является уникальным, и в первую очередь это касается проблемы определений, которая является одной из наиболее трудных для понимания. Определения представляют собой поясняющие суждения, то есть суждения аналитические. Однако определения приложимы, в том числе, и к эмпирическим понятиям в рамках естественных наук. В строгом смысле слова об определениях, согласно Канту, можно говорить только в отношении математических понятий, т.к. только в их случае оно может быть исчерпывающим в силу того, что данные понятия были *сконструированы*, а не извлечены из опыта. Однако в отношении философии, гуманитарных и естественных наук об определениях (дефинициях) в строгом смысле слова говорить нельзя. Это обстоятельство обусловлено тем фактом, что в рамках данных дисциплин понятия и положения, даже если они и априорны, будут относиться скорее к нечистым, нежели к чистым *a priori*, т.е. в них так или иначе входят элементы опыта.

⁵⁷ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. // Кант И. Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 84.

Здесь важно упомянуть пример, использованный Кантом и в «Критике чистого разума», и в «Пролегоменах» в отношении определения понятия «золото». Данное понятие, с одной стороны, входит в понятийный аппарат естественных наук, а с другой – представляет собой слово, часто используемое в обыденном языке. Оно может входить в состав априорных аналитических суждений, так как, согласно Канту, такого типа суждения удовлетворяют закону противоречия, несмотря на то, что в них входят эмпирические термины:

«Все аналитические положения суть априорные суждения, хотя бы их понятия и были эмпирическими, например *золото есть желтый металл*; действительно, чтобы знать это, я не нуждаюсь ни в каком дальнейшем опыте, кроме моего понятия о золоте, содержащего в себе то, что это тело желто и есть металл; ведь именно это и составляло мое понятие, и мне нужно было только расчленить его, не разыскивая ничего другого»⁵⁸.

Характерной особенностью эмпирического понятия (в силу потенциальной неисчерпаемости опыта) является невозможность раз и навсегда привести полный перечень тех критериев, в отношении которых тот или иной объект классифицируется в соответствии с данным понятием. Соответственно, эмпирические понятия никогда не могут быть полными.

«Так, одни могут подразумевать в понятии золото кроме веса, цвета и ковкости еще и то, что золото не ржавеет, а другие, быть может, ничего не знают об этом свойстве его. Мы пользуемся некоторыми признаками лишь до тех пор, пока находим, что они достаточны для различения; новые же наблюдения заставляют устранять одни признаки и прибавлять другие, так что понятие никогда не остается в определенных границах. Было бы бесполезно давать дефиницию такого понятия, так как, например, если речь идет о воде и ее свойствах, мы не останавливаемся на том, что подразумевается под словом вода, а приступаем к опытам, и слово с теми немногими признаками, которые мы связываем с ним, оказывается только

⁵⁸ Там же. С. 81.

обозначением, но не понятием вещи, стало быть, даваемая здесь дефиниция понятия есть лишь определение слова».⁵⁹

Однако аналогичные затруднения встречаются и при попытке дать определения ряду априорных понятий. И если в случае с эмпирическими понятиями для пересмотра критериев их определения можно использовать эмпирические методы исследования (в частности, эксперимент), руководствуясь при этом принципом соответствия понятия своему объекту, то в случае определения априорных понятий такая методология уже не подходит в силу самой их специфики.

«понятия, данные *a priori*, например: субстанция, причина, право, справедливость и т.д., строго говоря, также не поддаются дефиниции. Действительно, я могу быть уверенным в том, что отчетливое представление о данном (еще смутном) понятии раскрыто полностью лишь в том случае, если я знаю, что оно адекватно предмету. Но так как понятие предмета, как оно дано, может содержать в себе много неясных представлений, которые мы упускаем из виду при анализе, хотя всегда используем на практике, то полнота анализа моего понятия всегда остается сомнительной и только на основании многих подтверждающих примеров может сделаться предположительно, но никогда не аподиктически достоверной. Вместо термина дефиниция я бы лучше пользовался более осторожным термином экспозиция[...]. Итак, если ни эмпирически, ни *a priori* данные понятия не поддаются дефиниции, то остаются лишь произвольно мыслимые понятия, на которых можно попытаться проделать этот фокус»⁶⁰.

Здесь стоит отметить, что, несмотря на невозможность исчерпывающих определений такого рода понятий, Кант выдвигает дополнительный, *прагматический* критерий, обуславливающий возможность их употребления и функционирования. В то же время, невозможность дать исчерпывающее определение такого рода априорным понятиям имеет важное следствие для

⁵⁹ Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С. 610.

⁶⁰ Там же. Под произвольно мыслимыми понятиями имеются в виду математические конструкции.

философии (равно как и других гуманитарных наук) – невозможность их построения по принципу наук математических. Кант пишет:

«доступными дефиниции остаются только понятия, содержащие в себе произвольный синтез, который может быть конструирован *a priori*; стало быть, только математика имеет дефиниции»⁶¹. И далее: «Аналитические дефиниции, наоборот, могут заключать в себе самые разнообразные ошибки или потому, что вносят признаки, в действительности не содержащиеся в понятии, или потому, что им недостает полноты, составляющей суть дефиниции, так как мы не можем быть вполне уверены в завершенности своего расчленения. Поэтому философия не может подражать методу математики в построении дефиниций»⁶².

Такое понимание определений (и, как следствие), аналитических и априорных понятий и суждений, несколько размывает устоявшийся взгляд на теорию познания Канта как на строгую и абсолютную систему. Несмотря на необходимость и универсальность априорных истин Кант, по сути, оставляет место для философского маневра: возможности переопределения понятий, причем как по формальным, так и по эмпирическим и даже прагматическим основаниям. Именно это обстоятельство в конечном итоге позволяет философии занять место критической дисциплины, определяющей границы человеческого познания.

§ 2.6 Предварительные выводы

Концепция *a priori* Канта, завершая спор между эмпириками и рационалистами, уравнивает в правах представителей обоих направлений. Познание вообще и научное познание в частности здесь представляет собой опыт, состоящий из двух элементов: хаоса чувственных впечатлений, который составляет содержание опыта, и внеопытных теоретических конструкций, которые определяют его форму. Содержание и форма одинаково важны для

⁶¹ Там же. С. 611.

⁶² Там же. С. 612-613.

познавательного процесса, однако они не могут существовать без взаимодействия. Систематическая концепция *a priori*, впервые предложенная именно Кантом, представляет собой попытку эксплицитно выявить условия возможности опыта, и как следствие, познавательного процесса.

В то же время, неверно было бы понимать кантовский априоризм как исключительно абсолютистскую концепцию. В рамках кантовской системы остается место для включения прагматического и конструктивного элементов в понятие *a priori*, которое как раз и позволяет ему сохранять свои внешние (то есть функциональные) характеристики.

§ 3. Понятие *a priori* У. Хьюэлла: *a priori* как условие возможности научного познания

§ 3.1 *A priori* в философии науки: «фундаментальная антитеза»

Развитие кантовской концепции априоризма продолжается и в британской философской традиции, однако если у Канта априоризм являлся предпосылкой познания вообще, то в философии науки Уильяма Хьюэлла априоризм конкретизируется уже для обоснования научного познания. Уильям Хьюэлл (1794–1866) – британский ученый и один из первых философов науки⁶³, энциклопедически образованный человек, который в эпоху начала специализации научного знания старался в своих исследованиях охватить максимально широкий круг проблем из различных отраслей естественных наук. В истории науки он известен за введение в обиход слова «ученый» (*scientist*)⁶⁴. Хьюэлл придерживался

⁶³ См. выступление В.С. Швырева в: Филатов В.П., Швырев В.С., Васюков В.П., Шкатов Д.П., Ивлев Ю.В. Обсуждаем статьи об индукции // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 149-157. Также о философии науки У. Хьюэлла на русском языке см.: Спивак В.И. Концепция «технологического знания» У. Уэвэлла // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 46. Том 9. С. 18-27.

⁶⁴ Об этом см.: Snyder L.J. The Philosophical Breakfast Club: Four Remarkable Men who Transformed Science and Changed the World. New York, 2011.

аналогичной кантовской концепции априоризма, однако в работе «Философия индуктивных наук, основанная на их истории» (первое издание – 1840-1841 гг.), он адаптирует априоризм под современное ему научное познание, демонстрируя на наглядных примерах, какую роль необходимые и универсальные понятия и предложения играют в работе ученого⁶⁵.

Влияние кантовской системы на взгляды Хьюэлла отмечают и историки философии. Однако фактическое отсутствие прямых упоминаний, умелое балансирование Хьюэлла между индуктивизмом и рационализмом, делают его концепцию практически неуловимой для однозначной характеристики:

«Как и Кант, Хьюэлл стремился сократить разрыв между рационализмом и эмпиризмом, создавая картину того, как формальные и материальные элементы познания взаимодействуют, чтобы соединиться в опыте. Именно такое толкование идеального и материального в познании не позволяет однозначно определить его позицию как рационалистическую, эмпиристскую, платоническую или даже конструктивистскую»⁶⁶.

Как и Кант, Уильям Хьюэлл придерживается классической концепции познания, предполагающей две радикально противоположных друг другу составляющих. На одном полюсе находится человеческий разум – активное начало, способное создавать понятия и категории, выводить законы, согласно которым познавательный процесс может регулироваться. На втором полюсе находится материя познания – неупорядоченный хаос эмпирических данных, который наполняет содержанием понятия, классификации и законы. Знание о внешнем мире (как научное, так и обыденное) является результатом взаимодействия данных полюсов, но никак не одного из них.

⁶⁵ Важно отметить, что Хьюэлл не употребляет термины *a priori* и *a posteriori* и практически не упоминает Канта в качестве источника своих теорий. Одним из немногих исключений здесь является: Whewell W. On the Philosophy of Discovery, Chapters Historical and Critical. London, 1860. P. 315 и далее. Тем не менее, априоризм в его концепции философии науки и развития научного знания играет ведущую роль, что демонстрируется Хьюэллом на конкретных примерах из современной ему науки. Именно этим фактом и обусловлен наш выбор данной концепции для более детального анализа.

⁶⁶ Morrison M. Whewell on the Ultimate Problem of Philosophy. // Studies in History and Philosophy of Science. 1997. №28. P. 417.

Это обстоятельство Хьюэлл называет «фундаментальной антитезой философии»⁶⁷, вокруг которой строятся основные философские споры и исследования:

«Это различие или оппозиция представлено в самых разных формах: как Необходимые и Экспериментальные Истины, Идеи и Чувства, Мысли и Вещи, Теории и Факты. Оно может быть названо Фундаментальной Антитезой Философии. Практически для всех философских дискуссий характерно использование этой антитезы, будь то принятие или отрицание, объяснение или, напротив, затемнение»⁶⁸.

Свою собственную систему философии науки Хьюэлл также рассматривает в рамках фундаментальной антитезы, стремясь показать, каким образом в научном познании на практике совмещаются эмпирический и рациональный элементы. Именно поэтому априоризм Хьюэлла не носит исключительно формальный характер, а получает содержание в виде науки и ее истории.

«Мы получаем знание из внешнего мира, когда оказываемся способными применить к наблюдаемым фактам какое-то идеальное понятие, придающее единство и связность многочисленным и отдельным восприятиям. Мы показали также, что подтвержденные таким образом фактами сами наши понятия могут быть объединены и связаны новой связью той же самой природы. Вот так на этом пути люди могут переходить от одной истины к другой в ходе последовательности открытий, каждое из которых опирается на предшествующее и превосходит его»⁶⁹.

В этом отношении концепция Хьюэлла, равно как и кантовская концепция *a priori*, является попыткой согласовать эмпиризм и рационализм в философии, однако уже с акцентом на философию науки. Однако на стороне рационализма

⁶⁷ Перевод словосочетания *Fundamental Antithesis of Philosophy* мы заимствуем из: Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Часть 1. // Эпистемология и философия науки. 2014. № 3. С. 210-230.

⁶⁸ Whewell W. On the Fundamental Antithesis of Philosophy // Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences Founded upon their History. V. 2, London. 1847. P. 651.

⁶⁹ Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Главы III-VIII. // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 224-225.

выступает уже не классический рационализм Декарта и Лейбница, а немецкий идеализм Канта и его последователей:

«Фундаментальная Антитеза – это концепция, направленная на выравнивание курса между двумя фундаментальными теориями познания того времени: британской эмпирической философией, вдохновленной Локком, и немецкой идеалистической философией, вдохновленной Кантом»⁷⁰.

Именно взаимодействие идеального и материального (то есть, априорного элемента и чувственных данных) в процессе познания обеспечивают рост знания и прогресс наук. Игнорирование рационального элемента в познании не позволяет, по мнению Хьюэлла, отобразить его специфику. Поэтому он критически настроен в отношении индуктивизма, предложенного Дж.Ст. Миллем:

«Милль не может отрицать, что наше знание геометрических аксиом и другие знания такого типа представляются необходимыми. Я же не могу отрицать, что наше знание, как аксиоматическое, так и любое другое, никогда не может быть получено без участия опыта»⁷¹.

В этом отношении позиции Хьюэлла и Канта сходятся: ни один из элементов научного познания не может функционировать самостоятельно, однако если Кант использует для классификации элементов свою собственную терминологию, Хьюэлл прибегает к более привычному для британской философской традиции разделению на чувственные впечатления и идеи.

«Мы уже рассматривали разделение нашего познания на два элемента – чувственные впечатления и идеи. Познание в целом обладает

⁷⁰ Fisch M. Necessary and Contingent Truth in William Whewell's Antithetical Theory of Knowledge // Studies in History and Philosophy of Science. 1985. Vol. 16, № 4. P. 279. Стоит отметить, что сам Хьюэлл называет феноменализм Канта «драмой идеалистической философии», настаивая на том, что мир познаваем не только как явление: hewell W. On the Philosophy of Discovery, Chapters Historical and Critical. London, 1860. P. 315.

⁷¹ Whewell W. On Induction, with Especial Reference to Mr. J. Stuart Mill's System of Logic. London, 1849. P. 79. Подробнее о споре Милля и Хьюэлла об индукции см.: Losee J. Mill's Objections to Whewell's Historicism // Loose J. The Theories of Scientific Progress. An Introduction. New-York - London, 2004. P. 19-27 и Forster M.R., Wolfe A.B. Conceptual Innovation and the Relational Nature of Evidence: The Whewell - Mill Debate. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://philosophy.wisc.edu/forster/papers/Whewell1.pdf>.

такими чертами, которыми в отдельности не мог бы обладать ни один из этих элементов. Без наших идей чувственные впечатления были бы лишены связи; без внешних впечатлений наши идеи не имели бы отношения к реальности, поэтому в нашем познании должны присутствовать оба эти элемента»⁷².

При этом определение различия между априорным и апостериорным способом познания важно в первую очередь для установления характеристик самого познавательного процесса. Только разложив познание на составные элементы можно определить его границы и обосновать возможность или невозможность познания тех или иных предметов и явлений. И если познавательный процесс представляет собой взаимодействие активного разума и чувственных данных, поставляемых предметами окружающего мира, то эти сферы должны быть теоретически определены исходя из различия в истинах, получаемых посредством данных двух источников познания.

«Важно подчеркнуть различие между этими истинами, ибо нельзя надеяться понять истинную природу познания, не имея ясного представления об этом различии. Отделение истин, открываемых наблюдением, от тех истин, которые являются результатом акта чистого мышления, является одним из первых и наиболее важных шагов в нашем рассмотрении природы истины и способов ее открытия. Если нет ясного представления об этом различии между необходимыми и случайными истинами, то нельзя двигаться дальше в исследовании оснований человеческого познания и высказывать какие-то спекуляции на эту тему. Однако если это различие однажды понято, оно едва ли может быть забыто»⁷³.

§ 3.2 Опыт как научное познание

Результатом взаимодействия чувственных впечатлений и идей (или, в кантовской терминологии, априорного и апостериорного), является опыт. Как для Канта, так и для Хьюэлла основной характеристикой опыта в отличие от просто

⁷² Там же. С. 227.

⁷³ Там же. С. 229.

набора эмпирических фактов является упорядоченность. Однако Хьюэлл уточняет понятие опыта, сводя его к опыту научному⁷⁴.

«Термин “опыт” я использую здесь в более точном и ограниченном смысле, нежели тот, в котором он употребляется в повседневном языке, ибо я ограничиваюсь вопросами, относящимися к области науки. При этом знание, приобретаемое посредством опыта, оказывается ясным и точным. Чувства, переживания и интересы, которые в практических вопросах так затрудняют усвоение уроков опыта, здесь нас больше не беспокоят»⁷⁵.

Важное отличие концепции Хьюэлла от кантовского априоризма заключается в том, для него внешний мир не является принципиально непознаваемым. Для Канта мир познаваем только как явление, но не как вещь в себе, лежащая в основе данного явления. У Хьюэлла такого рода разделение отсутствует, поэтому результатом познавательного процесса становится знание о мире, а не знание о мире как явлении.

Вполне в духе классической теории познания Хьюэлл стремится исключить из познавательного процесса любые иррациональные элементы, будь то предрассудки, эмоциональные переживания или практический интерес. Поэтому, как и Кант, он стремится сформулировать наиболее обобщенную и субъектно нейтральную концепцию как опытного знания, так и познавательного процесса вообще. Создать такой очищенный от посторонних примесей опыт, который служил бы для расширения научного знания, позволяет присутствие идеального компонента в познании. В работе ученого этот идеальный компонент воплощается, во-первых, в понятиях, во-вторых, в предложениях и в-третьих, в

⁷⁴ Артур Пап полагает, что и Кант под опытом имел в виду именно современную ему науку, а не обыденный эмпирический опыт (См. Pap A. *The Different Kinds of A priori* // *The Philosophical Review*. Vol. 52 № 5. September, 1944. P. 482). Однако данное заявление можно поставить под сомнение. Несмотря на то, что для Канта приоритетными остаются вопросы обоснования научного познания, а наука рассматривается как наиболее важный вид познания, мы полагаем, что в своей теории познавательного процесса Кант имеет в виду, в том числе, и обыденное познание, так как именно оно лежит в основании способности человека познавать вообще.

⁷⁵ Хьюэлл У. *Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Главы III-VIII. // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 231.*

логических законах, по которым они связываются друг с другом, то есть в этом он мало отходит от кантовского априоризма.

«Необходимые истины геометрии и арифметики показывают нам, что наше знание об объектах в пространстве и времени зависит от необходимых отношений между идеями, вне зависимости от того, какие еще компоненты могут в него входить»⁷⁶.

Еще одна важная характеристика опыта в рамках теории познания Хьюэлла – это невозможность посредством одного только опыта сформулировать общие естественнонаучные законы. Для классификаций чувственного опыта используются как математический инструментарий, так и базовые законы физики (в данном случае ньютоновской классической механики). Однако тот факт, что опытное познание свидетельствует об истинности данных законов, не является решающим аргументом в признании их истинными. В этом отношении опыт (как и у Канта) пассивен, он является лишь материалом, подлежащим упорядочиванию, но сама формальная структура, в соответствии с которой создается порядок, никак не зависит от ее содержания.

«Опыт замечает, что утверждения геометрии истинны, однако он не способен увидеть, насколько глубоки и абсолютны эти истины. Он без колебаний принимает законы, устанавливаемые геометрией, однако не претендует на обнаружение источника их обязательности. Опыт всегда готов признать власть чистых научных принципов как факт, но он не стремится выдать свое мнение об этих принципах за их оправдание; и в еще меньшей мере он может претендовать на то, чтобы считать себя источником их непреложности»⁷⁷.

Здесь стоит отметить, что как и у Канта, так и у Хьюэлла встречаются некоторые неточности при разделении опыта и чувственных данных. С одной

⁷⁶ Whewell W. On the Fundamental Antithesis of Philosophy // Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences Founded upon their History. V. 2, London. 1847. P. 659.

⁷⁷ Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Главы III-VIII. // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 240.

стороны, под опытом понимается связка «чувственные данные плюс идеальный (априорный) компонент», с другой стороны, - само слово «опыт» иногда используется в качестве синонима чувственных данных. В то же время, когда речь идет о независимости идеального компонента от материального, под материальным компонентом могут пониматься как чувственные данные, так и непосредственно опыт. Мы полагаем, что это обстоятельство можно понимать следующим образом: идеальные (априорные) истины в своем обосновании не зависят не только от непосредственных чувственных данных, но и от уже упорядоченных чувственных данных, то есть, от опыта в строгом смысле слова.

§ 3.3 Базовые характеристики *a priori*

В отличие от Канта, Хьюэлл предлагает более адаптированную к науке классификацию априорных понятий и предложений, развивая предложенную в «Критике чистого разума» концепцию. Тем не менее, базовые характеристики априорных понятий и предложений у Хьюэлла и у Канта идентичны: это независимость от опыта, необходимость и универсальность. И опять же, они вытекают из той роли (то есть, внешних характеристик), которую априорные категории и положения играют в познавательном процессе. Для того чтобы познавательный процесс был осуществим, необходимы определенные правила, характер которых был бы принципиально отличен от изменчивого и непостоянного характера чувственных данных. Хьюэлл проводит четкое различие между необходимыми и случайными (экспериментальными) истинами⁷⁸. Первое различие заключается в источнике происхождения данных истин: источником необходимых и универсальных истин служит разум, источником случайных — опыт.

«Разница между этими двумя классами истин обусловлена тем, что они черпают свою природу из разных основ знания. [...] Одни

⁷⁸ Это различие вводится для предложений, но не для понятий, речь о которых пойдет ниже.

являются такими истинами, которые, как мы видим, должны быть истинными; другие являются истинами, но насколько мы можем судить, могло бы быть и иначе. Первые истины являются необходимыми и универсальными, вторые получены из опыта и ограничены опытом. Теперь в отношении истин первого рода я хочу показать, что универсальность и необходимость, являющиеся их отличительными чертами, никоим образом не могут быть выведены из опыта; что на самом деле эти особенности вытекают из идей, включенных в эти истины. Необходимость истины выявляется в ходе логического доказательства, опирающегося на определенные фундаментальные принципы (определения и аксиомы), которые можно рассматривать как выражающие в некоторой мере существенные особенности наших идей»⁷⁹.

Основной характеристикой случайных истин становится потенциальная возможность их ложности. Как мог бы сказать современный эпистемолог: возможно представить себе такой мир, в котором данные высказывания были бы ложными. Однако в случае обоснования и доказательства истинности необходимого предложения применяются уже иные критерии:

«истина является необходимой в том случае, когда мы не только понимаем, что суждение истинно, но видим в то же время, что оно *должно* быть истинным; когда отрицание такой истины не просто ложно, а невозможно; когда мы не можем вообразить или предположить что-то обратное тому, о чем оно говорит»⁸⁰.

Данное определение необходимости практически дублирует определение Канта, и точно также дает возможность для многочисленных интерпретаций, которые и были предложены эпистемологами в XX веке. Более подробно вопрос о трактовке необходимости будет рассмотрен во второй главе, тем не менее, на данном этапе стоит отметить, что невозможность предположения истинности противоположного высказывания впоследствии интерпретировалось как выход за пределы логической (формальной) необходимости в сферу психологии, а потому потенциально могло повлечь ошибки в рассуждении и доказательстве. И если

⁷⁹ Там же. С. 227.

⁸⁰ Там же.

Канта упрекали в том, что некоторые формулировки его определения необходимости в конечном итоге сводились к психологизму, то те же упреки справедливы и для определения необходимости Хьюэлла.

Однако в его формулировке определения необходимости, как и у Канта, имеет место и логическое определение: необходимым является такое положение, отрицание которого ложно. Эту же формальную характеристику мы рассматривали и у Канта, полагавшего закон противоречия основным критерием аналитичности. В отличие от невозможности представить или помыслить противоположное суждение, формальный критерий необходимости опирается на законы логики, то есть остается независимым от способностей того или иного познающего субъекта.

§ 3.4 Априорные синтетические суждения

Тем не менее, Хьюэлл вслед за Кантом предполагает наличие априорных синтетических истин. Рассматривая примеры из арифметики, он демонстрирует возможность выхода за пределы тавтологических высказываний в рамках априорных понятий и суждений. Расширение понятий в данном случае происходит не в силу получения нового эмпирического опыта, а как следствие взаимодействия априорных (идеальных) законов и понятий. Хьюэлл использует пример $3+2=5$:

«Можно было бы сказать, что это утверждение выражает лишь то, что мы подразумеваем под нашими словами, что речь идет об определении и что данное утверждение представляет собой тавтологию. Однако это вовсе не так. Пять определяется не как три и два, а как четыре и один. Как получается, что три и два оказываются тем же самым числом, что четыре и один? Ясно, что это так, но *почему* ясно? Не потому, что данное суждение является тавтологией: если бы это было так, то тогда все суждения о числах были бы самоочевидными. Если три и два дают пять по определению, тогда по определению 39 и 27 дают 66. Но кто скажет, что определением 66 является 39 и 27? Величина чисел не может влиять на основания

истины. [...] Можно ответить, что корректность этого правила может быть строго доказана. Можно показать, что процесс деления неизбежно приведет к истинному результату»⁸¹.

Таким образом, базовые математические и логические законы становятся тем основанием, на котором строится возможность априорных синтетических суждений. Несмотря на то, что изначально все теоремы евклидовой геометрии выводятся из базовых аксиом, они представляют собой выход за пределы данных аксиом, и тем самым способны предоставить все же новое знание⁸². Если у Канта синтетический характер математических суждений основывался на выходе за пределы понятия, а тот, в свою очередь, на возможности созерцания, то Хьюэлл не выходит за пределы формального обоснования синтетических *a priori*.

При этом важно отметить, что полученные таким образом новые понятия и законы, хоть и не являются тавтологиями в чистом виде, могут быть сведены к определенному набору тавтологичных высказываний. В этом, по мысли Хьюэлла, и заключается природа демонстративного (то есть априорного) доказательства.

«Несомненно, это можно показать. И как раз потому, что *можно* показать, что результат должен быть истинным, мы имеем здесь пример необходимой истины. Она необходима *не потому*, что сама по себе является тавтологичной, а потому, что ее можно доказать посредством сведения к очевидно тавтологичным суждениям»⁸³.

В этом контексте идея Б.Рассела и А.Уайтхеда о сведении математики к логике уже не выглядит столь новаторской. Данные математики, равно как и наиболее общие законы и классификационные принципы других научных дисциплин, принципиально сводимы к логическим законам в том смысле, что именно логические законы в конечном итоге являются гарантией их истинности.

⁸¹ Там же. С. 227-228.

⁸² На наш взгляд, здесь Хьюэлл остается верен схоластическому определению априорности как аргументу или доказательству от общего к частному.

⁸³ Там же С. 228.

«Таким образом, все содержание геометрии сводится к определениям и аксиомам, используемым в наших элементарных рассуждениях, и точно так же демонстративные истины других наук могут быть сведены к используемым нами определениям и аксиомам»⁸⁴.

Логика в данном случае, хотя сама по себе не дает нового знания, является единственным инструментом, с помощью которого получение нового знания, а также обоснование его статуса как знания (то есть, доказательство его истинности) становится возможным.

«Мысль о том, что логическое рассуждение не производит новых истин, а лишь раскрывает и выявляет те истины, которые уже содержались в начальных принципах рассуждения, признается почти всеми, кто в наше время обращался к науке логике. Эта мысль признается и теми, кто защищает, и теми, кто отрицает ценность логики»⁸⁵.

§ 3.5 Необходимость и универсальность

Здесь способность логики самой по себе производить новые знания наравне с другими науками становится непринципиальной. Роль последнего инструмента обоснования истинности суждений в других научных дисциплинах оказывается вполне достаточной. Базовые логические законы обеспечивают необходимость первичных аксиом математики и других естественнонаучных дисциплин, а уже из этого следует их универсальность.

«Необходимые истины должны быть *универсальны*. Если некоторое свойство *необходимо* принадлежит какому-то прямоугольному треугольнику, то оно должно принадлежать *всем* прямоугольным треугольникам»⁸⁶.

Универсальность в данном случае трактуется как применимость ко всем частным случаям в выделенном классе предметов или явлений. Тем не менее, она прочно связывается с необходимостью. В силу своей ограниченности, опытное

⁸⁴ Там же. С. 237.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 231.

познание не может учесть все возможные частные случаи. Однако так как истинность априорных суждений не зависит от данных опыта (что является основанием их необходимости), сфера их применения не ограничена набором наблюдаемых в опыте случаев.

«Опыт всегда состоит из ограниченного числа наблюдений. [...] Он может наблюдать и регистрировать то, что происходит, но опыт не может в каком-либо случае или в совокупности случаев найти причину того, что *должно* случиться. Опыт может увидеть объекты, находящиеся рядом друг с другом, однако он не способен увидеть причину того, что они находятся рядом. Опыт обнаруживает, что одни события следуют за другими, но сама по себе последовательность событий не говорит о причине этого следования. Опыт созерцает внешние объекты, однако он не может обнаружить какой-либо внутренней связи, неразрывно связывающей будущее с прошлым, возможное с действительным. Принять некоторое суждение благодаря опыту и понять, что оно необходимо истинно, - это две совершенно разные процедуры мышления»⁸⁷.

Как и Кант, Хьюэлл генетически связывает необходимость и универсальность: если некое положение принимается как необходимое, из этого следует, что оно универсально, то есть может применяться ко всем частным случаям данного класса (например, треугольникам). В совокупности необходимость и универсальность первичных аксиом, а также выводимых из них теорем являются теми свойствами априорных суждений, благодаря которым последние и являются формальной и регулятивной рамкой для опытного познания.

Тем не менее, Хьюэлл не удовлетворяется простой констатацией необходимости и универсальности аксиом посредством сведения их к логическим законам. Для него важно выделить отличные от логических базовые принципы познания. Благодаря таким принципам возможно показать, что априорные суждения не сводятся к аналитическим суждениям, то есть расширить сферу

⁸⁷ Там же. С. 232-233.

априорного. Для того чтобы служить условием возможности познавательного процесса, априорные понятия и суждения должны сами быть продуктивными, то есть давать новое знание.

«Итак, реальную логическую основу любого набора демонстративных истин представляют определения и аксиомы, являющиеся исходными принципами рассуждения. Но когда мы доходим до этого пункта, перед нами встает дальнейший вопрос: что лежит в основе истинности самих этих аксиом? Мы ищем не логическое, не формальное, но философское, реальное основание необходимой истины. Поэтому нам нужно исследовать, на что опираются аксиомы геометрии, механики и любой другой демонстративной науки»⁸⁸.

Аналогичный ход делает и Кант, разбивая априорные формы на формы чувственности (пространство и время), формы рассудка (двенадцать категорий) и формы разума (идеи), выстраивая иерархию априорных понятий и предложений в соответствии с их близостью по отношению к опыту. Хьюэлл несколько видоизменяет кантовскую модель, однако и у него наиболее общими априорными категориями являются именно идеи, которые представляют собой фундаментальные принципы, в соответствии с которыми строится познавательный процесс.

«Исходя из нашего представления о природе познания, мы уже дали ответ на этот вопрос. Основанием аксиом каждой науки является *Идея*, включенная в эти аксиомы. Основанием аксиом геометрии является *Идея пространства*; основанием аксиом механики является *Идея силы, действия и противодействия*, и так далее. Следовательно, это фундаментальные идеи. А поскольку они являются фундаментом не только доказательства, но и истинности, анализ их реального значения и их природы оказывается нашей величайшей целью»⁸⁹.

⁸⁸ Там же. С. 238.

⁸⁹ Там же.

§ 3.6 Априорные понятия и суждения: классификация

Хьюэлловское понимание необходимости влечет за собой весьма неоднозначные подмеченные исследователями следствия, которые впоследствии без какого бы то ни было отношения к его теории познания, нашли свое отражение в различных концепциях *a priori* в XX веке (в частности, в прагматической и исторической).

«Интересным следствием интерпретации взглядов Хьюэлла на необходимость является то, что каждый закон природы необходимо истинен, т.к. аналитически следует из некоторой идеи, использованной Богом при создании этого мира. Хьюэлл не проводит никакого различия между истинами, которые могут быть идеализированными и теми, которые не могут. Таким образом, потенциально, любая эмпирическая истина может считаться необходимой истиной, если она основана на достаточно обоснованных идеях и концепциях»⁹⁰.

В отличие от Канта, стремившегося выявить наиболее фундаментальные принципы возможности опытного знания, то есть такие принципы, которые обуславливают весь опыт вообще, Хьюэлл концентрируется на базовых принципах конкретных научных дисциплин. Если для Канта наиболее общими априорными категориями являются понятия мира, души и Бога⁹¹, то у Хьюэлла на этом месте выступают как раз те категории, которые делают возможным научное познание. Например:

«Пространство не является реальным объектом или вещью, отличной от других объектов, которые в нем существуют. Но это реальное условие существования внешних объектов»⁹².

⁹⁰ Snyder L.J. William Whewell. // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2012 Edition). Edward N. Zalta (ed.). URL = <<http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/whewell/>>.

⁹¹ Это идеи чистого разума, обеспечивающие возможность всего опыта вообще.

⁹² Whewell W. *Novum Organon Renovatum*. London, 1858. P. 8.

Впрочем, ограничение опыта только научным познанием в этом отношении вполне укладывается в предложенную Хьюэллом теорию. В то же время важное место здесь занимает и проблема обоснования научного знания.

Далее в иерархии априорных понятий и суждений следуют аксиомы математики и естественных наук:

«Формулировки необходимых и очевидных условий, налагаемых на познание фундаментальными идеями, называются *аксиомами*. Так, например, аксиомы геометрии выражают необходимые условия, вытекающие из идеи пространства; аксиомы механики выражают необходимые условия, задаваемые идеями силы и движения, и т.д.»⁹³

Идеи, лежащие в основании научных дисциплин, служат основой для создания первичных аксиом этих дисциплин. В случае с аксиомами, теоремы, выведенные из них, представляют собой дальнейшее развитие данной идеи, ее конкретизацию в отношении различных аспектов, и в итоге позволяют получить знание (вывести новый закон для упорядочивания нового опыта и т.д.). Тем не менее, полное содержание этих первичных идей не может быть полностью и эксплицитно выражено.

«Эти принципы – определения и аксиомы, - будучи проявлением первого развертывания фундаментальной идеи, фактически выражают эту идею в той мере, в которой ее словесное выражение образует часть науки. Они по-разному освещают одно и то же тело истины, и хотя сам по себе каждый принцип выражает лишь одну сторону этого тела, взятые вместе, они дают представление о нем, достаточное для наших целей. Сама идея не может быть зафиксирована в словах, однако различные проявления истины, вытекающие из нее, достаточны для того, чтобы обеспечить ей место в подготовленном мышлении и дать возможность проявить свою природу»⁹⁴.

Фундаментальный характер для познавательного процесса данных идей вместе с их принципиальной невыразимостью не только делают познание

⁹³ Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Главы III-VIII. // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 235.

⁹⁴ Там же. С. 239.

возможным, но и гарантируют его принципиальную незавершенность, так как стоящие в его основе принципы становятся неисчерпаемыми. Кроме того, именно общие идеи конкретных научных дисциплин придают им их универсальность.

«Два процесса, из которых строится Наука – это Объяснение Понятий и Связывание Фактов»⁹⁵. И в другом месте: «Неразделимая природа фундаментальной антитезы Идей и Вещей придает нашему знанию реальный статус, а объективную реальность соединяет с нашими субъективными несовершенствами в погоне за знанием»⁹⁶.

Таким образом, как и в случае с математическими законами, необходимость и универсальность которых основывается на возможности их сведения их к законам логики, необходимость и универсальность наиболее общих физических законов основывается не на том, что эмпирические объекты ведут себя в согласии с данными законами, а на том, что условиями возможности их формулировки являлись базовые идеи, стоящие в основании физики. В этом отношении статус эпистемический статус физических законов не отличается от эпистемического статуса математических теорем.

«То, что действие вызывает равное и противоположно направленное противодействие, является столь же необходимой истиной, как и утверждение о том, что две прямые линии не могут образовать замкнутого пространства. Как невозможно сделать диагональ квадрата соизмеримой с его стороной, точно так же теоретически невозможно создать вечный двигатель»⁹⁷.

Однако есть и другой тип априорных понятий, который хоть и стоит в априорной иерархии ниже наиболее общих и базовых идей, все же необходим для осуществления познавательного процесса. В этот отдельный тип априорных понятий Хьюэлл выделяет технические термины. По сути, такими понятиями

⁹⁵ Whewell W. *Novum Organon Renovatum*. London, 1858. P. 29.

⁹⁶ Whewell W. *On the Fundamental Antithesis of Philosophy* // Whewell W. *The Philosophy of the Inductive Sciences Founded upon their History*. V. 2, London. 1847. P. 666-667.

⁹⁷ Хьюэлл У. *Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю*. Главы III-VIII. // *Эпистемология и философия науки*. 2015. № 1. С. 231.

являются все уточненные в результате научного исследования термины, которые, таким образом, структурируют научные классификации, пригодные к последующему использованию и передаче. В отличие от базовых идей, стоящих в основе научных дисциплин, технические термины представляют собой инструменты для упорядочивания опыта.

«Большая часть наших идеальных понятий описана точными и устойчивыми словами и фразами [...] Эти выражения становятся столь же обыденными, как те слова, посредством которых мы выражаем наши повседневные переживания и интересы, хотя, конечно, они являются несравненно более точными, нежели те слова, посредством которых мы выражаем наши чувства. Они содержат в себе результаты глубокой и тщательной подготовки к исследовательской работе. Они передают последующим поколениям умственные сокровища какого-то периода, и снабженные точным смыслом, без ущерба для себя проходят через водовороты времени, в которых рушатся империи и уходят в прошлое обыденные языки»⁹⁸.

Такое систематическое выстраивание иерархии идей, аксиом, теорем и технических терминов, направленное на отделение в познавательном процессе внеопытного (необходимого и универсального) от опытного (случайного и изменчивого) элементов в теоретической системе Хьюэлла направлено не только на обоснование возможности научного знания и установления его границ, но и на закрепление за научным познанием особого эпистемического статуса. Именно за научным познанием, а не за другими его видами (если таковые вообще возможны) закрепляется приоритет в производстве знаний об окружающем мире по той простой причине, что именно научное познание воплощает в себе те базовые идеи, которые структурируют наши рассуждения и наш опыт.

«необходимость и универсальность тех истин, которые являются частью нашего знания, выводится из фундаментальных идей, включенных в эти истины. Эти идеи придают форму нашему знанию и задают его границы, они руководят операциями нашего мышления,

⁹⁸ Там же. С. 225-226.

без которых пассивные чувственные впечатления не стали бы знанием. Они управляют этими операциями согласно твердым и неизменным правилам, которые могут быть выражены в ясных и четких терминах. Будучи выраженными, эти правила становятся базисом демонстративных рассуждений, посредством которых отношения необходимости, вносимые в наше знание нашими идеями, можно проследить до их следствий в самых отдаленных ветвях научной истины»⁹⁹.

Таким образом, исключив область априорного из познавательной сферы и сведя познание только лишь к опыту, мы теряем регулятивные инструменты для структурирования данного опыта, то есть, возвращаемся к хаосу чувственных впечатлений. Эту мысль можно продолжить: отказываясь от априорных понятий и суждений, а также основанных на них правил и норм, мы теряем не только обоснование научного знания, но и критерии ведения рациональной дискуссии и рационального рассуждения, т.е. доказательства и опровержения.

§ 3.7 Предварительные выводы

В центре внимания априоризма У. Хьюэлла находятся внешние, функциональные характеристики *a priori*, которые служат основой для его внутренних, формальных характеристик (необходимости и универсальности). Настаивая на постоянном взаимодействии эмпирического и априорного компонентов в процессе научного познания, Хьюэлл подчеркивает, что их отделение друг от друга представляет собой задачу, требующую специальной тренировки. Тем не менее, научное познание невозможно без априорного элемента, так как именно он дает исследователю необходимые категории (будь то законы или технические термины) которые являются, по сути, познавательными инструментами. На наш взгляд, линия априоризма, идущая от Хьюэлла и совмещающая *a priori* с историей и философией науки, хоть и неявно, но

⁹⁹ Там же. С. 234-235.

представлена как в философии науки XX века (в концепциях Т. Куна, И. Лакатоша и К. Поппера), так и в современных дискуссиях.

§ 4. *A priori* как проблема эпистемологии и философии науки

Версии априоризма Канта и Хьюэлла задали основную проблематику и вектор ее рассмотрения последующих исследований эпистемологии и философии науки. Определив априорный элемент в качестве условия возможности опытного познания (и познания вообще), они сделали разделение на априорное и апостериорное одной из догм, без которой исследование познавательного процесса с философской точки зрения становится неполным.

«Весь синтез, благодаря которому становится возможным само восприятие, подчинен категориям, и так как опыт есть познание через связанные между собой восприятия, то категории суть условия возможности опыта и потому *a priori* применимы ко всем предметам опыта»¹⁰⁰.

Здесь очерчиваются базовые характеристики, в отношении которых продолжаются и современные дискуссии вокруг априоризма. Противники априоризма пытаются показать теоретическую несостоятельность данных характеристик, сторонники – оправдать их, либо предложить такую их версию, которая удовлетворяла бы запросам современного научного знания.

Концепцию *a priori* Канта принято рассматривать как концепцию абсолютного *a priori*. Априорные понятия и суждения, в силу таких их свойств как необходимость и универсальность, должны оставаться вечными и неизменными. В конце концов, одно из определений априорных истин

¹⁰⁰ Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С. 214.

характеризует их как такие истины, ложность которых невозможно вообразить. Данное понимание познавательного процесса перекочевало из кантовской философии в неокантианство. Однако развитие научного знания в конце XIX – начале XX вв., по мнению критиков априоризма, показало, что научная картина мира, предлагаемая ньютоновской физикой, на которую опирается априоризм как Канта, так и Хьюэлла, не единственно возможная, точно также как геометрия не исчерпывается евклидовой геометрией, и даже логика, в которой практически не наблюдалось прогресса, не сводится к логике Аристотеля.

Можно ли при таком положении дел утверждать существование неких вечных и неизменных истин, необходимых и универсальных, а потому сохраняющих свой эпистемический статус вне зависимости от развития эмпирических наук? Критика априоризма здесь сводится к тому, что такого рода истины могут представлять из себя только догмы, которые тормозят научный прогресс, и являются новым видом предрассудков, мешающих расширению знания. Приоритет научного познания, который стремились обосновать Кант и Хьюэлл посредством *a priori*, сыграл и негативную роль для философского рассмотрения научного процесса в контексте априоризма.

Критика априоризма в его классической версии затронула не только те направления философской мысли, где центральными стали вопросы семантики и языка науки, но менее формализованные направления эпистемологии, например, французская историческая эпистемология, которая представляет собой философскую рефлексию над историей науки.

«Разум, - пишет французский эпистемолог первой половины XX века Г. Башляр, - повторю еще раз, должен подчиниться науке. Геометрия, физика, арифметика суть науки; традиционная доктрина абсолютного и неизменного разума – всего лишь философия. Устарелая философия»¹⁰¹.

¹⁰¹ Башляр Г. Философское отрицание. // Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С. 281.

В первой половине XX века нападки на кантианскую (а также неокантианскую) концепцию *a priori* встречаются практически во всех направлениях эпистемологии и философии науки, будь то логический позитивизм, философия языка, прагматизм или историческая эпистемология. Выше мы показали, что представление кантовской системы как системы абсолютных и неизменных априорных истины верно лишь отчасти. Кант оставляет возможность для пересмотра и уточнения как эмпирических, так и априорных понятий. Однако система априорных категорий чувственности, рассудка и разума при ее метафизическом, а не эпистемологическом истолковании, действительно создает догму абсолютного и неизменного разума, способного применять в процессе познания только определенный (и весьма узкий) набор инструментов.

Но действительно ли априоризм является столь бесплодной теорией, тормозящей развитие не только научного знания, но и философии познания или эпистемологии? И действительно ли ответственность за это нужно возложить на первых его теоретиков? Насколько справедливо интерпретировать априоризм как философскую концепцию «застывшего разума», который с помощью одних и тех же инструментов, продуктивность которых давно исчерпала себя, безуспешно пытается приумножить научные знания, в то время как математические и естественные науки шагнули далеко вперед?

На наш взгляд, истолкование кантовского (равно как и хьюэлловского) априоризма в качестве абсолютистской теории неверно. Выше мы показали, что введение понятия синтетического *a priori* как Кантом, так и Хьюэллом, сохраняют место для конструктивного и прагматического элементов в познании. Во-первых, это позволяет им сохранить критическую функцию философии по отношению к науке, а во-вторых, согласовать теоретическую философию с реалиями научного познания. Конструктивный элемент *a priori* в данном случае реализуется в

конструировании понятий, прагматический – в уточнении их определений (в частности, у Хьюэлла – в его концепции технических терминов).

Эти элементы представляют собой внешние, или функциональные характеристики *a priori*, которые впоследствии были вытеснены из рассмотрения в эпистемологии, хотя и сохранились в философии науки.

Тем не менее, поставленные Кантом проблемы, если отвлечься от их узкого истолкования и рассмотреть более широкий философский контекст, не теряют своей актуальности и для современной эпистемологии:

«Философское *a priori* претерпело этот переворот в трансцендентальной философии Канта, в которой оно принимает, по крайней мере, два явно различающихся значения: в узком смысле логическое, относящееся к аналитике суждений, и трансцендентальное, указывающее на чистый, т.е. независимый от опыта и предшествующий опыту характер определенных представлений субъекта. [...] Двойственное значение *a priori*, встречающееся у Канта, оказывается давно ожидаемым ответом на центральный вопрос современности – вопрос о значимости познания и достоверности опыта»¹⁰².

Поэтому мы полагаем, что целесообразно различать «внешние» и «внутренние» характеристики *a priori*. Внешние характеристики указывают на функцию *a priori* в познавательном процессе: априорные понятия и суждения являются условиями возможности опыта и познания (как обыденного, так и научного). Внутренние характеристики, в свою очередь, указывают на свойства априорных принципов познания, благодаря которым они могут выполнять свою основную функцию. К таким характеристикам (в зависимости от той или иной концепции *a priori*) могут быть отнесены независимость от опыта, необходимость, универсальность, аналитичность, неизменность, а также и ряд других.

¹⁰² Руморе П. Два вида аргіогі в философии Нового времени. // Многообразие *apriori*. Материалы международной конференции на философском факультете РГГУ 19-20 апреля 2012 г. М., 2013. С. 87.

В то же время, разделение на априорные и апостериорные суждения, а также выявление критериев их отличия, затрагивают разные дисциплинарные области. Если пара *a priori* / *a posteriori* носит эпистемологический характер, то есть она указывает на способ обоснования либо узнавания того или иного понятия или суждения, то разделение на аналитические и синтетические суждения носит уже характер семантический, то есть определяет отношения референции. В эпистемологии XX века этот факт неоднократно подчеркивался, в частности, когда речь заходила о критике априоризма. Зачастую в таких типах критики под априорными предложениями понимались только тавтологии (аналитические высказывания). Однако сведение априорных понятий и предложений к аналитическим (то есть только поясняющим, а не расширяющим) положениям, на наш взгляд, сужает сферу применимости априорных понятий и предложений, и тем самым не позволяют им выполнять свои изначальные функции, т.е. служить основанием для возможности опыта и познавательного процесса. Тем не менее, представители семантического подхода к проблеме априоризма в XX-XXI вв. использовали лингвистический инструментарий не только для критики, но и для реабилитации понятий *a priori* (об этом речь пойдет в Главе 2).

Базовые внутренние характеристики априорных понятий и суждений, выделенные первыми теоретиками априоризма, составляют тройку наиболее ожесточенных предметов споров:

(1) Независимость от опыта: является ли, например, мысленный эксперимент, опытом? Можно ли сам процесс мышления назвать определенного рода опытом и тем самым свести внеопытные теоретические построения к особому виду опыта? Имеется ли в виду конкретный эмпирический опыт, или речь идет о совокупности всего человеческого опыта?

(2) Необходимость: какой вид необходимости (логическая, метафизическая, физическая) применим к понятиям и суждениям *a priori*? Сохраняется ли

необходимость в том случае, если априорные понятия и суждения являются не самоочевидными положениями, а представляют собой конвенции?

(3) Универсальность: аксиомы и теоремы евклидовой геометрии не работают для неевклидовых геометрий, можно ли их считать в таком случае универсальными? И если универсальность ставится в зависимость от необходимости, то меняется ли она при переопределении необходимости или отдельного ее типа?

Однако если принять во внимание базовую установку, с которой априоризм оформился в отдельную эпистемологическую теорию, то есть обоснование возможности опыта и познавательного процесса вообще, мы можем сделать вывод, что данные вопросы играют скорее частный и инструментальный характер, а потому и должны быть рассматриваемы под определенным углом. Обозначенные характеристики *a priori* являются его внутренними характеристиками, то есть ответом на вопрос, что должны представлять из себя априорные истины, чтобы служить условием возможности познания и опыта.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что помимо указанных характеристик к понятию *a priori* в его классическом (т.е., абсолютном) варианте добавляются и другие, а именно:

(4) Неопровержимость;

(5) Неустранимость (под неустранимостью имеется в виду невозможность пересмотра и коррекции тех или иных априорных понятий или суждений)¹⁰³.

Более того, можно выделить и еще одну характеристику *a priori* – истинность. Рассмотрение априорных суждений как истинных становится настолько тривиальным, что ставится знак равенства между априорным суждением и априорной истиной. Здесь имеется в виду то, что если апостериорное суждение может быть истинным или ложным, то априорное –

¹⁰³ Engel P. Va savoir! De la connaissance en général. Paris, 2007. P. 205.

только истинным¹⁰⁴. И это действительно справедливо, если мы склонны сводить априорность к аналитичности. Однако ни Кант, ни Хьюэлл, в отличие от более поздних эпистемологов, не пытались свести априорные суждения к чисто аналитическим суждениям.

И можно ли сказать, что первые теоретики априоризма предполагали абсолютную неустранимость и неизменность априорных понятий и суждений?

«Каждый шаг вперед в человеческом познании, как мы видели, состоит в приспособлении новых идеальных понятий к установленным фактам, т.е. в наложении формы на материю, активного процесса на пассивный процесс нашего мышления. Каждый такой шаг вносит в наше познание добавочную порцию идеального элемента и тех отношений, которые вытекают из природы идей»¹⁰⁵.

Познание представляет собой активный и динамичный процесс, все элементы которого находятся в состоянии постоянного взаимодействия, изменения и корректировки. Однако, как полагают современные сторонники априоризма, пересмотр понятий, отказ от тех или иных научных концепций, а также выдвижение новых научных теорий невозможно без определенной нормативной (или регулирующей) базы. И это обстоятельство вновь возвращает нас к классическому вопросу об условиях возможности познания и его границах, а значит, о роли априорного в познавательном процессе.

В то же время, в отличие от эпистемологии, в рамках философии науки априоризм сохраняет свои внешние функциональные характеристики, хотя и не в явной форме. Если для аналитической эпистемологии характерен формальный подход к *a priori*, концентрирующийся на его внутренних характеристиках и избегающий содержательного наполнения (будь то история науки, или современные научные исследования), то здесь сами задачи дисциплины

¹⁰⁴ О различных трактовках истинности см.: Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 5-29.

¹⁰⁵ Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Главы III-VIII. // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 226.

(объяснение и обоснование феномена научного знания) требуют привлечения дополнительных компонентов.

Анализируя современные ему научные теории в их развитии Хьюэлл, в большей степени, нежели Кант, хотя аналогичные отсылки встречаются и у него, эксплицирует необходимость прагматического и конструктивного элемента в познании. Впоследствии это находит свое отражение в уже ставших классическими теориях развития науки Томаса Куна и Карла Поппера. Априорные понятия и суждения – это отправная точка любого научного исследования (будь то парадигма или *background knowledge*), и именно в этом смысле они являются условиями возможности опыта. В то же время, история науки является наглядным примером того, что базовые установки подвержены изменению и пересмотру. Объяснить это явление довольно трудно, если мы становимся на позицию абсолютного *a priori*, принимая только его внутренние характеристики. Однако добавление функциональных характеристик априорных суждений, допускающих конструирование, изменение и пересмотр априорного элемента в познании, в большей степени способно объяснить возможность прогресса научного знания.

Глава 2. Современные концепции *a priori*

В настоящей главе рассматривается трансформация классического априоризма в философии XX-XXI веков. Логические эмпиристы, заимствуя у Канта понятие *a priori*, сводят априорность к аналитичности, критикуя возможность априорных синтетических суждений. Таким образом в эпистемологии XX века формируется формальный подход к *a priori*, в рамках которого игнорируются его функциональные характеристики. Заимствуя концептуальный и методологический аппарат у логического эмпиризма, современные сторонники *a priori* сохраняют формальный подход в своих исследованиях. Несмотря на наличие критики формального подхода со стороны прагматической эпистемологии, он продолжает свое существование и развитие и сегодня, в виде семантической и когнитивной концепций *a priori*.

§ 1. Возможности тематизации *a priori*

Кантовская концепция *a priori* стала предметом многочисленных дискуссий среди философов не только в рамках эпистемологии и философии науки, но и в других философских дисциплинах (метафизике, этике и даже эстетике). Вне зависимости от того, сводились ли они к критике или защите априоризма, в результате данных дискуссий термин *a priori* прочно вошел в философский оборот, сохраняя свою значимость и на сегодняшний день.

Тем не менее, понятие *a priori* подверглось серьезной критике и пересмотру: в конце XIX – начале XX века классическое кантовское определение *a priori* было поставлено под сомнение в связи с бурным развитием

естественнонаучного знания, вышедшего за пределы ньютоновской физики и евклидовой геометрии. Кроме того, пересмотр классического определения *a priori* был связан и с изменениями, произошедшими в рамках самой философии: появление прагматизма, критика метафизики и психологизма, развитие таких течений как логический эмпиризм и философия языка, стремящихся организовать философское знание по принципу естественнонаучных дисциплин, – все эти преобразования затронули и априоризм. Развитие философии науки как отдельной дисциплины также не могло не оказать влияние на развитие априоризма. Это привело к возникновению различных моделей тематизации понятия *a priori* в философской мысли.

Несмотря на многочисленные критические замечания в адрес априоризма, исследование, проведенное в 2009 году Дэвидом Бурже и Дэвидом Чалмерсом среди философов, показало, что 77,1% опрошенных признают наличие априорного знания¹⁰⁶. Здесь речь идет в первую очередь об англоязычной аналитической философии, хотя возможны и альтернативные подходы¹⁰⁷.

Единственный пункт, по которому сходятся мнения как критиков априоризма, так и его апологетов, - классическое понимание *a priori* не соответствует ни развитию естественнонаучного знания, ни требованиям, предъявляемым к философии и гуманитарным наукам. Выводы, которые можно

¹⁰⁶ Окончательные результаты исследования были опубликованы только в 2014 году: Bourget D., Chalmers D.J. What do philosophers believe? // *Philosophical Studies*. 2014. Vol. 170, № 3. P. 465-500. В данной статье изложена методология и основные результаты исследования. Полный список вопросов и распределение ответов респондентов по группам доступно на интернет-ресурсе PhilPapers, URL http://philpapers.org/surveys/results.pl?affil=Target+faculty&areas0=0&areas_max=1&grain=coarse. Стоит отметить, что столь высокий процент сторонников априоризма стал неожиданным и для самих авторов исследования.

¹⁰⁷ В диссертации Гавриленко С.М., озаглавленной «Альтернативные стратегии тематизации Априори в философии XX века (Гавриленко С.М. Альтернативные стратегии тематизации Априори в философии XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2000) в качестве альтернативных подходов указываются *a priori* в феноменологии, а также историческая и эволюционная концепции *a priori*. Из этого можно сделать вывод, что концепции *a priori*, предложенные в аналитической эпистемологии, представляют собой основной подход к тематизации данного понятия. Поэтому здесь мы намеренно не рассматриваем концепции априоризма типа эволюционного *a priori* К. Лоренца или генетического *a priori* Ж. Пиаже, т.к., на наш взгляд, несмотря на их продуктивность для определенных направлений эпистемологии и психологии, они находятся в стороне от дискуссий об априоризме, находящихся в фокусе настоящего исследования.

сделать из данного факта, неутешительны для сторонников Канта, но вполне оптимистичны для эпистемологов:

(1) В силу неясности классического определения априорности, а также его основных свойств, от данного термина следует вовсе отказаться, дабы избежать связанных с ним затруднений (подробнее о данных затруднениях будет сказано ниже). В частности, этот взгляд разделяют сторонники натурализации эпистемологии и философии науки.

(2) Несмотря на недостатки классического определения, термин *a priori* имеет право на существование, так как его эпистемологическая значимость (условие возможности познавательного процесса и рациональной дискуссии) сохраняется вне зависимости от того, откажемся мы от данного термина, или нет. Поэтому исключение термина *a priori* из философского словоупотребления вовсе не устранил те вопросы и затруднения, которые во многом им же и были поставлены. Тем не менее, его содержание необходимо пересмотреть, а именно отойти от абсолютной концепции *a priori* в пользу концепции (или концепций) относительного *a priori*.

В настоящем исследовании нас интересуют, в первую очередь, дискуссии вокруг априоризма, происходившие в так называемой аналитической философской традиции. Одной из основных отличительных особенностей данных дискуссий является их тесная связь с логическими и лингвистическими дисциплинами: для его пересмотра и переопределения понятия *a priori* используется инструментарий логики и лингвистики, а непосредственно философская составляющая (к радости одних исследователей и негодованию других) отходит на второй план.

В истории философии XX века, если рассматривать проблему априоризма хронологически, можно выделить несколько базовых этапов. Первый из них связан с логическим эмпиризмом и сведением всех априорных истин к аналитическим истинам. Немногим позже Кларенс Ирвинг Льюис предложил

концепцию прагматического *a priori*, опираясь на логический и лингвистический инструментарий. Артур Пап, рассматривая *a priori* в рамках логического эмпиризма, а также учитывая его прагматический аспект, предлагает более сложную модель, включающую несколько типов априорных истин. Следующим важным этапом в развитии априоризма стала критика Уиллардом Куайном разделения суждений на аналитические и синтетические в статье «Две догмы эмпиризма» (1951) и дискуссии вокруг нее. С учетом того, что в рамках логического эмпиризма все априорные истины сводились к истинам аналитическим, отказ от аналитических истин как таковых приводил и к отказу от понятия *a priori*.

Важно иметь в виду, что критика понятия *a priori* в рамках логического позитивизма была направлена в первую очередь не на непосредственно кантовское определение *a priori*, хотя представители данного движения в вопросе об *a priori* ссылаются преимущественно на Канта. Основной задачей логического позитивизма было отмежевание от неокантианской философии (Венский кружок), а также британского абсолютного идеализма (философия языка). Неокантианство важно в силу того, что оно

«фокусируется на человеческом элементе в знании, а также проводит базовое различие между априорным и эмпирическим, а также аналитическим и синтетическим»¹⁰⁸.

Во многом благодаря неокантианской интерпретации понятие *a priori* приобрело свой статус в эпистемологии, став одной из догм исследования познавательного процесса¹⁰⁹. Однако нужно отметить, что именно философия логического эмпиризма и философия языка в начала XX века создали контекст дискуссий вокруг априоризма, которые продолжаются и сегодня. Это касается как

¹⁰⁸ Stump D.J. Arthur Pap's Functional Theory of the *A priori* // HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. 2011. Vol. 1.P. 276.

¹⁰⁹ Подробнее об этом см. Столярова О.Е. Два лица априоризма // Эпистемология и философия науки. 2012. № 4. С. 42-58, а также Столярова О.Е. Исследования науки в перспективе онтологического поворота. М., 2015, главы 2 и 3.

интерпретации кантовского *a priori* (которую не всегда можно назвать исторически адекватной, однако она подходила представителям данных философских течений для решения своих собственных задач), так и круга вопросов и проблем, вокруг которых строятся критика или обоснование *a priori*. В этот контекст, являющийся на сегодняшний день основным, не вписываются такие концепции, как историческое *a priori* и эволюционное *a priori*, оставшиеся в стороне от круга вопросов, волновавших логических позитивистов.

Важно отметить, что влияние логического позитивизма также отразилось и на векторе рассмотрения проблем, связанных с понятием *a priori*. В наиболее радикальной форме это выразилось в убеждении, что *a priori* должно рассматриваться исключительно в контексте современных естественных наук (гуманитарные и социальные науки тут выпадают), а не быть исключительно предметом рефлексии философов:

«Если некий априорный элемент все же существует, то было бы нежелательно изолировать его от эмпирического знания, отдавая философам, которые могли бы изучать его независимо от положения дел в естественных науках. Философское исследование априорного элемента в эмпирическом знании может быть успешным, только если философия обратит внимание на специфику современного ей научного знания. Априорный элемент не предмет исследования для “философии из кресла”»¹¹⁰.

Большинство дискуссий последних лет, так или иначе, строятся вокруг данной критики априоризма (и особенно куайновской критики). Сторонников априоризма конца XX – начала XXI вв. можно условно разделить на представителей семантического подхода к определению *a priori* и представителей когнитивного подхода. Несмотря на различие данных подходов, общей идеей для современных сторонников априоризма является (как когда-то для Канта), что априорные истины являются условиями реализации познавательного процесса.

¹¹⁰ Mormann T. Toward a Theory of the Pragmatic *A priori*: From Carnap to Lewis and Beyond // Rudolf Carnap and the Legacy of Logical Empiricism. Vienna Circle Institute Yearbook. 2012. Vol. 16. P. 113.

Однако данный тезис расширяется: априорные истины не только служат основанием для опытного познания (позволяют классифицировать хаос чувственных впечатлений), но и являются необходимым условием любой рациональной дискуссии:

«Мы видим, что отказ от всех априорных обоснований представляется равносильным отказу от аргументации и рассуждения вообще, что в совокупности ведет к интеллектуальному самоубийству»¹¹¹.

В этом отношении спор современных сторонников априоризма и его противников (в частности, представителей разного рода натурализованных эпистемологий) можно рассматривать как трансформацию нововременного спора рационалистов и эмпириков¹¹². Обоснование априоризма в данном случае (точно также, как и в Новое время), может быть решающим фактором в этом споре, причем не только в рамках философии, но и для всех гуманитарных наук.

В настоящей главе будут рассмотрены указанные выше концепции и подходы, а также критика понятия *a priori*. Мы ограничимся только концепциями *a priori*, разработанными в рамках аналитической традиции, оставив в стороне другие возможные подходы к обоснованию *a priori*.

§ 2. *A priori* в логическом эмпиризме: проблемы и противоречия

¹¹¹ Bonjour L. In defense of pure reason: a rationalist account of *a priori* justification. Cambridge, New York, 1998. P. 5.

¹¹² Стоит отметить, что некоторые защитники априоризма открыто позиционируют себя в качестве продолжателей рационалистической традиции Нового времени в философии, призывая вернуться к классическим взглядам на роль философии и науки в жизни человека. Этот подход, в частности, используется в цитированной выше работе Л. Бонжура.

§ 2.1 Первые критики

Важная роль, которую в кантовской системе играло определение принципов и границ познания, во многом определило доминирующее положение теории познания среди других философских дисциплин. Разделение познавательного процесса на опытную и внеопытную часть стало классическим и послужило отправной точкой для последующих дискуссий, в то время как терминологический аппарат, предложенный Кантом, во многом благодаря доминирующим в конце XIX – начале XX веков неокантианству и неогегельянству, прочно вошел в философский лексикон. Давая краткую оценку философии Канта, Бертран Рассел выделил следующие его основные заслуги для развития философской мысли:

«во-первых, он установил, что есть априорное знание, не являющееся чисто “аналитическим”, т.е. таким, противоположность чего была бы самопротиворечива; и во-вторых, он ясно показал значение для философии теории познания»¹¹³.

Тем не менее, Рассел, оказавший значительное влияние на развитие концепций логического позитивизма, критиковал Канта за то, что тот путал логические законы и законы мышления¹¹⁴. Согласно такой интерпретации кантовского априоризма, априорные формы представляют собой базовые законы человеческого мышления (или даже человеческой природы), которые остаются неизменными несмотря на изменяющийся характер научного знания. Данная интерпретация, с одной стороны, ставит логические законы в зависимость от психологии человека, а с другой, - предлагает догматическую (и вместе с тем метафизическую) картину разума, основанную на одних и тех же абсолютных и неизменных принципах. Понимание логических законов как законов мышления,

¹¹³ Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000. С. 215. Впервые этот текст Рассела был опубликован в 1912 г.

¹¹⁴ См. там же. Стоит отметить, что позиция Рассела по вопросу о синтетических *a priori* не совпадала с позицией логических позитивистов. Хотя логика, по его мнению, представляла собой аналитическое *a priori*, математика, как и у Канта, основывалась на априорных синтетических суждениях. Об этом см.: Carey R., Ongley J. Historical Dictionary of Bertrand Russell's Philosophy. Lanham, 2009. P. 115-116.

устоявшееся в рамках неокантианской традиции, критикуется в первой половине XX века практически всеми эпистемологами, вне зависимости от их традиции. Законы мышления передаются в ведение активно развивающейся психологии, в то время как логика (или логики) становится дисциплиной о правилах вывода.

«Традиционно логика определялась как наука о законах мышления. [...] Однако сегодня не возникает сомнений в том, что любое исследование законов или способов нашего мышления относится к области психологии. Логическое различие между обоснованным и необоснованным умозаключением не указывает на то, как мы думаем, т.е. на процесс, происходящий в сознании человека. Доказательная сила оснований сама по себе является не временным явлением, а отношением импликации между определенными классами или типами суждений»¹¹⁵.

Ганс Рейхенбах, по крайней мере в ранних своих работах, также критиковал кантовский априоризм, однако не предлагал ограничить роль априорного в познании тавтологическими высказываниями. Он подчеркивает важность конструктивного элемента, который априорные понятия и суждения вносят в познавательный процесс.

«Согласно Канту, объект познания, то есть явление, не является непосредственно данным. Восприятие дает нам не объект, а только материал, из которого он сконструирован. Эти конструкции устанавливаются посредством акта суждения. Суждение – это синтез, конструирующий объект из многообразия восприятия»¹¹⁶.

Таким образом, *a priori* можно рассматривать либо в качестве вечных и неизменных истин или принципов познания, либо в качестве того, что формирует объект познания, а вместе с ним и опыт. Отбрасывая первое определение как догматическое, Рейхенбах сохраняет второе (хотя впоследствии откажется и от него). Однако при принятии разделения на аналитические и синтетические

¹¹⁵ Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск, 2010. С. 49. (1 издание - 1934 г.)

¹¹⁶ Reichenbach H. The Theory of Relativity and *A priori* Knowledge. Oakland, 1965. P. 48. (Первое издание – 1920).

суждения, конструктивная роль за априорными суждениями может сохраниться только в том случае, если они не будут ограничены тавтологиями, то есть исключительно аналитическими суждениями, которые, в свою очередь, лишены фактуального содержания, и поэтому дают нового знания об окружающей действительности. В то же время такая интерпретация априорных принципов познания позволяет сделать вывод, что человек предписывает законы природе, вместо того, чтобы открывать их или исследовать окружающую действительность. По мнению физика и философа Морица Шлика, данный подход к исследованию познавательного процесса не соответствовал положению дел в физике начала XX века:

«Если априорное неотделимо от психологического, то это характеризует определенную философскую позицию, т.е. кантовскую теорию, что наше мышление предписывает законы природе. В противовес этому, современная физическая наука не признает такого рода априорных конструкций и противопоставляет им здоровый скептицизм эмпирика»¹¹⁷.

В данном случае априорные суждения как потенциальный источник нового знания о мире, или как принципы, на основании которых осуществляется познавательный (и, в частности, естественнонаучный) процесс, критикуются с точки зрения их психологической интерпретации. Естественнонаучные законы не могут и не должны в своем основании упираться в психологические особенности человека (идет ли речь о человеческом разуме вообще, или о разуме отдельного ученого). Более того, сама психика (а следовательно, и мышление) может изучаться экспериментально, то есть, по аналогии с естественнонаучными, объяснительными дисциплинами¹¹⁸. Концепция неизменного и абсолютного разума, налагающая форму на хаос чувственных впечатлений подвергается

¹¹⁷ Schlick M. Epistemology and Modern Physics // Schlick M. Philosophical Papers. Volume II (1925-1936). Dordrecht, 1979. P. 95. Первое издание – 1925 г.

¹¹⁸ Подробнее об этом см.: Fr chet G. Kant, Brentano and Stumpf on Psychology and Anti-Psychologism // Ruffing M., La Rocca C., Ferrarin A. & Bacin S. (eds.). Kant Und Die Philosophie in Weltb rgerlicher Absicht: Akten des XI. Kant-Kongresses 2010. Berlin, 2013. P. 727-736.

критике, так как перестает соответствовать актуальному развитию естественнонаучных дисциплин.

Это первый и основной пункт критики кантовского априоризма. Отождествление логических законов с законами мышления с одной стороны, приводит к метафизической интерпретации человеческого разума, а с другой – ограничивает естественнонаучное познание раз и навсегда установленным инструментарием. Тем не менее, важность логических законов для познания вообще и естественнонаучного познания в частности сложно отрицать. Соответственно, психологический критерий, выделяемый Кантом, уступает место чисто формальному критерию: логические законы представляют собой не законы мышления, а правила вывода, независимые от непосредственного процесса мышления того или иного человека¹¹⁹.

§ 2.2 Новое определение *a priori*

Такого рода подход к проблеме *a priori*, в то же время, требует и пересмотра других характеристик данного понятия. Во-первых, если у Канта априорность могла быть свойством как понятий, так и суждений, то в рамках логического позитивизма, а также лингвистической философии априорный характер приписывается уже только суждениям (или пропозициям)¹²⁰. При этом происходит отказ от понятия синтетического *a priori*, и априорность закрепляется исключительно за аналитическими суждениями:

«Аналитическое суждение истинно в силу своей формы. Кто понимает значение тавтологии, видит, тем самым, что она истинна. И поэтому она априорна. С другой стороны, в случае с синтетическим

¹¹⁹ Несмотря на распространенность данной интерпретации кантовского понимания априорных форм, она не является единственной. Ср.: «Кант придает философской мысли о сознании (mind) семантический поворот, перенося центр внимания с истины и обоснования на природу самой репрезентации. [...] Он видит, что эпистемологические вопросы базируются на семантических предпосылках». (Branden R. Kantian Lessons about Mind, Meaning, and Rationality // Philosophical Topics. 2006. Vol. 34, № 1&2. P. 2.).

¹²⁰ См., напр.: Остин Дж. Существуют ли априорные понятия? // Остин Дж. Три способа пролить чернила. С-Пб., 2006. С. 57-75. (Первое издание данного полемического доклада вышло в 1939 г.).

суждением, нужно сначала понять его значение, а уже потом определять, истинно оно, или ложно. И поэтому оно апостериорно»¹²¹.

Данное определение Шлика в целом использовалось в рамках логического эмпиризма в качестве базового. Связав, таким образом, априорность с аналитичностью, а синтетичность с фактуальным содержанием высказывания, Мориц Шлик приходит к выводу, что синтетические *a priori* представляют собой логическое противоречие, то есть, они логически невозможны¹²². Он рассматривает примеры, считавшиеся синтетическими *a priori*, типа «красный объект не зеленый», «черное – это черное, а белое – это белое» и приходит к выводу, что истинность такого рода высказываний связана не с их содержанием, а с их формой, то есть, представляет собой отношение понятий. Поэтому выражения такого типа являются тавтологиями и не прибавляют знания. Более того, Шлик полагает, что такого рода высказывания не только не встречаются в науке или повседневной жизни, но являются риторическими, или даже софистическими приемами, которые используются недобросовестными ораторами для констатации банальностей¹²³.

«Наши “материальные” априорные суждения являются в действительности концептуальными по своей природе, их достоверность – это логическая достоверность, и у них тавтологический, формальный характер»¹²⁴.

¹²¹ Schlick M. Is there a Factual *A priori*? // Schlick M. Philosophical Papers. Volume II (1925-1936). Dordrecht, 1979. P. 162-163. Лекция Шлика, прочитанная в 1930 году, в которой определяется позиция логического эмпиризма по вопросу синтетических *a priori*.

¹²² Стоит отметить, что такая интерпретация кантовского понятия *a priori* исторически неверна. Под синтетичностью априорных суждений Кант понимал выход за пределы понятия, а не наличие конкретного фактуального содержания у того или иного априорного суждения. В то же время эмпирические понятия могут быть частью априорных суждений. В таком случае априорное суждение становится «нечистым», в отличие от «чистого» априорного суждения, в котором все входящие в него понятия сами априорны.

¹²³ В этом отношении примечательно отметить смягчение данной позиции в более поздней аналитической традиции. Так, отвечая на критику одной из своих ранних статей, Гилберт Райл утверждает: «Когда я был молод, я был молод. И это не тавтология». (La Philosophie Analytique: Cahiers de Royaumont. Paris, 1962. P. 29).

¹²⁴ Schlick M. Is there a Factual *A priori*? // Schlick M. Philosophical Papers. Volume II (1925-1936). Dordrecht, 1979. P. 168.

Однако аналогичным образом пересмотру подлежат также понятия опыта и апостериори. Отправной точкой, опять же, служат определения, предложенные Кантом. Кантовская позиция, согласно которой любое познание начинается с опыта, а значит, без опыта невозможен сам познавательный процесс, здесь выходит на первый план. Хронологическое первенство опыта для познавательного процесса, таким образом, обеспечивает ему приоритетный эпистемологический статус. Статус формального компонента знания понижается за счет того, что сам по себе он не является средством получения нового знания о мире, то есть, лишен, как уже указал Шлик, фактуального содержания. Различие между априорным и апостериорным знанием сводится к различию между способами обоснования данных видов знания.

«Кант подразумевает под априорным тот вид знания, который непосредственно не зависит от опыта, но зависит от него в генетическом или психологическом смысле. Он полностью осознавал, что в генетическом смысле все человеческое знание зависит от опыта. Без опыта не может быть, очевидно, никакого знания вообще. Но знания некоторого рода подтверждаются опытом иначе, чем другие. [...] В широком смысле слова “опыт”, все, что мы знаем, основывается на опыте. Главное, однако, состоит в том, что для обоснования истинности аналитических утверждений, никогда не требуется обращаться к опыту. [...] Истинность аналитического утверждения вытекает из значений его терминов, без всякой ссылки на какое-либо исследование мира»¹²⁵.

Однако здесь стоит вспомнить о затруднении в использовании термина «опыт» как у Канта, так и у последующих философов, касающихся данной темы. В отличие от непосредственных чувственных данных, которые представляют собой хаос эмпирических ощущений, опыт подразумевает упорядоченность в соответствии с определенными критериями, которые, в свою очередь, от содержания опыта не зависят. Даже в том случае, если данные критерии были

¹²⁵ Карнап Р. Философские основания физики: Введение в философию науки. М., 2008. С. 242-243. Мы полагаем, что постулирование генетической связи между опытом и априорными суждениям, по крайней мере, в отношении кантовского априоризма, все же неверно.

выявлены и сформулированы уже после того, как тот или иной опыт имел место, в генетическом отношении от эмпирического материала они зависеть не могут. В то же время опыт, при изменении данных априорных критериев, мог бы носить совершенно иной характер. На наш взгляд, именно игнорирование априорного элемента в опыте приводит к сведению априорности к аналитичности, то есть к возврату к той позиции, которую критиковал Кант, выдвигая концепцию синтетических *a priori*.

«В противоположность этому апостериорные утверждения не могут быть обоснованы без обращения к опыту. [...] Грубо говоря, апостериорное знание в настоящее время стоило бы назвать эмпирическим знанием»¹²⁶.

§ 2.3 Статус синтетических суждений

Таким образом, апостериорное знание отождествляется со знанием синтетическим и эмпирическим, то есть таким, для обоснования которого в рамках логического эмпиризма, требуется верификация. Из этого вытекает, что граница между априорным и апостериорным совпадает с границей между аналитическим и синтетическим. Любое синтетическое знание будет являться знанием апостериорным, «поскольку оно что-то говорит о мире»¹²⁷. При таком переопределении понятий априорного и апостериорного (а вместе с ними и понятий аналитического и синтетического), априорные суждения, по сути, перестают быть знанием в строгом смысле слова, их роль в лучшем случае сводится к инструментальной.

Синтетические априорные суждения, которые обладают, с одной стороны, логической необходимостью и универсальностью, а с другой, являются источником новых знаний *о мире*, объявляются невозможными. При этом под знаниями о мире или фактуальным содержанием высказывания подразумеваются эмпирические данные и факты. Математические модели, равно как и другие виды

¹²⁶ Там же. С. 243.

¹²⁷ Там же. С. 244.

научных классификаций, не обладая эмпирическим содержанием, не могут называться знанием. Они являются всего-навсего формой, в которую укладывается эмпирическое содержание, однако не представляют самостоятельной эпистемической ценности.

Необходимость и универсальность, которые являются свойствами аналитических, а значит и априорных, истин, не применимы к опытным суждениям, обладающим фактуальным содержанием и указывающим на действительность. Опыт, несмотря на то, что он ограничен нашими познавательными способностями, потенциально безграничен в количественном отношении. Высказывание «все лебеди белы» фальсифицируется обнаружением черных лебедей. Аналогичным образом, любое высказывание, в котором имеет место отсылка к эмпирическим объектам, насколько общим оно ни было (например, базовые законы ньютоновской механики), не может претендовать на необходимость и универсальность, подобно логическим или математическим законам. Такая интерпретация разделения на априорное и апостериорное существенно отличается от классической, предложенной Кантом и Хьюэллом, согласно которой универсальные законы физики, несмотря на их частичное фактуальное содержание, все же обладают свойствами необходимости и универсальности, и поэтому рассматриваются в качестве априорных конструкций, упорядочивающих эмпирические данные¹²⁸.

Такого рода взгляд на границу между априорным и апостериорным привел к тому, что сфера априорного начала все больше и больше сужается, оставшись в заложниках у своих же базовых свойств: необходимости и универсальности. Если то или иное предложение невозможно эмпирически верифицировать, значит его

¹²⁸ В рамках классического априоризма ни один общий физический закон в принципе не может быть установлен эмпирически. Безграничность опыта (или отдельных опытов) в количественном отношении не допускает такого рода генерализаций. Для того чтобы сформулировать общие принципы по типу законов классической механики необходимо абстрагироваться от частных случаев, ввести универсальную классификационную модель. Однако если у Канта понятия (по принципу их определения) делятся на априорные и эмпирические, то Хьюэлл приписывает всем научным терминам статус априорных именно в силу того, что их значение (несмотря на возможность его последующего уточнения) определено в большей степени, нежели значение слов обыденного языка.

содержание пусто, то есть, оно не является знанием. Более того, оно не может быть истинным или ложным в том же смысле, в котором истинными или ложными могут быть высказывания, обладающие эмпирическим содержанием.

«Эмпирик должен иметь дело с истинами логики и математики одним из двух следующих способов: либо он должен сказать, что они не являются необходимыми истинами, и в этом случае он должен объяснить универсальное убеждение в том, что они необходимо истинны; либо он должен сказать, что они не имеют фактуального содержания, и тогда он должен объяснить, каким образом пропозиция, лишенная всякого фактуального содержания, может быть истинной, полезной и неожиданной. Если ни одно из этих направлений не будет удовлетворительно доказано, то мы будем вынуждены уступить дорогу рационализму»¹²⁹.

Поставленная таким образом строгая альтернатива в интерпретации логических и математических высказываний, ведет, по мнению логических эмпиристов, к отказу от концепции синтетического *a priori*, а вместе с ним и к отказу от рационализма в пользу эмпиризма. При этом нетрудно заметить, что с исторической точки зрения здесь присутствует явное передергивание: в то время как философы Нового времени стремились скорее к тому, чтобы найти связующее звено между разумом с одной стороны, и опытом (как бы он не определялся) с другой, в рамках логического эмпиризма разрыв эмпирического и рационального в процессе познания, напротив, только увеличивается.

«Фундаментальный догмат рационализма заключается в том, что мышление – это независимый источник знания и, кроме того, это более надежный источник знания, нежели опыт»¹³⁰.

Тем не менее, вопрос о статусе априорных высказываний, действительно, представляет собой не исторический или психологический, а эпистемологический

¹²⁹ Айер А. Дж. *A priori* // Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М., 2010. С. 104. (Первое издание – 1936).

¹³⁰ Там же. С. 105.

вопрос¹³¹. Формальное обоснование истинности априорных высказываний позволяет им избежать ловушки психологизма:

«Ибо критерий аналитической пропозиции в том, что ее обоснованность следует просто из определения содержащихся в ней терминов, а это условие выполняется пропозициями чистой математики»¹³².

Итак, все априорные суждения являются аналитическими суждениями, или тавтологиями, истинность которых зависит от определений понятий, входящих в данное суждение, поэтому априорные суждения «могут служить нам проводниками в нашем эмпирическом поиске знания, сами не содержат никакой информации о реальности»¹³³.

Такое понимание априорных суждений вполне удовлетворяет целям, которые ставили перед собой представители логического эмпиризма для обоснования своей программы в рамках эпистемологии и философии науки. Однако нетрудно заметить, что задачи кантовского проекта были гораздо более масштабными. Утверждение, что в рамках логического эмпиризма под наукой понималось прежде всего естественнонаучное знание, а гуманитарные науки практически не рассматривались, вряд ли будет сильным преувеличением. В отношении теории познания Канта можно отметить, что его программа касалась не только естественных наук. Именно поэтому Кант говорит о возможности априорных понятий (а не только суждений), а также разделяет априорные суждения на чистые и не-чистые. Такого рода деления дают Канту возможность проблематизировать сам генезис понятий. Если поставить вопрос о том, каким образом входящее в состав пропозиции (или суждения) понятие получило свое определение, характеристика, данная логическим позитивистами

¹³¹ См. там же. С. 106.

¹³² Там же. С. 117.

¹³³ Там же. С. 124.

аналитичности, а вместе с тем и априорности, во многом теряет свой строгий формальный характер.

В то же время, нельзя не увидеть угрозу для понятия *a priori* в его сведении к аналитичности: ставя под сомнение понятие аналитичности и признавая его несостоятельность, исследователь, вместе с тем, теряет и понятие *a priori*. Для эмпиризма в целом и для натурализма в частности это небольшая потеря, однако такая критика напрямую угрожает представителям рационалистически ориентированной эпистемологии¹³⁴. Эти вопросы, в частности, нашли отражение в концепции *a priori* Артура Папа, отошедшего от узкого понимания априорности как аналитичности, а также критике Уиллардом Куайном понятия аналитичности.

§ 2.4 Критика логического эмпиризма: Артур Пап

Наиболее систематическая и эпистемологически продуктивная, на наш взгляд, концепция *a priori* в XX веке была предложена Артуром Папом. Ее отличительной особенностью является выход за рамки проблематики логического эмпиризма и включение понятия *a priori* в более широкий эпистемологический и историко-философский контекст. В своих работах Пап критически анализирует устоявшиеся в рамках логического эмпиризма определения априорности, необходимости и аналитичности. В глоссарии к одной из своих самых известных работ «Семантика и необходимая истина» (первое издание – 1958) он дает следующее определение априорным суждениям:

«суждение, выраженное высказыванием, являющимся аналитическим в широком смысле [высказывание, истинность которого определяется значениями составляющих его терминов]; его истинность может быть

¹³⁴ Под натурализованной эпистемологией мы, вслед за У. Куайном и Дж. Кимом понимаем такую эпистемологию, которая отказывается от нормативного и оценочного подхода в обосновании научного знания в пользу дескриптивного подхода, направленного на описание того, каким образом исследователи строят научные теории. См.: Quine W. V. Epistemology Naturalized // Epistemology: An Anthology. Sosa E., Kim J. (ed.). Malden, 2000. P. 292-300; Kim J. What Is “Naturalized Epistemology”? // Epistemology: An Anthology. Op. cit. P. 301-313. В то ж время стоит отметить, что существует гораздо большее количество определений натуралистического подхода в эпистемологии, некоторые из которых не отказываются от нормативного подхода, однако предлагают свои версии нормативизма. Об этом см.: Trybulec B. Is Naturalism Normative? The Function of Epistemic Norms Within Naturalized Epistemology // Percipi. 2008. № 2. P. 15-27.

установлена без опытного изучения подтверждающих примеров, исключительно путем размышлений над данным суждением»¹³⁵.

Пап полагает, что именно такое определение *a priori* является базовым для логического эмпиризма. В данном случае его основной задачей было продемонстрировать базовые понятия, определения и проблемы в рамках философии логического позитивизма. Однако его собственное понимание *a priori* несколько шире¹³⁶. В своей более ранней работе Пап выделяет три вида *a priori*, которые определяются в зависимости от типа необходимости, который лежит в их обосновании. При этом все три типа имеют место в процессе познания. Эти типы таковы:

(1) Формальное (аналитическое) *a priori*. Сюда относятся все тавтологии, то есть, аналитические суждения. Такое понимание *a priori* наиболее близко к тому, что понимали под априорным логические позитивисты. Однако, как справедливо замечает Пап, оно является недостаточным, так как не проясняет обоснование самих логических принципов, в отношении которых тавтология является тавтологией. Критикуя определение *a priori* Морица Шлика, Артур Пап (ссылаясь при этом на Леона Брюнсвика, одного из предтеч французской исторической эпистемологии), пишет:

«Важно отметить, что понятия не “существуют” как нечто первичное по отношению к суждениям, которые их конструируют и определяют. Аксиомы не *анализируют* значение символов; они скорее *создают* значения или понятия, и когда это творение, этот “синтез” получен, символ может быть прикреплен к этим понятийным созданиям; и *только тогда* можно сказать, что аксиомы “просто”

¹³⁵ Пап А. Семантика и необходимая истина. М., 2002. С. 384.

¹³⁶ Стоит отметить, что диссертация Папа была посвящена понятию *a priori* и изначально писалась под руководством Эрнста Кассирера. Впоследствии Пап сменил университет, а вместе с ним и научного руководителя, которым стал Эрнст Нагель. Нагель отверг первый вариант диссертации, и она была полностью переписана. Об этом см.: Keupink A., Shieh S. (ed.) *The Limits of Logical Empiricism: Selected Papers of Arthur Pap*. Dordrecht, 2006. P. 371.

определяют значение этих символов. Все забывают, что анализ предполагает синтез»¹³⁷.

Поэтому формальные *a priori* могут рассматриваться как частный случай других типов *a priori*. В рамках кантовской философии именно у формальных *a priori* в силу их логической необходимости (удовлетворения закону непротиворечия) вытекает их универсальность. В случае с другими типами *a priori* необходимость и универсальность не совпадают¹³⁸.

(2) Функциональное (гипотетическое) *a priori*¹³⁹. К такому виду *a priori* относятся, например, физические законы. Они являются синтетическими, так как в их основе лежит эмпирический материал, однако функционально они априорны, так как делают опыт возможным. В то же время они представляют собой базовые предпосылки, которые делают возможным научное познание. К таким предпосылкам, в частности, можно отнести тезис о существовании внешнего мира как независимой и доступной для познания реальности, то есть тезис, который разделяли и продолжают разделять эмпиристы. Более точно функциональное *a priori* Пап определяет как «гипотетически необходимая исходная предпосылка»¹⁴⁰. В рамках научного познания такого рода принципы играют первостепенную роль, являясь условием возможности существования научного знания как такового:

¹³⁷ Pap A. The Different Kinds of *A priori* // The Philosophical Review. 1944. Vol. 53, № 5. P. 474. В своей диссертации (Pap A. The *A priori* in Physical Theory. N.-Y. 1946) Пап концентрируется на одном из выделенных им типов *a priori* (функциональном) и анализирует с его помощью законы классической механики. Важным источником данной теории (помимо идей Кассирера) является прагматизм К.И. Льюиса, речь о котором пойдет в следующем параграфе, и Джона Дьюи.

¹³⁸ Об определении типов универсальности см. Pap A. On the Meaning of Universality // The Journal of Philosophy. 1943. Vol. 40, №. 19. P. 505-514.

¹³⁹ Теорию функционального *a priori* Артура Папа можно рассматривать в качестве варианта теории прагматического *a priori*, речь о котором пойдет ниже. Об этом см.: Stump D.J. Arthur Pap's Functional Theory of the *A priori* // NOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. 2011. Vol. 1.P. 273-289. В данной статье автор полагает, что прагматическое *a priori* в интерпретации Папа уже не является *a priori* в строгом смысле, а сам термин *a priori* Пап сохраняет исключительно по причине неокантианского наследия, оказавшего влияние на его философию, в частности, на его терминологический аппарат. Это утверждение представляется нам спорным в первую очередь потому, что переопределение того или иного термина не означает полный отказ от его первоначального содержания, тем более что в данном случае вряд ли можно говорить о некоем каноническом определении априорного. Пересматривая кантовское понятие *a priori*, Пап предлагает видоизменить его, но не отказывается от кантовской идеи о том, что априорные понятия и суждения делают опыт (а вместе с ним и познание) возможным, то есть от одной из базовых характеристик *a priori*.

¹⁴⁰ Pap A. The Different Kinds of *A priori* // The Philosophical Review. 1944. Vol. 53, № 5. P. 479.

«Это наиболее общие законы, которые при всех обстоятельствах принимаются в качестве методологических постулатов или ведущих принципов, так как сама возможность науки зависит от их валидности»¹⁴¹.

Важность данного типа априорных положений заключается в том, что они, по сути, являются нормативными принципами, в отношении которых строится процесс познания. В отличие от формального *a priori* их необходимость не носит логический характер, она устанавливается прагматически, то есть ее мерой применимость такого рода принципов служит их полезность, или продуктивность для познавательного процесса¹⁴².

(3) Материальное (психологическое, самоочевидное) *a priori*. В эту группу Пап также относит синтетические априорные суждения, которые можно рассматривать в качестве самоочевидных. Наличие материальных *a priori* уже предполагается возможностью формальных *a priori*, то есть тавтологий, и обоснования их истинности. При этом даже в случае их интерпретации в качестве конвенций, а не психологических особенностей человеческого разума или законов мышления, их обоснованность не проигрывает:

«Единственное преимущество, которое я вижу в обозначении материальных априорных суждений как *конвенциональных*, заключается в том, что этот термин позволяет признать отсутствие *логической* необходимости, логического принятия (хотя *психологического* неприятия) альтернатив. Действительно, если логическая необходимость *определяется* в терминах принципов логики, то было бы абсурдно приписывать логическую необходимость логическим принципам. Но будучи *нормативными* принципами, логически независимыми от опыта, они являются и априорными принципами. Можем ли мы тогда называть их

¹⁴¹ Ibid. P. 482.

¹⁴² Более подробно о понятии гипотетической необходимости см. Pap A. On the Meaning of Necessity // The Journal of Philosophy. 1943. Vol. 40, № 17. P. 449-458. Она не сводится ни к формальной (логической) необходимости, но и не является случайным выбором: «Гипотетическая необходимость есть и была связующим звеном между эмпирической случайностью и логической необходимостью. И эмпирикам, и рационалистам не удалось понять всей важности взаимодействия эмпирического и формального знания». (P. 458).

конвенциями? Является ли, другими словами, материальное *a priori* сводимым к функциональному? Нет, оно не сводимо к нему, но совместимо с ним. Почему польза и истины *a priori* не могут быть совместимы? Принципы логики являются полезными конвенциями не *вопреки, а благодаря* их априорной истинности»¹⁴³.

Еще одной характерной особенностью материальных *a priori* становится то, что они не являются ни синтетическими (как функциональные *a priori*), ни аналитическими (как формальные). По мнению Папа, основная ошибка Канта заключалась в том, что он не различал формальное и материальное *a priori*, при этом все же выделяя функциональное, вследствие чего классический априоризм стал уязвим для критики со стороны логического позитивизма.

На наш взгляд, одним из важных выводов Папа в отношении понятия *a priori* становится то, что он, в отличие от большинства своих коллег отказывается сводить априорное к аналитическому¹⁴⁴. Пап пытается избежать узкого рассмотрения *a priori*, предложенного логическими позитивистами (и в частности, Шликом), реабилитируя понятие синтетического *a priori*. В этом он опирается, с одной стороны, на прагматизм Кларенса Ирвинга Льюиса и Джона Дьюи, а также на конвенционализм Анри Пуанкаре. В этом отношении можно сказать, что Пап предлагает альтернативу логическому позитивизму, причем не только для рассмотрения понятия *a priori*, но и для эпистемологии и философии науки в целом.

Однако предложенная классификация априорных суждений не является жесткой. Априорные истины могут «переходить» из одной категории в другую. В то же время, априорные истины чувствительны к контексту исследования: одно и то же суждение может рассматриваться и как формальное, и как материальное *a priori*. В отношении функциональных *a priori* ситуация усложняется: они могут

¹⁴³ Pap A. The Different Kinds of *A priori* // The Philosophical Review. 1944. Vol. 53, № 5. P. 475.

¹⁴⁴ Впоследствии Пап остается верен данному тезису, повторяя его в своем анализе аргумента в защиту синтетического *a priori* соавтора К.И. Льюиса, К.Г. Лэнгфорда (Pap A. Logic and the Synthetic *A priori* // Philosophy and Phenomenological Research. 1950. Vol. 10, № 4. P. 500-514), а также критикуя позицию Р. Карнапа (Pap A. Once More: Colors and the Synthetic *A priori* // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66, № 1. P. 94-99).

рассматриваться, опять же, в зависимости от контекста, и как эмпирические, и как априорные суждения. Это позволяет Папу отказаться от четкого разделения на аналитические и синтетические суждения, присущего неокантианству и логическому позитивизму, то есть, по сути, отказаться от догмы, причем не только эмпиризма, но и рационализма.

«Часто указывалось, что Кант определял аналитическое суждение как суждение, в котором предикат (неявно) содержится в понятии субъекта [...], а такое определение неудовлетворительно не только потому, что непонятно буквальное значение метафоры «содержится», но также и потому, что слишком много суждений (как в традиционном, так и в современном, семантическом смысле) не имеют субъектно-предикатной формы, хотя по замыслу Канта аналитические и синтетические суждения должны исчерпывать класс истинных суждений»¹⁴⁵. И далее: «Однако остается вопрос, не может ли область значимого приписывания аналитического и синтетического оказаться уже, чем класс всех суждений»¹⁴⁶.

Утверждение, что для априоризма не является необходимым четкое и жесткое разделение всех суждений на аналитические и синтетические, так как подобное разделение, если и возможно, то по крайней мере весьма проблематично, довольно сильный тезис, направленный против базовых принципов логического эмпиризма. Пап ставит под сомнение новые определения, данные понятиям «аналитическое» и «синтетическое» в рамках логического позитивизма, настаивая на том, что их новое понимание не соответствует ни кантовскому проекту обоснования научного познания, ни фактическому развитию науки.

«Некоторые авторы определяют *синтетическое* таким независимым от *аналитического* способом, который превращает его в синоним *эмпирического*, и ясно, что подобное употребление данного термина приводит к логической невозможности синтетических априорных истин. Но нелепо определять традиционный термин так,

¹⁴⁵ Пап А. Семантика и необходимая истина. М., 2002. С. 38.

¹⁴⁶ Там же. С. 55.

что в результате традиционный вопрос, сформулированный с помощью этого термина, превращается в бессмысленный, а затем объявлять, что анализ обнаружил бессмысленность традиционного вопроса»¹⁴⁷.

Здесь важно помнить, что несмотря на всю критику кантовской эпистемологии, логический эмпиризм наследует у нее не только терминологический аппарат, но и ряд вопросов и проблем, связанных с обоснованием научного знания. Переопределение классических понятий, направленное на решение поставленных в рамках кантовского проекта проблем, в данном случае, не достигло своей цели. Роль априорных синтетических суждений в процессе обоснования научного познания у Канта, в том числе, заключалась и в их потенциальной продуктивности, способности стать источником нового знания, то есть включала в себя и прагматический, равно как и конструктивный элементы. Этот момент игнорировался логическими эмпиристами, либо трактовался ими как попытка навязать природе законы, объяснить окружающую действительность, не прибегая к наблюдениям и экспериментам.

«Источником мнения, что синтетическое *a priori* все равно что круглый квадрат, довольно популярного среди современных аналитических философов, является, вероятно, изменение значения термина *аналитический* от первоначального ограниченного понимания, принятого Кантом, к более широкому и неточному пониманию как *истинного в силу одних только значений*»¹⁴⁸.

В то же время отказ от жесткого разграничения суждений на аналитические и синтетические оставляет «пространство для маневра» в отношении определения *a priori*: понятие *a priori* теряет свой абсолютный статус, становясь более гибким и восприимчивым к практике научного исследования. То есть, оно в большей

¹⁴⁷ Там же. С. 96.

¹⁴⁸ Там же. С. 97.

степени соответствует изначальной цели пересмотра классического понятия *a priori*, нежели концепция *a priori* в рамках логического эмпиризма.

Важность сохранения понятия *a priori* для Папа обусловлена тем, что оно обращает внимание на синтез понятий, позволяя поставить под сомнение их эпистемологический (равно как и онтологический) статус. Сведение априорного к аналитическому, по его мнению, свидетельствует об игнорировании того факта, что значение понятий представляет собой синтез, основанный на тех или иных суждениях, в то время как в рамках логического эмпиризма понятие (в аналитических суждениях) рассматривается как нечто изначально данное.

«понятия, которые в кантовской системе имеют какое бы то ни было отношение к объектам, не существуют в готовом виде, они сконструированы посредством синтетических суждений»¹⁴⁹.

У философии в данном случае сохраняется критическая функция по отношению к научной методологии и языку научного исследования. Уже Кант обратил внимание на то, что существование не является предикатом, поэтому сто талеров в кармане и воображаемые сто талеров ничем не отличаются друг от друга в понятии, но отличаются для их обладателя в реальности. Анализ понятий, в том числе, позволяет поставить вопрос о том, каким образом благодаря выбору понятийного аппарата конструируется объект исследования и опыт, а также вопрос о возможности альтернативных понятий и конструкций.

§ 2.5 Куайн и критика догмы эмпиризма

Однако отказ от разделения суждений на аналитические и синтетические может использоваться не только в защиту, но и против понятия *a priori*, что наглядно продемонстрировал Уиллард Ван Орман Куайн. В статье 1951 года «Две догмы эмпиризма» Куайн, в качестве первой и основной догмы, от которой необходимо отказаться, называет разделение суждений на аналитические

¹⁴⁹ Pap A. The Different Kinds of *A priori* // The Philosophical Review. 1944. Vol. 53, № 5. P. 484.

(тавтологии, истинные в силу значений входящих в них терминов) и синтетические (дающие новое знание, эмпирические суждения). Нетрудно заметить, что Куайн в данном случае опирается на стандартное для логического эмпиризма определение аналитичности и синтетичности, при котором определение априорного подменяется определением аналитического, а синтетичность сводится к эмпирическим высказываниям.

Аргумент Куайна против особого статуса аналитических суждений весьма изыскан: рассматривая отношение синонимии как отдельный вид тавтологических суждений, он указывает на недоопределенность данного отношения. Тавтологии, образованные на основании синонимии, не могут быть обоснованы в строгом смысле слова, так как при их обосновании возникает логическая ошибка – круг в аргументации. Вследствие этой недоопределенности возникают различного рода философские (и не только) затруднения, которые, по мнению Куайна, легко преодолеваются заменой термина «аналитический» на термин «истинный».

Свою критику Куайн встраивает в общую картину научного знания, в которой все суждения носят синтетический характер, с той лишь разницей, что некоторые из них наиболее отдалены от непосредственного опыта, а потому их пересмотр и опровержение происходит гораздо медленнее, нежели пересмотр и опровержение суждений, находящихся на периферии, т.е. непосредственно связанных с опытом:

«Глупо искать границу между синтетическими высказываниями, которые случайно опираются на опыт, и аналитическими высказываниями, которые справедливы при любых обстоятельствах. Любое высказывание может считаться истинным при любых обстоятельствах, если мы произведём достаточно решительные преобразования где-то внутри системы. Даже очень близкое к периферии высказывание может считаться истинным перед лицом неподатливого опыта, будучи оправдано галлюцинацией или исправлением определенных высказываний того типа, которые

называются логическими законами. И наоборот, по той же самой причине ни одно высказывание не имеет иммунитета к пересмотру».¹⁵⁰

Позиция Куайна по вопросу об *a priori* близка к позиции Джона Стюарта Милля, полагавшего, что любое знание (в том числе и математическое), в конечном итоге основывается на индукции, поэтому не может быть никаких априорных принципов познавательного процесса. При этом стоит отметить, что Куайн рассматривает свою позицию как более последовательный прагматизм, нежели тот, который разделяли его предшественники:

«Карнап, Льюис и другие принимают прагматическую точку зрения относительно вопроса о выборе между лингвистическими формами и научными каркасами, но их прагматизм останавливается перед воображаемой границей между аналитическим и синтетическим. Отрицая такую границу, я поддерживаю более последовательный прагматизм. У каждого человека есть научное наследие плюс непрерывная стимуляция чувств; и те размышления, если они рациональны, что руководят им при подстраивании своего научного наследия, чтобы оно соответствовало непрерывным чувственным стимулам, являются прагматическими»¹⁵¹.

Однако несмотря на всю претенциозность критики Куайна, далеко не все философы разделяли его подход. В частности, Рудольф Карнап не разделял куайновский скептицизм в отношении экспликации понятия аналитичности. В то же время, предложенное им объяснение аналитичности посредством постулатов значения, относится к искусственно заданным, а не естественным языкам¹⁵².

Представители британской философии языка также выступили с критикой статьи Куайна, полагая, что отказ от терминов только потому, что они недоопределены или создают те или иные затруднения для исследователя, сам по

¹⁵⁰ Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск, 2003. С. 45.

¹⁵¹ Там же. С. 48.

¹⁵² См. Карнап Р. Постулаты значения // Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 321-330.

себе не решает проблем, связанных с употреблением данного термина¹⁵³. При этом замена одного термина на другой, якобы более понятный и обоснованный, на деле может выявить еще большее число проблем, связанных со словоупотреблением:

«Если все трудности, как говорит Куайн, вызваны словом “аналитическое”, то, без всякого сомнения, они должны исчезнуть вместе с отказом от этого слова. Давайте заменим “аналитическое” словом “истинное”, которое Куайн сам противопоставляет “аналитическому” как более понятное. Можно ли сказать, что наша нерешительность тут же исчезает? Думаем, что нет»¹⁵⁴.

Справедливости ради стоит отметить, что и в рамках британской философии языка уровень скептицизма в отношении *a priori* был довольно высок. Это выражалось (как, впрочем, и в США) в противопоставлении заимствованному из Европы (в частности, у неокантианцев) идеализму философии нового типа.

«Любая форма слов, некогда рассматривавшаяся как выражающая нечто истинное, без сомнения, может в другое время рассматриваться как выражающая нечто ложное. Однако не только философы смогут отличить ситуацию, когда такой отказ происходит исключительно в результате очевидного изменения мнения относительно имеющих место фактов, и ситуацией, когда отказ происходит, по крайней мере, отчасти в результате изменения смысла слов. Если такое изменение смысла слов оказывается необходимым условием для изменения истинностного значения, то сторонник проведения данного различия сможет сказать, что рассматриваемая форма слов изменяется от выражения аналитического утверждения к выражению синтетического утверждения»¹⁵⁵.

Тем не менее, несмотря на представленные выше замечания, критика Куайном понятия аналитичности сохраняет свою актуальность и сегодня, особенно в рамках намеченного им же самим движения по натурализации эпистемологии, под которым понимается отказ от априорных принципов как

¹⁵³ См.: Долгоруков В.В. «В защиту догмы»: Грайс и Стросон против Куайна // Эпистемология и философия науки. 2012. №2. С. 201-205.

¹⁵⁴ Грайс Г.П., Стросон П.Ф. В защиту догмы. // Эпистемология и философия науки. 2012. №2. С. 218.

¹⁵⁵ Там же. С. 222.

нормативных элементов развития научного знания. Камнем преткновения здесь становится уже не классические признаки априорности (независимость от опыта, необходимость, универсальность), а возможность опровержения либо частичного пересмотра априорных принципов, которые, по мнению критиков априоризма, свидетельствуют о его несостоятельности в качестве эпистемологической теории. Ответ на куайновскую критику представляет собой основной пункт программы современных сторонников априоризма, речь о которых пойдет в §4 настоящей главы.

§ 2.6 Предварительные выводы

Исключение прагматического и конструктивного элементов из классического априоризма в рамках философии логического эмпиризма привело к закреплению в эпистемологии формального подхода к *a priori*. Априорные понятия и суждения были сведены к набору своих формальных характеристик (необходимости, универсальности и независимости от опыта), а те, в свою очередь, к аналитичности. Интерпретация априоризма, предложенная логическими позитивистами, закрепила в философии образ классического *a priori* Канта как абсолютистской и догматической концепции. Функциональные характеристики исключаются из поля исследования эпистемолога.

В то же время, сведение априорности к аналитичности, делает априоризм крайне уязвимым для критики со стороны натуралистически ориентированных эпистемологий.

§ 3. Прагматическая концепция *a priori*: между эмпиризмом и рационализмом

§ 3.1 Прагматический подход к *a priori*

Концепция прагматического *a priori* находится несколько в стороне от основных дискуссий, разворачивающихся вокруг данного понятия. Тем не менее, именно она стала одним из отправных пунктов для Артура Папа (а в некотором смысле и для Уилларда Куайна) в их критике понимания априорного в рамках логического эмпиризма. Данная концепция была впервые предложена американским философом-прагматистом и логиком Кларенсом Ирвингом Льюисом в докладе, прочитанном им на встрече Американской философской ассоциации в 1922 году¹⁵⁶. Впоследствии концепция прагматического *a priori* развивалась и в более поздних работах Льюиса по эпистемологии в связи с его логическими и семантическими теориями.

Несмотря на новаторский подход, концепция *a priori* Льюиса не получила широкого распространения. Вероятно это связано, что долгое время Льюис рассматривался в первую очередь с тем как логик, а не как философ, несмотря на наличие у него фундаментальных работ в области эпистемологии.

«Только с 1940-х и 1950-х годов круг мыслителей, которые начали воспринимать его работы всерьез, перестал ограничиваться символическими логиками и его собственными студентами. Время отнесло Льюиса ко второму поколению “золотого века американской философии”»¹⁵⁷.

В рамках своей прагматической концепции *a priori* Льюис пытается найти баланс между классическим рационализмом и классическим эмпиризмом. Полагая, что оба этих движения являются недостаточными для обоснования феномена научного знания, он предлагает срединный вариант, объединяющий,

¹⁵⁶ Впоследствии это доклад был опубликован, см. Lewis C.I. A Pragmatic Conception of the *A priori* // The Journal of Philosophy. 1923. Vol. 20, № 7. P. 169-177. Русский перевод: Льюис К.И. Прагматическая концепция *a priori* // Эпистемология и философия науки. 2014. № 4. С. 222-231.

¹⁵⁷ Reck A.J. The New American Philosophers. N.Y., 1970. P. 3.

или даже синтезирующий, разум и эмпирический материал в рамках познавательного процесса.

Сам К.И. Льюис назвал свою версию прагматизма «концептуальным прагматизмом», так как именно понятие (*concept*) «представляет собой то, что разум привносит в опыт»¹⁵⁸. Именно поэтому К.И. Льюис уделяет так много внимания понятию априорности и его роли в эпистемологии. В качестве теоретической основы своей философской программы К.И. Льюис берет следующие отправные пункты:

«(1) Априорные истины определены по своей природе и возникают исключительно из анализа понятий. То, что реальность может быть отделена от априорного, зависит не от неких интуитивных форм или категорий, которые определяют содержание опыта, а от того простого факта, что нечто определяемое в качестве “реального”, должно быть отмечено в опыте посредством заранее определенных критериев. (2) В то время как установление границ понятия априорно, применение любого отдельного понятия к любому данному отдельному опыту является гипотетическим. Выбор понятийной системы для каждого такого применения является инструментальным или прагматическим, а эмпирические истины являются не более чем вероятными. (3) Эмпирический опыт в целом таков, что для своей интерпретации в понятиях он не требует специфических или метафизических предпосылок о соответствии опыта разуму или его категориям. И, по-видимому, иначе и быть не может»¹⁵⁹.

§ 3.2 Аналитичность и синтетичность

Из первого пункта программы Льюиса видно, что его концепция познания сходна логическим эмпиризмом в определении априорного как аналитического¹⁶⁰. По мнению одного из сторонников концепции *a priori* Льюиса, ее отличительной особенностью является то, что аналитические суждения не всегда удается четко

¹⁵⁸ Lewis C.I. *Mind and the Word Order*. N.Y., Chicago, Boston. 1929. P. 230.

¹⁵⁹ Ibid.

¹⁶⁰ В частности, терминологическую подмену априорное/аналитическое у Льюиса отмечает У. Селларс (Sellars W. *Is There a Synthetic A priori?* // *Philosophy of Science*. 1953. Vol. 20, №. 2. P. 123). Однако в то же время он указывает, что некоторые свойства льюисовских *a priori* вполне можно рассматривать как синтетические, в зависимости от терминологической рамки, которую выбирает исследователь.

разграничить с синтетическими в рамках научного исследования. Такие суждения можно охарактеризовать как

«имплицитные аналитические высказывания, то есть такие необходимые высказывания, в которых необходимость не выражается эксплицитно»¹⁶¹.

Однако этим она не исчерпывается: в отличие от классических концепций абсолютного априоризма Льюис утверждает принципиальную возможность изменения априорных понятий и принципов, лежащих в основе познавательного процесса. Таким образом, К.И. Льюис одним из первых в истории философии предлагает «смягчить» концепцию априорности так, чтобы избежать сомнительных метафизических предпосылок как в отношении эмпирической реальности, так и в отношении самого разума (то есть, избежать ловушки психологизма), и при этом сохранить возможность для корректировки априорных принципов.

«Больше не представляется необходимым предполагать, что априорные истины описывают некое метафизически значимое свойство реальности, или что универсалии имеют некий особый тип бытия, недоступный чувству, но напрямую открытый разуму»¹⁶², - пишет К.И. Льюис в предисловии своей основной работы в области эпистемологии.

Отказ от неокантианского понимания априорных принципов и законов как законов мышления для Льюиса означает, во-первых, избежать психологизма, а во-вторых, развить теорию функционирования науки на прагматических принципах. Если развитие науки не может быть адекватно объяснено в рамках классических концепций, то они должны быть пересмотрены с целью их согласования с *практикой* научного исследования. Этой же позиции придерживались логические

¹⁶¹ Jdrvilehto L. Pragmatic *A priori* Knowledge: A Pragmatic Approach to the Nature and Object of What Can Be Known Independently of Experience. Jyvskyld, 2011. P. 83.

¹⁶² Lewis C.I. An Analysis of Knowledge and Valuation. Chicago, 1946. P. IX.

эмпиристы, однако, как мы уже отметили, Льюис пытается согласовать эмпиризм и рационализм, а не выбрать из них. Именно эту цель он ставит, обращаясь к прагматизму.

«В основании всей науки и всего знания лежат определенные категории и понятия, которые представляют собой фундаментальные привычки, мысли и глубоколежащие установки, которые человеческий разум вырабатывает в свете своего суммарного опыта. Но новый и расширенный опыт может привнести с собой некоторые изменения данных установок, даже если сами по себе они ничего не диктуют содержанию опыта, и никакой возможный опыт не может доказать их безосновательность»¹⁶³.

В рамках логического позитивизма классическая (абсолютная) концепция *a priori* рассматривается, в первую очередь, как догмат рационализма. Тенденция ставить знак равенства между рационализмом и классическим априоризмом прослеживается и у Льюиса. Ошибка классического рационализма, по мнению Льюиса, заключается в неверном понимании, с одной стороны, понятия необходимости, а с другой – недооценкой роли опыта (или эмпирического материала) в познавательном процессе. В силу данной ошибки классический априоризм не удовлетворяет его первоначальной задаче: выделить условия возможности опыта, а вместе с ним и познавательного процесса.

«То, что *a priori* является необходимо истинным, происходит не потому, что оно принуждает разум его признать, а как раз наоборот. Как раз таки данный опыт, голый факт, элемент *a posteriori* в знании разум должен волей-неволей принять. *A priori* представляет собой, в некотором смысле, свободно выбранную установку, условие самого разума, и это условие может быть сформулировано иначе, если это согласуется с нашими стремлениями и нуждами. Такая истина является необходимой в противовес случайному (*contingent*), а не произвольному (*voluntary*). И *a priori* независимо от опыта не потому, что оно предписывает форму, в которую должны вписаться

¹⁶³ Льюис К.И. Прагматическая концепция *a priori* // Эпистемология и философия науки. 2014. № 4. С. 229.

чувственные данные, или предвосхитить некую предустановленную гармонию опыта и разума, но именно потому, что оно ничего не предписывает опыту»¹⁶⁴.

Разум свободен в выборе своих установок (начиная с научных парадигм, если воспользоваться терминологией Томаса Куна, и заканчивая выбором тех или иных понятий), однако данные установки теряют смысл, если они полностью игнорируют факты, то есть эмпирический опыт. Пересмотр или отказ от той или иной теории обусловлен ее продуктивностью для данного исследования, то есть тем, насколько успешны ее следствия для объяснения эмпирических данных.

В то же время, в отличие от Канта, для которого априорные конструкции, лишенные опытного содержания, являются бесплодными фантазиями, для Льюиса их существование вполне оправдано, свидетельством чему выступают новые логики и неевклидовы геометрии. Критикуя Джона Стюарта Милля, Льюис указывает на то, что вполне можно вообразить себе мир, в котором физические и химические свойства отличаются от нашего мира, например, при складывании двух пар предметов, возникает еще одна, дополнительная пара. Однако такое поведение физических объектов не фальсифицирует математические операции (в данном случае, сложение), в таком мире будет иная физика и экономика, но не математика. Аналогично наша физическая реальность не фальсифицирует геометрии Лобачевского и Римана, просто для ее описания, равно как и для различного рода манипуляций внутри нашего конкретного мира наиболее продуктивной является геометрия Евклида.

§ 3.3 Понятие опыта

Вместе с тем, Льюис настаивает и на недостаточности эмпиризма, полагая, что понимание опыта в его рамках слишком узко. Безусловно, эмпирический опыт играет важную роль при формировании научных теорий, особенно в рамках естественнонаучных дисциплин, и во много его можно назвать пробным камнем

¹⁶⁴ Там же. С. 222.

теоретического знания. В то же время сам характер опыта и то, в каком виде он присутствует в научном познании, лишает его самостоятельности и независимости от теоретических построений.

«Ни один возможный опыт не может заставить нас изменить закон, пока нарушение закона не определит содержание опыта как нереальное. Это одно из затруднений эмпиризма. Мы имеем дело с опытом: чем должна быть та реальность, которая лежит в основе опыта – это мы должны изучить. То, что мы жаждем обнаружить – это естественный закон, формулировка тех единообразий, которые обитают в сфере реального. Но опыт, каким он предстает нам, несет в себе не только реальное, он содержит иллюзии, мечты, галлюцинации и ошибки. Данные содержат как реальное, так и нереальное, в сбивающем с толку смешении. Если мы ищем единообразия в этом неупорядоченном опыте, мы не найдем его. Законов, которые характеризуют весь опыт, как реальный так и не реальный, не существует, и в любом случае они были бы бесполезны. То, что мы ищем – это единообразия *реального*, но пока у нас нет таких законов, мы не можем просеять опыт и выделить реальное»¹⁶⁵.

Как и для Канта, априорные понятия и суждения для Льюиса являются условиями возможности опыта, теми классификационными схемами, на основании которых строится познавательный процесс. Если задача познавательного процесса – отделение реального от иллюзорного, выделение и объяснение закономерностей, характеризующих реальную действительность, которая нас окружает, то без априорного элемента здесь не обойтись. Именно благодаря ему мы можем отделить реальность от иллюзии, классифицировать нечто как возможное или невозможное:

«такие положения являются априорными частично в силу того, что их генезис не зависит от какого бы то ни было специфического чувственного опыта, но в первую очередь потому, что они

¹⁶⁵ Там же. С. 228.

применяются в отношении всего опыта, ничего не запрещая, и в своем применении определяют “реальное”»¹⁶⁶.

Эмпирический опыт, для того, чтобы быть описанным и объясненным, необходимо требует определенной сетки понятий или классификаций, без которых данный опыт был бы просто невозможен¹⁶⁷. Например, чтобы отличить белое от не-белого, нам необходима как минимум двоичная классификация цветов, иначе наш опыт не мог бы быть зафиксирован. Тем не менее, данные классификации не носят неизменный (в метафизическом смысле) характер. Они являются произвольными конструкциями разума, необходимыми для описания различного опыта. Проверкой данных априорных классификаций выступает их способность объяснить тот или иной опыт. В том случае, если для описания какого-либо опыта примененная к нему система априорных понятий, критериев и классификаций не в состоянии дать удовлетворительный результат, то разум также произвольно выстраивает новую модель, в рамках которой исследуемый феномен может получить более полное объяснение. Критерием же выбора той или иной классификационной модели выступают ее следствия с точки зрения предсказания нового возможного опыта. В этом смысле данный выбор уже не является в полной мере свободным, однако все еще сохраняет независимость от эмпирического опыта.

Таким образом, априорные критерии, правила и модели для классификации опыта, с одной стороны, не накладывают на опыт никаких ограничений, с другой стороны, - их истинность или ложность не зависит ни от конкретного эмпирического опыта, ни от эмпирического опыта вообще. При этом когда происходит изменение априорных понятийных систем, старая система не признается ложной в силу того, что определенный опыт ей противоречит. Она

¹⁶⁶ Pancheri L.U. James, Lewis and the Pragmatic *A priori* // Transactions of Charles S. Pierce Society. 1941. Vol. 7. № 3. P. 136.

¹⁶⁷ То есть он не мог бы быть замеченным, описанным и переданным.

отбрасывается в качестве недостаточной, либо для нее очерчивается определенная область применения.

§ 3.4 Возможность корректировки

Если противопоставить прагматическую концепцию априорности абсолютной (в том виде, в котором она представлена в логическом эмпиризме), то ее можно отнести к многочисленным концепциям относительного *a priori*, дискуссии о которых ведутся и сегодня. Ключевым отличием как прагматического априоризма, так и современных концепций *a priori* от классической кантовской версии является исключение тезиса о полной неизменности априорных истин. Кант, развивая свою концепцию априоризма, отталкивался в первую очередь от евклидовой геометрии и ньютоновской механики, полагая их аксиомы неизменно истинными, тем самым исключая возможность создания альтернативных теорий. Развитие науки в XIX, а тем более в XX веке наглядно продемонстрировало, что данные постулаты, считавшиеся незыблемыми, можно заменить иными, расширяя тем самым круг объектов, подлежащих научному описанию и объяснению. Однако евклидова геометрия и ньютоновская механика не потеряли статус признанных научных теорий, они просто перестали быть единственными теориями.

Таким образом, практика непосредственного научного исследования опровергла тезис о существовании незыблемых и неизменных априорных истин, но только в том случае, если неизменность рассматривается в качестве метафизической характеристики априорности. Ставя в основу априорности прагматический аспект, К.И. Льюис, с одной стороны, находит объяснение изменению априорных истин, а с другой – избегает тотального релятивизма, связанного с отсутствием регулятивного элемента в процессе познания.

Источником априорных истин Льюис видит не «свет разума», который создает схемы, соответствующие реальности, или, напротив, искажающие

реальность. Необходимость применения понятийных классификаций для адекватного описания окружающей действительности (эмпирического опыта) является единственным критерием, отвечающим за их создание и функционирование. В то же время, Льюис оставляет возможность для корректировки априорного каркаса научного знания:

«Понятия, которые мы узнаем априорно, могут быть строены в иерархию, в которой наиболее фундаментальный уровень – это законы логики, за ними следуют законы математики и физики, и наконец, классы понятий типа естественных видов или родовых понятий. Любой из этих уровней может быть подвергнут пересмотру, причем изменения на наиболее фундаментальных уровнях влекут за собой изменения на уровнях менее фундаментальных»¹⁶⁸.

Во второй половине XX века проблематика априоризма возникает в связи с развитием натуралистической эпистемологии (как в куайновской, так и в иных ее версиях). Сторонники рационалистически ориентированных направлений эпистемологической мысли в качестве основного аргумента против натурализации выдвигают тезис об отсутствии в эпистемологии такого типа регулятивного элемента (норм, правил и т.д.) научного познания. В качестве такого элемента и предлагается априоризм, однако с теми изменениями, необходимость которых полагал и К.И. Льюис.

§ 3.5 Критика: угроза релятивизма

В то же время критики льюисовской концепции *a priori* указывали на некоторые ее недочеты, заключающиеся во взаимопротиворечивых стремлениях Льюиса, с одной стороны, свести априорное к аналитическому, а с другой – доказать его эпистемическую продуктивность. Если априорные понятия и положения являются пустыми, то не совсем ясно, каким образом возможно создание альтернативных концепций, без обращения к эмпирическому опыту.

¹⁶⁸ Jdrvilehto L. The Pragmatic *A priori* of C.I. Lewis // *Cognitio Estudios*. 2009. Vol. 6. № 2. P. 100.

«Нам представляется, будто Льюис полагает, что априорные принципы не имеют никаких опытных следствий, которые могли бы их фальсифицировать. Но в то же время он полагает, что у них есть некоторые опытные следствия, которые побуждают нас отбросить эти принципы и принять другие, опытные следствия из которых были бы для нас по тем или иным основаниям более желательны. Такая позиция действительно является затруднительной, если не внутренне противоречивой»¹⁶⁹.

По сравнению с классическим понятием *a priori*, определение, предложенное Льюисом, действительно, представляется менее четким и строгим. Хьюллет полагает, что такая интерпретация априорного может быть сведена к определенному типу исторического *a priori*: то или иное положение может носить для исследователя в определенный момент времени как априорный, так и апостериорный характер, в зависимости от установки, которую он выбирает. Интерпретируемая таким образом концепция прагматического *a priori* предстает как один из вариантов нормативного релятивизма, с чем вряд ли согласился бы как сам Льюис, так и вдохновленный его идеями Артур Пап. Несмотря на все затруднения, связанные с определением прагматических оснований, в отношении которых меняются априорные критерии познавательного процесса, их нельзя назвать случайными в том смысле, что их истинность зависит от эмпирического опыта. Критерием пересмотра здесь будет выступать не непосредственный опыт, а то, каким образом наши законы и классификации могут или не могут объяснить данный опыт.

«Если критерии реального априорны, то это не говорит о том, что никакой возможный вид опыта не может привести к их изменению. Например, нельзя сфотографировать привидения. Но если фотографии духовных феноменов, сделанные при надлежащих условиях, станут появляться все чаще, то это априорное суждение будет поставлено под вопрос. В данном случае нам нужно будет переопределить наши

¹⁶⁹ Hullett J.N. A Pragmatic Conception of the *A priori* Re-Viewed // Transactions of Charles S. Pierce Society. 1973. Vol. 9. № 3. P. 140. Аналогичное противоречие приписывал концепции Льюиса и У. Селларс в цитируемой выше статье.

термины. Независимо от того, является ли привидение духом или материей, определение «духа» или «материи» должно быть изменено; все это будет составлять одну взаимосвязанную проблему. Мы должны заново рассмотреть вопрос определения и классификации, вопрос о критериях реального и вопрос о естественном законе. И решение одного из них будет означать решение всех остальных»¹⁷⁰.

Интенции Льюиса в его реформировании понятия *a priori*, на наш взгляд, сохранили актуальность и в XXI веке. Это относится не только к попытке создать концепцию априорности, объясняющую изменение набора априорных истин, не прибегая к сомнительным метафизическим допущениям, но и таких проблем, как источник априорных знаний, релятивизм, связанный с отказом от априорных истин в качестве регулятивного элемента познания и т.д. В частности, обоснование априорности через особого рода психологическую или когнитивную способность, присущую только человеку, при котором данная способность является конечным пунктом анализа, представители так называемого «умеренного рационализма» в философии полагают «вызовом для любого рационалиста»¹⁷¹ именно в силу того, что конечным пунктом объяснения априорности здесь становится метафизическое допущение. В то же время, попытки создать концепцию априорности, устраняя такие специфические его характеристики как неизменность, необходимость, универсальность или независимость от опыта, зачастую приводили к потере самого понятия априорности. По крайней мере, на сегодняшний день, попытки предложить умеренную концепцию априоризма, не налагающую на ее пропонента никаких метафизических обязательств, и при этом без подведения под него новых оснований, не привели к успеху.

¹⁷⁰ Льюис К.И. Прагматическая концепция *a priori* // Эпистемология и философия науки. 2014. № 4. С. 228.

¹⁷¹ Peacock Ch. Explaining the *A priori*: The Programme of Moderate Rationalism // Boghossian P., Peacock Ch. (ed.) *New Essays on the A priori*. Oxford, New-York, 2002. P. 258.

§ 3.6 Предварительные выводы

Прагматическая концепция *a priori* К.И. Льюиса является одной из первых (и притом немногочисленных) попыток объединить формальные и функциональные характеристики *a priori* на основании прагматизма. Пытаясь найти срединный путь между догматизмом классического рационализма и релятивизмом, присущим эмпиризму, Льюис пытается объяснить и обосновать как необходимость априорных понятий и суждений для познавательного процесса, так и показать возможность их изменения и корректировки.

На наш взгляд, основной его ошибкой в данном случае становится отказ от синтетического *a priori*, которое в классическом априоризме как раз и выполняла роль обоснования его конструктивного и прагматического элементов. В то же время, сам перенос акцента с формальных характеристик на функциональные в рамках эпистемологии является важным шагом на пути к последующему реформированию понятия *a priori*.

§ 4. Современные концепции *a priori*: семантический и когнитивный подходы

§ 4.1 *A priori* и натурализация эпистемологии

Противоречия априоризма, вызванные, с одной стороны, несостоятельностью его классической версии, а с другой – сведением априорного элемента в познании к аналитическим истинам и куайновской критикой разделения суждений на аналитические и синтетический определило вектор современных дискуссий, связанных с понятием *a priori*¹⁷².

¹⁷² Обзор наиболее значимых пунктов, вокруг которых концентрируются дискуссии об *a priori* см.: Jenkins C.A. *priori* Knowledge: Debates and Developments. // *Philosophy Compass*. 2008. № 3(3). P. 436–450.

В современной аналитической философии можно выделить два базовых направления, представители которых развивают различные концепции обоснования возможности априорных истин. Первое направление можно охарактеризовать как семантическое. Здесь обоснование возможности априорных знаний основывается на предложенном Фреге разделении смысла и значения, а также возвращении в философию понятия аналитичности¹⁷³. Принятие данной концепции, с одной стороны, позволяет избежать постулирования интеллектуальной интуиции, которая, по их мнению, приводит в интеллектуальный тупик, но с другой, - требует введения понятия аналитичности, а следовательно, ответа на куайновскую критику.

Второе направление условно можно обозначить как когнитивное. Представители данного направления в целом придерживаются классической концепции *a priori*, развиваемой в рамках рационалистической традиции. Здесь обоснование априорного статуса высказываний основывается на постулировании особой способности человека – рациональной интуиции / рационального инсайта, благодаря которым некоторые знания не требуют эмпирического обоснования для обладания ими¹⁷⁴.

Если в качестве девиза первого подхода к обоснованию априорных принципов можно выбрать «Назад, к аналитичности», то для второго подхода это будет уже «Назад, к классической рациональности»¹⁷⁵. В то же время, философия Канта здесь рассматривается с точки зрения концептуального аппарата,

¹⁷³ В качестве основных представителей данного направления можно указать Пола Богосьяна, Кристофера Пиккока, Майкла МакКинси и Джералда Каца. Концепция относительного *a priori* Паскаля Анжелю, хотя и характеризуется как эпистемологическая, в своем основании также опирается на семантические концепции априорности. Также см. статью: Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сб. тр. М., 2000. С. 230–247. Название «семантическая концепция *a priori*» мы заимствуем у Паскаля Анжелю: Engel P. La conception sémantique de l'*a priori* est-elle morte? // Ouelbani M. (éd.) La philosophie autrichienne. Université de Tunis. 2000. P. 126-142. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://jeannicod.ccsd.cnrs.fr/docs/00/05/33/82/HTML/index.html>

¹⁷⁴ В качестве основного представителей данного направления можно указать Лоуренса Бонжура и, с некоторыми оговорками, Джорджа Билера.

¹⁷⁵ Альтернативная классификация предложена в Fieft H. Recent Debates About the *A priori* // Szabo T., Hawthorne J. (eds.) Oxford Studies in Epistemology. Vol. 1. Oxford, 2005. P. 69-88. Здесь подходы к анализу *a priori* делятся на сильные (догматические) и слабые (умеренные).

предложенного логическими эмпиристами, то есть, представляет собой развитие формального подхода к *a priori*.

Объединяет эти два подхода их противостояние натурализации эпистемологии, то есть отказа от нормативных принципов, регулирующих познавательный процесс, а также служащих основанием для рациональной дискуссии, демаркационной линией, отделяющей научное познание от познания псевдонаучного и так далее. Далее, обе данные концепции представляют собой развитие кантовского проекта и отталкиваются от определения априорности, предложенного в «Критике чистого разума». Кроме того, можно выделить еще один важный момент, общий у представителей данных направлений: их стремление сохранить философию в качестве самостоятельной дисциплины, которая не просто следует за естественными науками, но сохраняет свою критическую позицию по отношению к ним.

«Априорный концептуальный анализ, если и является возможным, не имеет никакой философской значимости. Философии нужен только эмпирический путь познания»¹⁷⁶.

Против такого понимания природы и развития философского знания и выступают современные защитники априоризма. На наш взгляд, такого рода дискуссии можно рассматривать в качестве продолжения начавшегося в философии Нового времени спора между эмпириками и рационалистами о природе и обосновании познавательного процесса. В то же время в современной версии данного спора четко прослеживается наследие логического эмпиризма, следствием которого является, с одной стороны, натурализация эпистемологии, а с другой – отказ от концепции синтетического *a priori*.

Натурализация эпистемологии, по мнению сторонников априоризма, ведет к релятивизации норм познания, которые должны быть априорными, то есть необходимыми и универсальными, а не случайными, как истины, установленные

¹⁷⁶ Papineau D. The Philosophical Insignificance of *A priori* Knowledge // Shaffer M.J., Veber M.L. What Place for the *A priori*? Chicago, 2011. P. 62.

эмпирическим путем. Релятивизация нормативного элемента в познании, по их мнению, ведет к потенциальному размыванию границы между научным и ненаучным знанием, что влечет за собой не только теоретические, но и социальные последствия¹⁷⁷. Категорический отказ от эпистемологического релятивизма в рамках современного априоризма вписывает его в противостояние между научным реализмом и социальным конструктивизмом в эпистемологии. Выбор научного реализма здесь обусловлен страхом перед релятивизацией научного знания, которая может привести к полной его потере. Этот же страх заставляет представителей современного априоризма отказаться и от концепции прагматического *a priori*. Прагматический элемент в качестве обоснования возможности изменения априорных принципов или классификаций, управляющих процессом познания, для них неприемлем, в первую очередь в силу неясности самих прагматических оснований, в отношении которых производится изменение и корректировка данных принципов и классификаций. Для представителей семантического и когнитивного подходов в обосновании априоризма неопровержимость *a priori* становится краеугольным камнем всех теоретических построений. В то же время, также как и для сторонников прагматического подхода к *a priori*, для них характерно смягчение классической концепции абсолютного априоризма, с целью обоснования возможности частичной корректировки априорных истин.

Основной аргумент современных защитников априорности от оппонентов со стороны натуралистически ориентированных эпистемологий, сводится к тому, что отказываясь от деления суждений на априорные и апостериорные, мы теряем критерии ведения рационального (в частности, научного) исследования. Априорные суждения в данном случае рассматриваются в качестве основания рациональности. В частности, такие их характеристики как универсальность и необходимость позволяют говорить о нормативности рационального рассуждения

¹⁷⁷ Об этом см. Boghossian P. Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism. N.-Y., 2006.

и, следовательно, оценке любого суждения как рациональное/нерациональное, верное или неверное.

§ 4.2 Случайное *a priori* и необходимое *a posteriori*

Выше мы уже отмечали, что несмотря на то, что далеко не все исследователи были согласны с куайновской критикой аналитичности, его позиция, а также выдвинутая им программа натурализации эпистемологии, требовала ответа от сторонников априорного знания. В первую очередь это произошло потому, как отмечает Дж. Фодор, что отказ от аналитичности поставил под сомнение основную задачу философии (какой ее видели сначала логические эмпиристы, а затем и аналитические философы), а именно анализ понятий¹⁷⁸.

Одним из ответов на куайновскую критику становится предложенная Солом Крипке попытка развести понятия необходимости, априорности и аналитичности. Критикуя кантовский априоризм, Крипке отмечает:

«С первых страниц Критики становится ясно, что Кант принимает как очевидный тезис, согласно которому знание о том, что нечто является необходимым, должно, в свою очередь, быть априорным знанием»¹⁷⁹.

Крипке возводит отождествление априорного и необходимого к Канту, утверждая, что большинство философов XX века разделяют данное убеждение¹⁸⁰. Для того, чтобы разорвать связку необходимость/априорность, Крипке, используя пример Витгенштейна об эталоне метра, демонстрирует возможность случайных истин, которые являются, в то же время априорными. Здесь он также опирается на

¹⁷⁸ См.: Fodor J. Water's Water Everywhere // London Review of Books. 2004. Vol. 26. № 20-21. P. 17-19.

¹⁷⁹ Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, MA, 1980. P. 160.

¹⁸⁰ Это положение является спорным. Например, П. Бауман указывает, что в XX веке явно отождествлял априорность и необходимость только один философ – А. Айер. См.: Baumann P. What Does Kripke mean by *a priori*? // Diametros. 2011. № 28. P. 1.

разработанную им семантическую концепцию жестких десигнаторов¹⁸¹, то есть таких имен, которые указывают на свой объект во всех возможных мирах.

«Каков тогда *эпистемологический* статус выражения “Палка S имеет длину один метр в момент времени t_0 ,” для того, кто основал метрическую систему с помощью палки S? Представляется, что он знает это *a priori*. Потому что если он использовал палку S, чтобы установить референт термину “один метр”, то в результате такого типа “определения” (которое не является ни сокращенным, ни синонимичным), он знает автоматически, без дальнейшего исследования, что длина S – один метр. С другой стороны, даже если S используется как эталон метра, *метафизический* статус “длина S – один метр” будет статусом случайного высказывания, притом что “один метр” рассматривается в качестве жесткого десигнатора: при определенном давлении и напряжении, нагреве или охлаждении, S мог бы иметь отличную от одного метра длину даже в момент времени t_0 . И в этом смысле существуют случайные априорные истины»¹⁸².

Этот пример демонстрирует, что эпистемологическая априорность может сочетаться с метафизической случайностью. В то же время возможны и примеры необходимых апостериорных суждений. Так, тождество Утренней и Вечерней звезды (Венеры), по мнению Крипке, представляет собой пример необходимого, но в то же время апостериорного тождества. Хотя далеко не все исследователи считают данные примеры убедительными¹⁸³, отделение априорности от необходимости, равно как и различных типов необходимости (метафизической, логической, эпистемической и физической) закрепляется в аналитической эпистемологии.

Разделение на априорное/апостериорное становится эпистемологическим, в то время как оппозиция необходимый/случайный может рассматриваться в

¹⁸¹ Подробнее о различии концепций именованности см. Куслий П.С. Референциальная функция имен // Логос. 2009. № 2 (70). С. 67-83.

¹⁸² Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, MA, 1980. P. 56.

¹⁸³ См. Turri J. Contingent *A priori* Knowledge. // Philosophy and Phenomenological Research. 2011. Vol.83, № 2. P. 327–344. В частности, Турри отмечает, что если в качестве априорных рассматривать только те высказывания, которые имеют априорное обоснование, то пример Крипке не работает, так как обоснование данного выражения эмпирическое.

качестве одного из возможных типов необходимости. Отказ в XX веке от метафизической интерпретации разделения суждений на априорные и апостериорные и перенос его в сферу семантики вызвал пересмотр определения понятия *a priori*. Однако в целом, такого рода интерпретации не противоречат кантовскому проекту:

«Значительная, а может быть и наибольшая, часть деятельности нашего разума состоит в *расчленении* понятий, которые у нас уже имеются о предметах. Благодаря этому мы получаем множество знаний, которые, правда, суть не что иное, как разъяснение и истолкование того, что уже мыслилось (хотя и в смутном виде) в наших понятиях, но по крайней мере по форме ценятся наравне с новыми воззрениями, хотя по содержанию только объясняют, а не расширяют уже имеющиеся у нас понятия»¹⁸⁴.

§ 4.3 *A priori* в умеренном рационализме

В то же время вполне в духе логических эмпиристов и в целом философии начала XX века представители семантического направления обоснования априорности отказываются презюмировать человеческому разуму какие бы то ни было особые психологические свойства, благодаря которым для него становится доступным познание априорных истин, то есть, по сути, классической рационалистической концепции, которая ставит знак тождества между законами логики и законами мышления. Однако основной конфликт между представителями семантического и когнитивного подходов в обосновании *a priori* заключается в том, что в рамках когнитивной концепции обоснование *a priori* в конечном итоге упирается в постулирование простых, то есть далее не анализируемых понятий / знаний *a priori*, дальнейшее объяснение и обоснование которых невозможно. В частности, Кристофер Пикок указывает на тот факт, что когнитивная концепция априорности:

¹⁸⁴ Кант И. Критика чистого разума. М., 2008. С. 47.

«является действительным сочетанием рационального принятия и невозможности полностью охарактеризовать его как вывод из аксиом или правил, т.е. теоретическим вызовом для любого рационалиста, насколько бы скромна и неэкзотична была его теория рациональной интуиции»¹⁸⁵.

По его мнению, которое в целом разделяется представителями семантического направления в обосновании *a priori*, возможность априорных истин должна быть выводима из ряда аксиом, а не посредством отсылки к некоей исключительной способности человеческого разума, будь то «рациональная интуиция» или что бы то ни было еще. Свою позицию Пикок и Богосян называют умеренным рационализмом. На наш взгляд, это одна из наиболее проработанных на сегодняшний день стратегий обоснования *a priori* в рамках аналитической философии. В умеренном рационализме ставится задача не столько реабилитации априорных знаний, сколько обоснование того, что каким именно образом априорные знания получают свой априорный статус. Характерной особенностью семантических концепций априорности является попытка избежать следующих затруднений, которые присущи как традиционной (кантовской), так и когнитивной концепциям:

- (1) Постулирование рациональной интуиции как особой психологической характеристики мыслящего индивида, на которой бы заканчивалось обоснование априорности. Такого рода теоретический выход из затруднения, связанного с обоснованием *a priori*, может привести его сторонников к отождествлению логических принципов и законов мышления, то есть к психологизму, который противоречит как современной эпистемологии, так и определению логики как научной дисциплины.

¹⁸⁵ Peacock Ch. Explaining the *A priori*: The Programme of Moderate Rationalism // Boghossian P., Peacock Ch. (ed.) *New Essays on the A priori*. Oxford, New-York, 2002. P. 258. Пикок называет свою программу «объясняющий умеренный рационализм» (*moderate explanatory rationalism*), так как она предполагает объяснение априорного статуса априорных способов познания.

- (2) Постулирование существования некоего мира идеальных сущностей, к которому принадлежали бы все априорные знания и способы обоснования знания, то есть метафизической предпосылки. Отказ от метафизических допущений и рассмотрение априоризма как исключительно эпистемологической концепции является характерной чертой семантического подхода к обоснованию *a priori*.
- (3) Конвенциализм в отношении *a priori*, согласно которому априорные истины являются таковыми в силу простой лингвистической конвенции. Как и в случае с пунктом (1) постулирование априорных истин как общепринятых конвенций не позволяет их далее анализировать и, как следствие, обосновать посредством выведения из базовых аксиом.
- (4) Прагматическое *a priori*. Прагматическое *a priori* может быть сведено к историческому *a priori*, то есть релятивизировано. Попытка оправдания априоризма является во многом попыткой вернуть в эпистемологию нормативный элемент, который бы не зависел от таких факторов, как изменение социального или культурного контекста. Поэтому прагматический аспект исключается из рассмотрения представителями семантического подхода.

Ответ на куайновскую критику, от которой отталкиваются все без исключения теоретики семантического подхода, подразумевает под собой два основных этапа. Первый этап – это оправдание разделения высказываний на аналитические и синтетические. Второй – разграничение метафизического и эпистемологического понимания необходимости. Впрочем, как замечает Пол Богосян:

«Куайн помог нам увидеть пустоту метафизического понятия аналитичности, а вместе с ним и бесплодность всего основанного на нем проекта – лингвистической теории необходимости. Но я не

думаю, что они затрагивают эпистемическое понятие аналитичности, которое требуется для обоснования теории априорного знания»¹⁸⁶.

Таким образом, куайновская критика вписывается в задачу отказа от каких бы то ни было метафизических предпосылок в обосновании *a priori*, и с этой точки зрения ее можно рассматривать как продуктивную для новых концепций априоризма. Тем не менее, один из самых последовательных, на наш взгляд, ответов на куайновскую критику был предложен Джералдом Кацом в рамках его проекта по оправданию рационализма в семантике. Будучи сторонником рационалистически ориентированной эпистемологии, он выступает против ее натурализации, в то же время указывая, что

«аргумент Куайна против разделения на аналитическое и синтетическое является защитой эмпиризма, а не критикой его догм»¹⁸⁷.

Полагая концепцию Куайна в отношении аналитических суждений несостоятельной как с точки зрения эпистемологии, так и с точки зрения лингвистики, Кац, тем не менее, указывает на три фактора, благодаря которым она стала столь популярна среди философов:

«отсутствие какого-либо особого метода пояснения семантических понятий, сильное недоверие к семантическим понятиям, а также полное игнорирование противостояния в лингвистике между таксономическими и генеративными теориями фонологических структур»¹⁸⁸.

§ 4.4 Обоснование аналитичности

Позиция Куайна в отношении природы познания часто объединяется с эмпиризмом Джона Стюарта Милля, полагавшего, что все человеческое знание в

¹⁸⁶ Boghossian P. Analyticity Reconsidered. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nyu.edu/gsas/dept/philo/faculty/boghossian/papers/AnalyticityReconsidered.html>

¹⁸⁷ Katz J. Where Things Now Stand with the Analytic-Synthetic Distinction? // Synthese. 1974. Vol. 28. P. 298.

¹⁸⁸ Ibid. P. 302. Кац утверждает, что куайновская критика может быть обоснована только в рамках таксономического подхода, но не генеративного.

конечном итоге основывается на индукции, то есть является эмпирическим¹⁸⁹. Согласно такой позиции, логические и математические законы представляют собой эмпирические обобщения, то есть апостериорные синтетические суждения. По мнению Каца, такой позиции может и должен придерживаться любой эмпирист, однако он замечает противоречие куайновского аргумента, которое заключается в том, что:

«С одной стороны, Куайн утверждает, что логические и математические истины подлежат пересмотру (*revisable*); с другой стороны, он отказывается рассматривать как осмысленное любое высказывание, если оно противоречит логическим истинам»¹⁹⁰.

В то же время Кац указывает на тот факт, что понимание аналитичности у философов, которые как принимали его, так и отвергали, совпадает. Это определение восходит к теории Готлоба Фреге (однако не полностью воспроизводит его), и становится «стандартной точкой зрения» в рамках аналитической философии. Аналитические высказывания определяются как

«(необходимо) истинные в силу одного только значения» или «истины, основанные на доказательстве, основанном на логических законах и определениях»¹⁹¹.

Сведение априорных истин к аналитическим, а аналитичности к необходимости и, вместе с тем, истинности, прочно связывает данные понятия, вплоть до того, что они начинают использоваться как взаимозаменяемые. Данная связка представляет собой наследие логического эмпиризма в аналитической философии, и Кац далеко не первый, кто указывал на ее теоретическую несостоятельность для решения ряда эпистемологических проблем. В частности, на это же указывал и Артур Пап, предлагая не смешивать понятия априорного и

¹⁸⁹ См., напр. Christopoulou D., Psillos S. *The A priori: Between Conventions and Implicit Definitions* // Kompa N., Nitz Ch., Suhm Ch. (eds). *The A priori and its Role in Philosophy*. Paderborn, 2009. P. 205-206.

¹⁹⁰ Katz J. *Where Things Now Stand with the Analytic-Synthetic Distinction?* // *Synthese*. 1974. Vol. 28. P. 296.

¹⁹¹ Katz J. *Analyticity, Necessity, and the Epistemology of Semantics* // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1997. Vol. LVII, № 1. P. 1.

аналитического. Кац же использует несколько иную стратегию: предлагая сохранить понятие аналитического, он предлагает пересмотреть теорию смысла Фреге:

«Аналитичность, истина и необходимость не связаны так, как предлагает их связать стандартная точка зрения. А это, в свою очередь, обусловлено тем, что смысл в естественном языке не является тем, что понимал под ним Фреге»¹⁹².

Если Куайн стремится избавиться от интенциональных контекстов (то есть, контекстов смысла в понимании Фреге), то Кац, напротив, строит свою теорию на их основании, полагая, что специфической особенностью смысла является отсутствие у него связи со значением. Свою позицию Кац характеризует как «новый интенционализм», в рамках которого «смысл опосредован значением, но не определяется им»¹⁹³. Данную концепцию Кац включает в свой более широкий проект по созданию нового типа эпистемологии семантики — рационалистического реализма¹⁹⁴. Схожего понимания аналитичности придерживаются и представители умеренного рационализма в отношении *a priori*.

Здесь одной из основных задач в рамках обоснования априорного знания, а также определения априорных способов обоснования знания выступает определение одной из базовых характеристик априорного знания: его необходимый характер. Здесь важно отметить, что куайновская критика метафизической необходимости практически вытеснила из дискуссий вокруг *a priori* понятие универсальности. В то же время связка аналитичность-истинность-необходимость привела к появлению новых (помимо независимости от опыта, необходимости и универсальности) характеристик априорных суждений — неустранимости и невозможности их пересмотра.

¹⁹² Ibid. P. 2.

¹⁹³ Ibid. P. 9. На русском языке критику связи априорности и теории смысла Фреге см. в: Куслий П.С. Априорность и семантическое содержание // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 190-202.

¹⁹⁴ См. Katz J. Realistic Rationalism. Cambridge (Massachusetts), 1998.

Эти две характеристики напрямую связаны с понятием истинности. Если априорные положения являются необходимо истинными (в силу их определения), то каким образом они могут быть опровергнуты, или хотя бы частично пересмотрены и скорректированы? Возможно ли отказаться от абсолютного априоризма, смягчив его таким образом, чтобы он удовлетворял хотя бы одному из добавленных свойств? И какая концепция истинности в наибольшей степени подходит для данных целей?¹⁹⁵

§ 4.5 Характеристики априорности: новый взгляд

В рамках семантической концепции предлагаются различные взгляды на то, какие именно знания и способы обоснования знания подходят под определение априорных. Данные определения основываются на включении / исключении предложенных характеристик априорности. В отношении приведенных выше характеристик Паскаль Анжель, в частности, выделяет два возможных определения априорности. Одно из них будет удовлетворять классическим характеристикам, второе – учитывать дополнительные характеристики.

(1) Традиционное понятие *a priori*: существуют такие суждения, истинность которых не зависит от эмпирического опыта.

(2) Новое понятие *a priori*: существуют такие суждения, истинность которых сохраняется и не может быть устранена с появлением новых верований¹⁹⁶.

Второе определение априорности, таким образом, не исключает возможности эмпирических *a priori*¹⁹⁷.

Однако априорность можно рассматривать и в другом ключе, определяя, каким образом априорный статус того или иного суждения связан с его

¹⁹⁵ О проблемах определения истинности в рамках аналитической философии см.: Куслий П.С. Понятие истины в аналитической философии // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 55-77.

¹⁹⁶ Engel P. Va savoir ! De la connaissance en g n ral. Paris, 2007. P. 223.

¹⁹⁷ О концепции эмпирических *a priori* Сола Крипке и ее отношении к классическому априоризму см., напр.: Веретенников А.А. Кант и Крипке об априорных необходимых истинах // Форум молодых кантоведов. М., 2005. С. 202-206; Casullo A. Essays on *A priori* Knowledge and Justification. New York, 2012. P. 3-11, а также Turri J. Contingent *A priori* Knowledge. // Philosophy and Phenomenological Research. 2011. Vol.83, № 2. P. 327–344.

обоснованием. Этот вопрос, в частности, является центральным и для объясняющего умеренного рационализма Кристофера Пикока¹⁹⁸. Пикок предлагает рассматривать отдельно априорные знания и априорные способы обоснования знания. Здесь возможны два подхода к определению априорности:

- (1) понятие или суждение является априорным, так как его обоснование не зависит от опыта (т.е. обоснование априорного характера того или иного суждения закономерно вытекает из самого факта его априорности);
- (2) априорное обоснование суждения не вытекает автоматически из того факта, что его содержание не зависит от опыта.

В отношении первого критерия стоит отметить, что в данном случае речь идет не только о том, что некое суждение является априорным, но и то, что способ его обоснования аналогичным образом базируется на априорных суждениях. При этом необходимость / случайность в рамках выведения критериев априорности относится к метафизическому компоненту, в то время как априорность / апостериорность – к эпистемологическому.

Представители семантической концепции априорности придерживаются второй точки зрения, поэтому проблема объяснения априорного статуса обоснования априорных знаний выходит здесь на первый план.

Основными аргументами в защиту понятия *a priori* в рамках семантической концепции выступают аргументы, предложенные Кристофером Пикоком и Полом Богосьяном. Общим для них является то, что априорное суждение базируется на понимании / схватывании того или иного понятия субъектом, его употребляющим. При этом понимание / схватывание значения в данном случае не предполагает необходимости выразить его эксплицитно. Тем не менее, для каждого отдельного выражения можно определить его статус (априорный или

¹⁹⁸ Пикок в своем определении априорности основывается на том, что существует два типа высказываний / суждений / знаний. Первый тип представляет собой класс суждений, зависящих от эмпирического опыта, второй – не зависящих от него. В качестве своей первичной задачи он рассматривал доказательство того, что оба данных класса не являются пустыми, а уже затем обоснование априорного статуса различных способов познания (*ways of coming to know*) в отношении каждого типа априорного знания, в зависимости от его содержания.

апостериорный), а также обосновать, что способ его познания является априорным.

Тем не менее, в их концепциях отмечаются и некоторые различия. Согласно Пикоку «условия обладания» понятием определяют его референцию и обеспечивают истинность выводов, содержащих это понятие. Эти условия обладания понятием известны *a priori*¹⁹⁹. Богосян предлагает более строгое определение:

«Если С (логическая константа) имеет смысл, то вывод А (содержащий эту константу) истинный.
И мы также знаем *a priori*, что:
С имеет смысл,
Следовательно А истинно»²⁰⁰.

Для ответа на вопрос о демаркационной линии между априорными и апостериорными способами познания (*ways of coming to know*), Пикок проводит разделение между атомарными и составными способами познания. Под атомарными способами познания Пикок понимает простые, далее не разложимые и, как следствие, не поддающиеся объяснению способы познания (к которым, в частности, апеллируют представители психологической концепции *a priori*). Они основываются на понимании / схватывании индивидом понятий, входящих в то или иное суждение (Пикок также называет такой подход «эпистемический минимализм в отношении понятий»). Против такого понимания *a priori* Пикок выдвигает два замечания:

(1) здесь отсутствует объяснение базовых (первичных) аксиом, которые обосновывают априорный статус того или иного суждения;

¹⁹⁹ Peacock Ch. Explaining the *A priori*: The Programme of Moderate Rationalism // Boghossian P., Peacock Ch. (ed.) *New Essays on the A priori*. Oxford, New-York, 2002. P. 255-285.

²⁰⁰ Boghossian P. Analyticity Reconsidered. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nyu.edu/gsas/dept/philo/faculty/boghossian/papers/AnalyticityReconsidered.html>

(2) не учитывается связь между априорным статусом познания и его содержанием.

Поэтому он обращается к составным способам познания, включающим в себя (1) переходы между шагами обоснования априорного статуса той или иной пропозиции; (2) связи между пропозицией и ее содержанием. Таким образом, семантическая концепция априорности в версии Пикока предполагает введение дополнительного компонента, объясняющего в каждом отдельном случае (для каждой отдельной пропозиции) ее априорный статус, учитывая ее содержание.

«для каждого априорного способа познания данного содержания существует объяснение того, почему он является априорным, которое связано с условием обладания понятиями, входящими в его содержание»²⁰¹.

При этом данное объяснение не должно сводиться к причинно-следственному анализу ментальных состояний и их содержания, так как в таком случае исследователь совершает ошибку, перенося способ обоснования апостериорных знаний на априорные. Базовые задачи, которые стоят перед представителями семантической концепции априорности:

- (1) Идентификация способа познания той или иной пропозиции.
- (2) Объяснение того, каким образом содержание данной пропозиции известно нам *a priori*. Алгоритм данного объяснения он представляет как связь между:
 - (1) соответствующими условиями обладания (*possession conditions*) понятий C и D.
 - (2) семантическим значением C и D и
 - (3) и способом познания W.

²⁰¹ Peacock Ch. Explaining the *A priori*: The Programme of Moderate Rationalism // Boghossian P., Peacock Ch. (ed.) *New Essays on the A priori*. Oxford, New-York, 2002. P. 260.

Связь между (1), (2) и (3) Пикок называет ключевым отношением (*key relation*), которое показывает, почему способ познания *W*, благодаря которому индивид верит, что данная пропозиция истинна в актуальном мире, является независимым от эмпирического опыта. Здесь стоит отметить, что Пикок выделяет два отношения *a priori* в рамках объясняющей задачи. Первое из них касается априорного познания некоей пропозиции, второе – априорного статуса самой пропозиции. Обычный человек (*ordinary thinker*) может знать *a priori*, что *p*, но не знать о том, что его способ познания *p* также имеет априорный статус. Объясняющая программа Пикока касается первого отношения и в качестве главной цели ставит объяснение априорного статуса способа познания, а не априорного статуса той или иной пропозиции. Наиболее известным примером здесь является пример с распознаванием цвета. Отталкиваясь от предпосылки, что каждый априорный способ познания, в зависимости от его содержания, должен объясняться различными способами, он приводит аргументацию того, каким образом через понятие цвета индивид принимает пропозиции типа «этот предмет красный» как истинные в актуальном мире, не прибегая при этом к эмпирическим данным. Данный пример представляет собой один из случаев индивидуализации свойства на уровне понятия, смысла и мысли. Алгоритм идентификации свойства предмета в данном случае выглядит следующим образом:

Уровень восприятия: В восприятии индивиду дан некий оттенок цвета, допустим, оттенок красного. Это восприятие само по себе не является информативным. Для того чтобы осуществить высказывание типа «этот предмет красный» или принять его в качестве истинного, требуется наличие понятия «красный».

Уровень понятия: Обладание понятием «красный» для идентификации красного цвета и распознавания данного оттенка как оттенка красного, а не синего, зеленого и т.д. не зависит от опыта. Таким образом, способ познания

пропозиций типа «Оттенок красного не является оттенком зеленого», «Этот оттенок – оттенок красного», «Этот оттенок – не оттенок красного» является априорным, в отличие от пропозиций типа «Цвет китайского национального флага – красный»²⁰².

Аналогичным образом Пикок рассматривает кантовский пример априорного суждения « $5+7=12$ »:

«Априорный характер познаваемости арифметической суммы основывается на природе условий обладания содержащимися в ней понятиями, так как они привязаны к индивидуализации самих отношений, на которые указывают эти понятия»²⁰³.

Таким образом, в рамках семантической концепции априорности одним из центральных терминов является «обладание понятием», определение которого не должно сводиться к постулированию интеллектуальной интуиции как особого психологического свойства с одной стороны, а с другой – не сводиться к конвенциональному постулированию значения того или иного понятия. Пикок предлагает следующее определение:

«Обладать понятием или понимать выражение – значит иметь его правильную имплицитную концепцию»²⁰⁴.

При этом исчерпывающее эксплицитное объяснение данной концепции не требуется для понимания понятия или выражения. Например, несмотря на то, что нельзя дать исчерпывающее определение понятия «стол», мы понимаем выражения, в которых оно используется, можем идентифицировать данный предмет как стол и т.д. Схожей позиции в отношении *a priori* придерживается и

²⁰² Данный аргумент напоминает один из аргументов Лэнгфорда в пользу синтетических *a priori*: Langford C.H. A Proof That Synthetic *A priori* Propositions Exist // The Journal of Philosophy. 1949. Vol. 46, № 1. P. 24. Классификация цветов и возможность их определения является стандартным аргументом в пользу априорных суждений. Контраргумент данной позиции см.: Aune B. Against moderate rationalism // Journal of Philosophical Research. 2002. Vol. 27. P. 1-26.

²⁰³ Ibid. P. 270.

²⁰⁴ Ibid. P. 276.

Паскаль Анжель, хотя он и не принимает полностью умеренный рационализм²⁰⁵. В этом отношении можно сказать, что концепция *a priori*, основанная на обладании понятием сводится в итоге к правильному употреблению того или иного слова (или научного термина) в зависимости от контекста.

§ 4.6 Аргумент МакКинси

Оригинальную семантическую концепцию априоризма развивает Майкл МакКинси. Частично она является одним из следствий его критики теории привилегированного доступа к ментальным состояниям. Аргумент МакКинси выявляет внутреннее противоречие, присущее семантическим концепциям *a priori* при обосновании знаний некоторого типа, в частности, знаний, включающих в себя эмпирические понятия. Будучи сторонником априоризма, МакКинси, тем не менее, полагает недостаточным понятие значения, используемое в рамках семантической концепции *a priori*. Его контраргумент выглядит следующим образом:

- «(1) Оскар знает *a priori*, что он думает, что вода мокрая.
- (2) Высказывание, что Оскар думает, что вода мокрая, необходимо зависит от E (группы высказываний о внешнем мире).
 - (2a) Высказывание, что Оскар думает, что вода мокрая, метафизически выводит E.
 - (2b) Пропозиция, что Оскар думает, что вода мокрая, концептуально предполагает E.
- (3) Высказывания E нельзя узнать *a priori*, а только посредством эмпирического исследования»²⁰⁶.

Варианты второй посылки в данном случае разнятся в зависимости от типа понимания необходимости: метафизического или концептуального. То есть здесь, хоть и неявно, тоже присутствует связка аналитичность-необходимость-истинность, которая является следствием независимости априорных истин от опыта. МакКинси полагает метафизическое понимание необходимости

²⁰⁵ Engel P. Quine et le retour de l'*a priori* // Lire Quine. Paris, 2006. P. 159-184.

²⁰⁶ См.: McKinsey M. Anti-Individualism and Privileged Access // Analysis. Vol. 51, № 1 (January, 1991). P. 9-16.

несостоятельным и предлагает остановиться на концептуальном ее понимании. Для обоснования своей позиции, которая избегает данного контраргумента, он приводит аргумент, частично основанный на мысленном эксперименте Хилари Патнэма о двойнике Земли²⁰⁷. Ответ на этот аргумент предполагает еще большее усложнение семантической концепции *a priori*, и, на наш взгляд, является несколько надуманным, хотя он и вызвал широкое обсуждение²⁰⁸. Сам МакКинси предлагает следующее разрешение данного парадокса:

«моя неудача априорного познания того, какое значение слова 'вода' я имею в уме, это неудача знания *de re*. Но эта неудача никак не влияет на априорное знание как в примере (16) Я знаю *a priori*, что существует группа, состоящая из меня и всех тех, кто разделяет отношение R ко мне, и я знаю *a priori*, что я подразумеваю, что мое использование 'это вода' подчиняется следующему правилу: токен выражения 'это вода' предцирует свойство R если и только если R является свойством, принадлежащем K, где K – естественный вид, который члены данной группы в опыте узнают как жидкость без цвета, запаха и способную утолять жажду. Допустим, что (16) истинно, тогда я знаю *a priori (de dicto)*, что я имею в виду некоторую вещь, которую называю 'вода', даже если я не знаю *a priori (de re)* какое значение слова 'вода' я держу в уме»²⁰⁹.

По его мнению, введение в данном случае разделения на *de dicto* и *de re* прочтение помогает, с одной стороны, избежать противоречия, указанного в его собственном контраргументе, а с другой, - сохраняет базовые свойства *a priori* (независимость от опыта, концептуальная (семантическая) необходимость и аналитичность). Однако в данном аргументе не учитывается важный момент, на который указал еще Артур Пап: выражения типа «Некто знает, что P» являются

²⁰⁷ См.: Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. М., 1999. С. 164-234.

²⁰⁸ См.: Bonjour L. In defense of the *a priori*. // In Matthias Steup & John Turri (eds.) Contemporary Debates in Epistemology. Pondicherry, 2013. 177-185; Casullo A. Essays on *A priori* Knowledge and Justification. New York, 2012; Casullo A. Four challenges to the *a priori* — a posteriori distinction. // Synthese. September 2013. Vol. 190, № 14. P. 1-24; Jenkins C. *A priori* Knowledge: The Conceptual Approach. // In A. Cullison (ed.) The Continuum Companion to Epistemology. London, 2012. P. 180-198; Wright C. McKinsey one more time // Hatzimoysis A.E. (ed.) Self-Knowledge. Oxford, 2008. Электронный ресурс. Режим доступа: http://philosophy.fas.nyu.edu/docs/IO/1187/mckinsey_one_more_time.pdf; Engel P. *A priori* / a posteriori // Dictionnaire des concepts philosophiques. Paris, 2007. P. 46-47 и др.

²⁰⁹ McKinsey M. Apriorism in the philosophy of language // Philosophical Studies № 52, July 1987. P. 27-28.

эмпирическими, то есть случайными высказываниями. Поэтому здесь возникает вопрос: насколько в принципе адекватны такого рода примеры для обоснования априорного знания?

§ 4.7 Когнитивный подход к *a priori*

На наш взгляд, основной недостаток семантических концепций *a priori* заключается в том, что по мере их развития они все больше и больше заимствуют проблематику и терминологический аппарат лингвистики. При этом стираются различия между эпистемологическими (то есть, философскими), семантическими и логическими проблемами, которые требуют решения. Насколько продуктивен семантический подход к *a priori* для эпистемологии? Если под задачами эпистемологии понимается выявление условий возможности опыта, познавательного процесса, границ познания, специфики научного познания, то, на наш взгляд, данный подход не может достигнуть такого рода целей. В первую очередь потому, что он концентрируется на внутренних характеристиках *a priori*, игнорируя внешние его характеристики. Если под задачей реабилитации понятия *a priori* в рамках эпистемологии понимается противопоставление рационалистического подхода натуралистическому, то есть в некотором роде дисциплинарное обособление, то семантический подход вполне оправдан. Однако в этом же отношении когнитивный подход, представляющий собой более догматичную концепцию познавательного процесса, становится более привлекательным хотя бы в силу того, что в его рамках ставятся философские задачи по обоснованию рационалистически ориентированных эпистемологий.

«Я полагаю, что рационалистическая концепция априорного обоснования важна и даже необходима для решения большинства, если не всех, философских вопросов, и что философия априорна, если у нее есть хоть какой-то интеллектуальный статус»²¹⁰.

²¹⁰ BonJour L. In defense of pure reason: a rationalist account of *a priori* justification. Cambridge, New York, 1998. P. 106. Здесь не трудно заметить, что позиция БонЖура во многом совпадает с программой Э. Гуссерля в том смысле,

В рамках когнитивного подхода к определению *a priori* под априорными знаниями полагаются такие знания, истинность которых может быть непосредственно усмотрена рациональным существом без использования какого бы то ни было эмпирического опыта. В первую очередь, к априорным знаниям относятся законы логики. Стоит отметить, что представители когнитивного обоснования априорности часто используют и аргументы, разработанные в рамках семантической концепции. В данном случае такого рода аргументы носят скорее инструментальный характер, так как они относятся скорее не к свойствам априорных суждений, а к их употреблению.

Исторически когнитивный подход к обоснованию априорности не представляет собой ничего нового: интерпретация *a priori* через особого рода когнитивные (или психологические) способности, присущие исключительно человеческим существам (например, в отличие от животных), были характерны как для классического априоризма, так и для различных версий философии науки начала XX века²¹¹. В то же время представители когнитивной концепции *a priori* не останавливаются на простой констатации факта, что некоторые суждения могут быть получены не из опыта, а посредством чистого умозрения, или рациональной интуиции²¹².

«Под интуицией мы понимаем не магическую силу, или внутренний голос, или таинственную 'способность', или что бы то ни было еще такого рода. Для вас обладать интуицией об А – это то, что нечто перед вами представляется (*seem*) вам как А. Здесь мы понимаем 'представляется' не как предупредительный или 'уклончивый' термин,

что философия понимается как исключительно априорное предприятие. См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. // Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. 185-240.

²¹¹ См. об этом, напр.: Дроздова Д.Н. Преломления *a priori* во французской мысли: Эмиль Бутру и Элен Мецжер // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. № 15. С. 42-57. В данной статье рассматривается влияние «психологической» интерпретации французскими философами XIX и XX века кантовского наследия и ее влияние на развитие французской философии науки в дальнейшем.

²¹² Стоит отметить, что понятие «интуиция» также является спорным. Об этом см.: Jenkins C. 'Intuition', Intuition, Concepts and the *A priori*. // In A. Booth and D. Rowbottom (ed.) *Intuitions*. Oxford, 2014. P. 91-115.

а в значении термина, используемого для определенного типа осознанного события. Например, когда вы впервые видите один из законов де Моргана, часто он не представляется ни истинным, ни ложным; затем, после недолгого размышления, случается нечто новое: внезапно он просто *представляется* истинным. Конечно, такой тип представления является интеллектуальным, а не чувственным или интроспективным (или воображаемым). На этом основании интуиции рассматриваются как 'данные разума', а не 'данные опыта'²¹³.

Один из основных теоретиков когнитивной концепции *a priori* – Лоуренс Бонжур – проводит разделение между негативным и позитивным определениями априорности. В рамках первого определения под априорными понимаются суждения, независимые от опыта, в рамках второго – суждения, обоснование которых зависит исключительно от разума. Опыт, в данном случае, трактуется максимально широко: под определение опыта попадают интроспекция, память, а также (в случае их существования) ясновидение и телепатия²¹⁴. Поэтому единственным легитимным источником априорных суждений оказывается интеллектуальная интуиция, наподобие той, которая используется в логических и математических исследованиях²¹⁵.

Предлагая обзор различным подходам к обоснованию возможности априорного знания, Статос Псиллос предлагает разместить все возможные концепции *a priori* между двумя радикально противоположными позициями: абсолютный априоризм Канта и абсолютное отрицание априорного знания Дж.Ст. Милля и У. Куайна²¹⁶. Это разделение можно усилить следующим образом: полное принятие абсолютной концепции *a priori* означает принятие рационалистической эпистемологии, в то время как полный отказ от нее означает принятие натуралистической эпистемологии. Такие направления

²¹³ Bealer G. A theory of the *A priori* // Pacific Philosophical Quarterly. № 81. 2000. P. 3.

²¹⁴ Bonjour L. In defense of pure reason: a rationalist account of *a priori* justification. Cambridge, New York, 1998. P. 7-8.

²¹⁵ Бонжур, в частности, указывает на тот факт, что его понимание априорности сужает кантовское: под *a priori* он понимает только то, что Кант называет «чистым *a priori*», то есть таким суждением, понятия в котором даже косвенно не основываются на опыте.

²¹⁶ Christopoulou D., Psillos S. The *A priori*: Between Conventions and Implicit Definitions // Kompa N., Nimitz Ch., Suhm Ch. (eds). The *A priori* and its Role in Philosophy. Paderborn, 2009. P. 205-206.

эпистемологической мысли как умеренный рационализм, а вместе с ним и семантическая концепция *a priori*, находятся примерно в середине данного спектра, в то время как когнитивная концепция в большей степени тяготеет к абсолютному априоризму. Прагматическое *a priori* Кларенса Ирвинга Льюиса, равно как и концепция функционального *a priori* Артура Папа также вписываются в данную классификацию.

Из этого можно сделать вывод, что нововременной спор между эмпириками и рационалистами в отношении функционирования познавательного процесса на сегодняшний день, пройдя через неокантианство, логический эмпиризм и прагматизм трансформировался в противостояние натурализма как нового вида эмпиризма и видоизмененного рационализма. И ключевым вопросом в этом споре, от которого зависит дальнейший курс эпистемологии как философской дисциплины, является вопрос об *a priori*.

§ 4.8 Предварительные выводы

Формальная линия рассмотрения *a priori* из логического позитивизма переходит в современную аналитическую философию. В рамках семантического и когнитивного подходов понятие *a priori* анализируется с точки зрения его внутренних характеристик: независимости от опыта, необходимости и универсальности, к которым добавляется аналитичность. Интерпретация классического априоризма как абсолютистской и догматической концепции привела к тому, что к внутренним характеристикам *a priori* добавляются неопровержимость и неустранимость.

Совокупность данных характеристик приводит к двум противоположным вариантам развития априоризма в рамках формального подхода. Во-первых, это усиление обоснования внутренних характеристик *a priori*, которое представляет собой, по сути, возврат к догмам рационализма. Во-вторых, это релятивизация внутренних характеристик *a priori*, направленная на смягчение данного понятия.

Однако несмотря на представленную выше критику, оба эти направления сводятся к обоснованию и уточнению указанных свойств априорности (либо принимая их все, либо предлагая одно из них в качестве базового).

В то же время прагматическая концепция *a priori*, ориентированная на его функциональные свойства, критикуется сторонниками возвращения к классическому рационализму как излишне релятивизирующая понятие *a priori* (априорные понятия и суждения здесь ставятся в зависимость от прагматических интересов исследователя), тогда как сторонники смягчения классического априоризма избирают в качестве стратегии обоснования *a priori* семантический инструментарий. Однако оба данных подхода можно рассматривать в качестве ограниченных формальными свойствами *a priori*.

Глава 3. Конструктивный априоризм как методологическая программа современной эпистемологии

В настоящей главе проблема *a priori* рассматривается с точки зрения двух основных конфликтов в эпистемологии XX-XXI веков: научный реализм vs. эпистемологический конструктивизм и рационализм vs. натурализм. Наша задача – в рамках концепции *конструктивного* априоризма – объединить выделенные нами две линии рассмотрения понятия *a priori*: формальную и функциональную, то есть, согласовать внешне и внутренне характеристики *a priori*.

Концепцию конструктивного априоризма можно рассматривать как срединный путь между формализмом современной аналитической эпистемологии и классическими концепциями развития научного знания, предложенными в философии науки XX века. Переопределяя понятие *a priori* на основании двух типов его характеристик, мы надеемся наметить возможные пути решения основных эпистемологических споров современной философии.

§ 1 Место *a priori* в современной эпистемологии и философии науки

Для первых теоретиков априоризма проблема априорных истин представляла собой частную проблему, позволяющую тем или иным способом разрешить более широкий круг эпистемологических вопросов: как возможно познание вообще и научное познание в частности? каковы границы человеческого познания? в отношении каких критериев выстраивается познавательный процесс

в науке? почему исследователь отдает предпочтение одной теории и отвергает другую? и т.д. Эти и многие другие вопросы, в свою очередь, формируют программу эпистемологии как философской дисциплины, предметом которой является познание и знание. Ответы на данные вопросы также влияют на развитие философии науки, а также на методы исследования историков науки (например, известный конфликт в отечественной философии между презентистами и антикваристами²¹⁷).

В трудах создателей классических систем теории познания (в частности, рассмотренных нами Канта и Хьюэлла, однако к таковым можно отнести и ряд других мыслителей, от Лейбница и Юма до представителей немецкого неокантианства и британского идеализма) роль априорных истин чрезвычайно важна, так как именно они позволяют ответить на «глобальные» философские вопросы, встающие перед каждым исследователем, приступающим к анализу того, что же представляет собой познавательный процесс.

Аналогичную картину, только со знаком минус, можно наблюдать и в работах логических позитивистов: реформируя эпистемологию как философскую дисциплину и сближая ее с естественнонаучным познанием, они стремились понизить эпистемический статус априорных истин, сведя их к инструментам, в то время как роль единственного источника нового знания о мире отводилась опыту. Априорные истины стали прочно ассоциироваться с метафизическим привеском, только мешающим эпистемологии приобрести статус научной дисциплины, от которого необходимо отказаться путем пересмотра понятия *a priori*. Данный тезис впоследствии еще больше радикализовался в рамках натуралистических эпистемологий, где априорные истины вовсе отрицаются, а единственным источником познания, равно как и критерием оценки знания становится опыт (что бы не имелось в виду под опытом).

²¹⁷ Подробнее об этом см.: Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм – две картины прошлого // *Arbor mundi*. 2009. Вып. 15. С. 164-196. Данный конфликт, впрочем, характерен не только для отечественной истории и философии науки.

Это обстоятельство привело к существенному сужению роли *a priori* в эпистемологии. В качестве попытки преодоления узкого истолкования *a priori* можно рассматривать концепцию прагматического *a priori*, предложенную К.И. Льюисом. Пересмотр *a priori* на прагматических основаниях сближает данную концепцию с целями и задачами классических версий априоризма Канта и Хьюэлла, однако отказ от синтетических априорных суждений и сведение априорного к аналитическому не позволяют в полной мере обосновать конструктивный элемент априоризма.

Привлекательность для эпистемолога логического позитивизма, равно как и натуралистически ориентированных эпистемологий, вполне понятна. Достижения естественных наук XX-XXI веков невозможно игнорировать, прогресс же в рамках философских дисциплин менее очевиден. Строгость и экспериментальная доказательность естественнонаучных дисциплин, в отличие от дисциплин гуманитарных и, в частности, философии, позволили им уйти далеко вперед, углубить понимание человеком строения Вселенной как на макро-, так и на микро-уровнях, сделали возможным техническое развитие, которое, в свою очередь, существенно изменило качество жизни. Рассмотрение эпистемологии как продолжения естественнонаучных дисциплин должно, во-первых, исключить из нее невразумительные и догматичные и, к тому же, устаревшие метафизические концепции, тем самым придавая эпистемологическому познанию должную строгость и доказательность, а во-вторых, отказаться от поиска ответов на глобальные философские вопросы о природе человеческого разума или познания либо в силу их принципиальной неразрешимости, либо передав их под юрисдикцию научных дисциплин (от психологии до нейробиологии).

Современные защитники априорных истин не согласны с таким положением дел. На первый взгляд может показаться, что они заняты решением узкоспециальных вопросов, связанных с проблемами обоснования *a priori* на стыке эпистемологии, семантики, логики и математики. Однако это не

соответствует действительности. Сколь бы радикальной или умеренной не была концепция *a priori*, все они объединены в рамках одной программы, целью которой является показать и доказать необходимость сохранения эпистемологии как самостоятельной *философской* дисциплины, а не придатка (хоть и интересного, но, в принципе, ненужного) той или иной естественнонаучной области. Эти цели во многом соответствуют кантовскому проекту, однако для их достижения учитывается более поздняя критика. Однако на вопрос, что же обеспечивает строгость и доказательность эпистемологии как самостоятельной философской и, в то же время, научной дисциплины, сторонники априоризма дают ответ: априорные истины, которые лежат в основе любой рациональной дискуссии, являются условием возможности любого опыта, и поэтому именно они служат критериями реализации познавательного процесса.

Такое положение вещей приводит к двум противостояниям в рамках эпистемологии как прошлого века, так и века сегодняшнего. Во-первых, это противостояние между реалистически и анти-реалистически ориентированными эпистемологиями, которое наиболее остро проявляется в конфликте научного реализма и эпистемологического конструктивизма. Если представители первого направления рассматривают познания с точки зрения его формальных оснований, то в рамках конструктивизма познавательный процесс понимается как особый вид человеческой деятельности, динамичный и подверженный различного рода влияниям (как историческим, так и социальным и культурным). Такое понимание познания, с точки зрения представителей научного реализма, ведет к его релятивизации, когда невозможно четко разграничить научное познание от ненаучного (или даже псевдонаучного). Однако реализм не учитывает прагматических, исторических, социальных и культурных условий фактической реализации познания как в науке, так и в обыденной жизни, и в этом, по мнению конструктивистов, заключается его недостаточность для объяснения познавательного процесса.

Во-вторых, это противостояние натурализма и рационализма в эпистемологии. В рамках натуралистической эпистемологии априоризм рассматривается как устаревшая догматическая теория, навязывающая науке некие нормы и принципы ее функционирования. Отказ от априоризма в данном случае означает свободу научного исследования, причем в естественных науках. Гуманитарные и социальные дисциплины в рамках натуралистического подхода практически не проблематизируются, так как рассматриваются в качестве следствий естественнонаучных дисциплин. В то же время сторонники рационалистически ориентированных подходов в эпистемологии полагают, что натурализм ведет к нормативному релятивизму, так как он лишает как эпистемологию, так и науку априорного элемента познавательного процесса, то есть такого элемента, который и обеспечивает критерии обоснованности научного познания, и более того, делает возможным само познание. Однако несмотря на то, что априорные истины уже нельзя рассматривать как абсолютные и неизменные свойства человеческого разума, данные исследователи пытаются, в некотором смысле, сохранить догму о необходимых и неизменных *принципах познания*. На наш взгляд, такого рода ограничения скорее вредят априоризму, нежели способствуют его продуктивному развитию в рамках современной эпистемологии.

На наш взгляд, недостатком современных эпистемологических теории *a priori* является игнорирование в них прагматического и конструктивного аспектов данного понятия, то есть его внешних функциональных характеристик. Сохранение прагматического и конструктивистского компонента, во-первых, не противоречит основному тезису эпистемологического реализма, что внешний мир познаваем, а во-вторых, позволяет лучше обосновать роль априорных истин в качестве фундаментальных предпосылок познавательного процесса.

«Для научного духа любое знание является ответом на вопрос. Если не задан вопрос, то нет и научного знания. Ничего не происходит само собой. Нет ничего данного. Все – конструкт»²¹⁸.

Аналогичным образом, из принятия рационалистически ориентированной программы эпистемологии, на наш взгляд, не следует, что из определения и обоснования априорных истин нужно исключить прагматический или конструктивный элемент.

Важно отметить, что игнорируемые в эпистемологии функциональные характеристики *a priori* часто становятся предметом рассмотрения в рамках философии науки, хотя сам термин *a priori* часто либо не упоминается вовсе, либо критикуется в духе логического эмпиризма как устаревшая догматическая концепция познания²¹⁹.

§ 2. Понятие *a priori* в системах научного реализма эпистемологического конструктивизма

§ 2.1 Научный реализм и проблема *a priori*

Практически все современные сторонники априоризма поддерживают тот или иной вид научного реализма. Следствия из этого тяготения к реализму налагают ряд требований и на их определение априорных понятий и суждений. Во-первых, это отказ от концепции прагматического *a priori*, так как она может быть легко сводима к концепции исторического *a priori* и, как следствие, релятивизирует данное понятие. Во-вторых, это отказ от конструктивного компонента в познании, на наличие которого указывал уже Кант. Можно сказать,

²¹⁸ Bachelard G. La Formation de l'esprit scientifique. Paris, 2004. P. 16.

²¹⁹ См., напр.: Лакатос И. Против *a prioric*ского и антитеоретического подходов к методологии науки // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008. С. 269-272. Здесь Лакатос под априоризмом понимает примерно то же, что Мориц Шлик понимал под психологизмом. Однако его собственная концепция твердого ядра научных теории вполне может рассматриваться в качестве варианта прагматического *a priori*.

что сторонники априорных истин, возможно, сами того не осознавая, наследуют вместе с кругом касающихся *a priori* проблем, доставшихся им от логических позитивистов, и тяготение к эмпирическому реализму с тем лишь отличием, что метафизические вопросы больше не являются табуированными. Виктор Крафт суммировал «эмпирический реализм» философов Венского кружка следующим образом:

«Быть реальным в эмпирическом смысле означает: быть включенным в пространственно-временную систему intersубъективных установлений. Вопрос о том, является ли эта система лишь мыслительной конструкцией или ей соответствует некая абсолютная реальность, вообще не может быть поставлен»²²⁰. И поэтому «эмпирическая реальность является необходимой гипотезой»²²¹.

В целом такое понимание «реальности» характерно и для современных сторонников научного реализма. Научный реализм является одним из основных подходов в аналитической эпистемологии и философии науки, в то же время, довольно трудно сформулировать его четкое определение, с которым согласились бы как его представители, так и его критики. Практически каждое исследование, посвященное научному реализму, начинается с констатации того факта, что в качестве философско-методологической основы для исследования, научный реализм чрезвычайно многогранен, а потому определить его довольно сложно, и данный вопрос является дискуссионным. Например:

«Дебаты о научном реализме касаются практически всех вопросов философии науки, так как затрагивают саму природу научного знания. Научный реализм – это позитивная эпистемическая установка по отношению к содержанию наших лучших теорий и моделей, рекомендующая верить как обозреваемым, так и необозреваемым аспектам мира, которые описывает наука. Эта

²²⁰ Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М., 2003. С. 193.

²²¹ Там же. С. 194

эпистемическая установка имеет важные метафизические и семантические измерения, и все эти взгляды подвергаются атакам со стороны враждебно настроенных анти-реалистических эпистемологий»²²².

На неоднозначность подходов в рамках научного реализма указывают и отечественные его исследователи, выделяя такие типы реализма как реализм в отношении объектов, реализм в отношении теорий, а также на различия между метафизическим и эпистемологическим реализмом. Уже в первой половине XX века, во многом благодаря дискуссиям, связанным с логическим эмпиризмом и философией науки:

«Реализм стал очень неоднородным философским направлением, поскольку совершенно очевидно, что реалист относительно абстрактных объектов и реалист относительно вещей внешнего мира могут быть непримиримыми противниками»²²³.

В то же время ряд исследователей, как отечественных, так и зарубежных, полагает, что несмотря на все дискуссии, связанные с попытками четко определить, чем же является реализм, можно выделить некоторые положения, с которыми не может не согласиться ни один эпистемолог или философ науки, причисляющий себя к данному движению. В частности, развивая свою позицию конструктивного реализма, В.А. Лекторский, частично разделяя указанный нами выше тезис Крафта, пишет:

«Эта позиция исходит из того, что внешний человеку мир существует независимо от сознания и познания последнего»²²⁴.

Постулирование наличия независимой от познающего субъекта реальности можно считать одним из центральных тезисов научного реализма как особой

²²² Chakravartty A. Scientific Realism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2014 Edition), Edward N. Zalta (ed.). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/scientific-realism/>.

²²³ Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М., 2011. С. 10.

²²⁴ Лекторский В.А. Ответ на дискуссию // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 47.

эпистемологической установки. В то же время нельзя сказать, что сходство различных направлений реализма основывается только и исключительно на данном тезисе. Статос Псиллос предлагает более полную классификацию положений, которые можно рассматривать в качестве базовых для научного реализма:

«Метафизический тезис. Мир обладает определенной и независимой от человеческого сознания структурой.

Семантический тезис. Научные теории необходимо рассматривать с точки зрения их истинностного значения. Каждая из них является описанием своей области как наблюдаемого, так и ненаблюдаемого. Следовательно, они могут быть истинными или ложными. Их термины обладают предполагаемой референцией по отношению к объектам. Если научная теория истинна, то ненаблюдаемые сущности, которые она постулирует, существуют в мире.

Эпистемический тезис. Зрелые и успешно предсказывающие научные теории являются подтвержденными и говорят нам истину о мире. Поэтому, в той или иной степени, постулируемые ими или похожие на таковые сущности существуют в мире»²²⁵.

В рамках первого тезиса научный реализм отделяется от метафизического идеализма по типу идеализма Платона, в рамках которого предполагается наличие некоей идеальной реальности, в которой располагаются идеальные объекты, такие как числа, идеальные геометрические фигуры и т.д.²²⁶. В рамках второго тезиса фиксируется отношение к научным теориям и их связь с материальными объектами реального мира, существование которого предполагается в первом тезисе. И наконец, третий тезис фиксирует познавательную установку по отношению, с одной стороны, к внешнему миру, а с другой – к научным теориям и их содержанию²²⁷.

²²⁵ Psillos S. The present state of the scientific realism debate // British Journal for the Philosophy of Science. 2000. Vol. 51(4). P. 706.

²²⁶ О различии метафизического реализма и реализма в метафизике см.: Tiercelin C. Le ciment des choses. Petit traité de métaphysique scientifique réaliste. Paris, 2011.

²²⁷ Более подробно о типах реализма см.: Psillos S. Scientific Realism: How Science Tracks Truth. London, 1999.

Сложно сделать вывод, действительно ли каждый реалист согласится со всем вышеперечисленным. Поэтому вслед за Яном Хакингом мы полагаем, что реализм – это «скорее подход, чем четко сформулированное учение»²²⁸. Исключает ли реализм, по крайней мере, в том виде, в котором мы его кратко охарактеризовали, включение прагматического и конструктивного элементов познавательного процесса? На наш взгляд, постулирование независимого от познающего субъекта мира, а также того, что научные теории способны его описать, а также обосновать существование в нем ненаблюдаемых объектов, в данном случае не вступает в противоречие как с прагматической, так и с конструктивистской установкой.

В рамках реализма роль априорных истин сводится к проверке согласованности научных теорий как внутри себя, так и друг с другом. Таким образом, удовлетворение априорным принципам (законам логики и математики) здесь выступает в качестве гарантии истинности и обоснованности научных теорий. Однако реализм исключает из поля рассмотрения тот факт, что априорные принципы познания являются тем, что формирует и направляет познавательный процесс. С этой точки зрения конструктивизм, в качестве альтернативы реалистически ориентированной эпистемологии, может сыграть продуктивную роль для современных концепций *a priori*.

§ 2.2 *A priori* в системе эпистемологического конструктивизма

Конструктивизм, как в отечественной, так и в зарубежной эпистемологии, рассматривается как один из наиболее серьезных оппонентов реализму²²⁹. В то же время и среди сторонников конструктивизма (и это роднит их с реалистами) нет единого взгляда на то, что представляет собой конструктивизм в качестве эпистемологической программы.

²²⁸ Хакинг Я. Представление и вмешательство. М., 1998. С. 39.

²²⁹ В данном случае речь идет именно об эпистемологическом конструктивизме, а не о такие его крайних формах как, например, социальный конструктивизм.

«Как же можно в целом определить, что такое конструктивизм? Я буду рассматривать его в первую очередь как направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении или конструировании образов, понятий, рассуждений. Из этого следует, что в рамках философии вообще конструктивизм подчеркивает конструктивность всякой познавательной деятельности. И в этом смысле он выступает как альтернатива любой метафизической онтологии и эпистемологического реализма»²³⁰.

Жесткое противопоставление конструктивизма и реализма, хотя и является популярным в современной эпистемологии, поддерживается далеко не всеми исследователями. Безусловно, основным тезисом конструктивизма является то, что познавательный процесс понимается как специфическая деятельность человека, по конструированию понятий и теорий, с помощью которых он познает окружающую действительность. С другой стороны, понимание познания как деятельности не противоречит тезису о признании независимого внешнего мира, хотя и частично опровергает тезис о том, что научные теории описывают его именно таким, какой он есть.

Исторически конструктивизм связывается с кантовским представлением о познании, в частности, с феноменализмом, в рамках которого познание мира возможно как познание явления, а не как познание вещи-в-себе, то есть таким, каким мир является в независимости от познающего его субъекта:

«Основная идея эпистемологического конструктивизма состоит в том, что “знание что” может быть сведено к “знанию как”: вы знаете нечто о каком-либо предмете в том и только в том случае, если можете построить его. Это идея кантовской философии: мир опыта, т.е. мир предметов и их отношений, предстающих эмпирическому сознанию в качестве реально существующих, на самом деле является конструкцией, продуктом идеальной деятельности

²³⁰ Касавин И.Т. Конструктивизм как идея и направление // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 65.

трансцендентального субъекта, хотя эмпирический индивид не осознает этой деятельности»²³¹.

Конструктивизм, в большей степени, нежели реализм, на наш взгляд, дает возможность для развития новых концепций *a priori*, так как он в большей степени делает акцент на динамичности познавательного процесса, которая предполагает взаимодействие познающего субъекта с окружающим миром. Отправной точкой рассуждения здесь является тезис Канта о том, что познавательный процесс зависит от системы неэмпирических понятий, суждений и принципов, которые являются формой для эмпирического материала. Данные принципы можно рассматривать в качестве предпосылок познавательного процесса, которые, в свою очередь, делают познание возможным.

«Именно в гносеологии Канта, в его специфической концепции априоризма, в его идее априорного синтеза сформировалось представление о предзаданных познавательной деятельности системе предпосылок и “краевых условий”, выступающих, говоря современным языком, порождающими механизмами научного знания, выделение которых в методологической рефлексии вычерчивает некую особую реальность предшествующих наличному знанию неявных установок сознания, обуславливающих формирование этого знания»²³².

Именно в рамках конструктивизма, после значительного перерыва, обращается внимание на конструктивный элемент кантовской философии, игнорируемый как в логическом эмпиризме, так и в современной аналитической эпистемологии. Указывая на конструктивный элемент *a priori* в рамках кантовской системы, В.С. Швырев справедливо отмечает, что именно он является важной составляющей для развития альтернативных логическому эмпиризму концепций *a priori*:

²³¹ Лекторский В.А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 32.

²³² Швырев В.С. Идея предпосылочности научного знания и современный конструктивизм // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 44.

«И действительно, дальнейшее развитие посткантовской методологической мысли привело в западной философии науки XX в. к концепции функционального или прагматического *a priori*. [...] Априорность, таким образом, теряет свой первоначальный гносеологический смысл независимости от опыта и становится лишь обозначением исходных принципов системы знания»²³³.

Действительно, именно а. Пап и К.И. Льюис настаивали на необходимости конструктивного элемента априоризма. В то же время нельзя согласиться со вторым утверждением приведенной цитаты. Как раз независимость от конкретного эмпирического опыта в рамках как прагматической, так и функциональной концепции *a priori*, сохраняла автономию априорных принципов познания. Такая автономия выражается в том, что для пересмотра и изменения априорных принципов недостаточно одних эмпирических данных. Априорные принципы познания могут изменяться на прагматических основаниях, однако это происходит не потому, что им противоречат данные того или иного эксперимента. Напротив, сам результат того или иного эксперимента зависит от того, какими априорными принципами руководствуется исследователь.

Понимание человеческого познания как динамичной и изменяющейся деятельности, в свою очередь, не позволяет принять классический кантовский априоризм потому, что в его рамках априорные формы и принципы не могут быть изменены и скорректированы. Такому типу априоризма противопоставляется более умеренный априоризм, в рамках которого принципы познания могут быть изменены:

«Исходные функционально априорные основоположения науки должны истолковываться, тем самым, как некие устойчивые образования, обеспечивающие конструктивную деятельность по формированию и совершенствованию научных знаний в контуре закрытой рациональности; но в то же время при определенных условиях подверженные изменению и пересмотру в духе «открытой рациональности, что призвано препятствовать их догматизации,

²³³ Там же. С. 48-49.

вырождению “закрытой рациональности” в догматическую псевдорациональность»²³⁴.

Привнесение конструктивного и прагматического элементов в априоризм, таким образом, помогает избежать догматизма, в котором обвиняли Канта логические эмпиристы²³⁵. В то же время, такой теоретический ход, с точки зрения сторонников реализма, ведет к релятивизации научного познания.

На наш взгляд, это не совсем так. Привнесение конструктивного и прагматического элемента в теоретическое рассмотрение познавательного процесса не тождественно ни историческому, ни социальному или культурному редукционизму. Скорее напротив, признавая такого рода элементы в познавательном процессе, он позволяет отделить их от непосредственных результатов научной деятельности, то есть, от содержания научных теорий. *A priori*, рассматриваемое с конструктивной и прагматической точки зрения, позволяет выявить те установки и принципы, которыми пользуется исследователь в процессе познания, и которые для него являются нормативными элементами того или иного исследования. Это подводит нас к вопросу об эпистемической нормативности и роли в ней *a priori*, то есть к противоречию между рационализмом и натурализмом в эпистемологии.

§ 2.3 Предварительные выводы

Формальный подход к *a priori* в рамках реалистически ориентированных эпистемологий, на наш взгляд, ведет к догматизму (к тому же, сомнительно обоснованному) внутренним свойствам *a priori*. В то же время, рассмотрение *a priori* в конструктивизме обращает внимание на его внешние, функциональные характеристики. Благодаря этому в рамках эпистемологического конструктивизма возможно, во-первых, сохранение конструктивного элемента априоризма, на

²³⁴ Там же. С. 50.

²³⁵ В то же время стоит отметить, что логический эмпиризм как вид позитивизма так же может рассматриваться в качестве конструктивистского направления в философии науки. См.: Le Moigne J.-L. Les épistémologies constructivistes. Paris, 2007.

котором основываются классические версии *a priori*, а во-вторых, привлечение прагматического критерия для обоснования априорности.

Страх перед релятивизмом, характерный для сторонников научного реализма, заставляет их отказаться от прагматического элемента априорности. Однако на наш взгляд, корректировка априорных принципов на прагматических основаниях вовсе не означает отказа от рациональности. Как заметил К. Поппер:

«Прагматическая вера в научные результаты не иррациональна, потому что нет ничего более “рационального”, чем метод критического обсуждения, который есть метод науки. И хотя было бы иррационально принимать все выводы науки как безусловные, нет ничего “лучшего”, когда дело доходит до практических действий: нет другого метода, который можно было бы назвать более рациональным»²³⁶.

§ 3. Натурализм, рационализм и проблема норм в познавательном процессе

§3.1 Рационалистический тезис

Рациональное рассуждение, как правило, рассматривается в качестве нормативного предприятия в том смысле, что оно управляется нормами определенного типа, а именно эпистемическими нормами. Данные нормы задают допустимые пределы корректного рассуждения, позволяют отделить рациональное верование от иррационального, выявить рамки возможной научной дискуссии в той или иной области и так далее²³⁷. Стоит отметить, что признание в том или ином виде эпистемических норм является не только чертой рационалистически ориентированных философских течений (например, умеренного рационализма), но и натуралистических эпистемологий, с той лишь

²³⁶ Поппер К. Объективное знание: Эволюционный подход. М., 2009. С. 36.

²³⁷ См., напр. Bonjour L. In *Defense of Pure Reason: a rationalist account of a priori justification*. Cambridge, 1998; Engel P. Epistemic norms. 2009. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.unige.ch/lettres/philo/enseignants/pe/Engel%202009%20Epistemic%20norms%20-%20draft.pdf>; Engel P. Epistemic norms and rationality. // Strawinski W. (ed.) *Festschrift for Jacek Jadacki*. 2007. P. 359-374; Engel P. Analytic philosophy and cognitive norms. // *The Monist*. Vol. 82, 2, April 1999. P. 218-234.

разницей, что в рамках натурализма отрицается априорный характер данных норм.

Таким образом, эпистемические нормы (в случае их существования) являются, наравне со знанием и обоснованием, важным элементом познавательного процесса. Тем не менее, вопрос о природе и характеристиках данных норм, представляет собой нетривиальную философскую задачу. Проблемы, возникающие при попытке дать исчерпывающее определение эпистемической нормативности, заставляют ряд исследователей либо вовсе отказаться от использования данного понятия, либо придерживаться более слабых определений нормативности²³⁸. Решения данной проблемы предлагались представителями как рационалистических, так и натуралистических эпистемологических течений. В качестве основной предпосылки рассуждения здесь выступает тезис, что вне зависимости от области исследования, любой познающий субъект заинтересован в том, чтобы его рассуждение было корректным (то есть, по сути, рациональным), что подразумевает, в той или иной форме, нормативный характер познавательного процесса.

Представители рационалистически ориентированных эпистемологий полагают, что для того, чтобы избежать нормативного релятивизма, присущего натуралистическим концепциям, нормы и принципы познавательного процесса должны быть априорными, то есть не зависеть от изменчивого эмпирического опыта, носить необходимый (в эпистемологическом смысле) и универсальный характер. В рамках натуралистически ориентированных эпистемологий, в случае признания нормативного элемента в познавательном процессе, характерно выявление гипотетических норм, которые могут быть основаны на психологических особенностях познающего субъекта, представлять собой набор конвенций, допустимых при данных обстоятельствах, либо выводиться из самой

²³⁸ См., напр.: Knowles J. Naturalised Epistemology without Norms // Croatian Journal of Philosophy. 2002. Vol. II, No. 6. P. 281-295.

практики рассуждения или научного исследования. Однако в любом случае, это гипотетические нормы.

Сторонники рационалистических эпистемологий настаивают на том, что нормы познавательного процесса должны быть независимыми от его содержания, только в этом случае они могут стать универсальными критериями как познания, так и оценки его результатов.

§ 3.2 Проблемы эпистемологической нормативности

На наш взгляд, отказ от эпистемической нормативности, вызванный сложностью четкого определения того, что представляют собой эпистемические нормы, является преждевременным, так как среди существующих концепций эпистемической нормативности можно выделить несколько последовательных и непротиворечивых теорий, которые, если и не дают исчерпывающего определения эпистемических норм, по меньшей мере демонстрируют принцип их действия. Примером такого рода теории может служить концепция эпистемической нормативности, предложенная Джоном Поллоком²³⁹. Концепция Поллока интересна, прежде всего, тем, что он (как и представители эпистемологического конструктивизма), рассматривает рассуждение как специфическую деятельность, а эпистемические нормы как правила ее функционирования.

Так или иначе, все теории эпистемической нормативности затрагивают следующий ряд вопросов:

(1) *К чему относится нормативность?* Данный вопрос представляет собой один из самых сложных вопросов в рамках дискуссии об эпистемических нормах. Является ли нормативность свойством ментальных состояний познающего субъекта, выражающемся в их согласованности друг с другом? Или она относится

²³⁹ Pollock J.L. Epistemic Norms // Synthese. 1987. № 71(1). P. 61-95. Несмотря на то, что Поллок характеризует свою эпистемологическую позицию (в широком смысле) как натурализм, мы полагаем, что она может быть продуктивной при сочетании с эпистемологическим конструктивизмом для защиты тезиса об априорном характере норм познавательного процесса.

к значению понятий и является внешней по отношению к познающему субъекту? С точки зрения сторонников априоризма, априорные принципы познания должны представлять собой единые принципы для всех без исключения рациональных существ, так как именно они, по сути, лежат в основе рациональной коммуникации.

(2) *Существует ли отличие между эпистемическими нормами и другими типами норм (например, этическими), и если существует, то в чем оно выражается?* Проблема выявления специфики эпистемических норм, регулирующих познавательный процесс, от других типов норм представляет собой важный предмет дискуссий. Если этические нормы регулируют наше поведение, то есть действия, предполагают их оценку с точки зрения таких категорий как хорошо / плохо, разрешено / запрещено, то применимы ли такого рода критерии к познанию и рассуждению?

«Наиболее проблематично приписывание нормативности к другому типу понятий: семантическим отношениям, таким как смысл и референция, логическим отношениям, таким как импликация и следование, к познавательным актам, таким как утверждение, предположение, выдвижение гипотезы или воздержание от суждения и так далее»²⁴⁰.

Камнем преткновения в данном случае становится вопрос о том, является ли рассуждение действием. Конечно, сложно отрицать некоторую общность между этическими и эпистемическими нормами, хотя бы в том смысле, что все они, так или иначе, выполняют регулирующую функцию. Однако если в рамках этической нормативности оценка действий основывается на таких категориях как хорошо/плохо, то в рамках познавательного процесса и рассуждения используются уже иные критерии (разрешено/запрещено, корректно/некорректно, рационально/нерационально) и так далее, из чего можно сделать вывод, что

²⁴⁰ Engel P. Epistemic norms. 2009 Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://www.unige.ch/lettres/philo/enseignants/pe/Engel%202009%20Epistemic%20norms%20-%20draft.pdf>

эпистемическая нормативность представляет собой особый вид нормативности и не может быть сведена к этике.

(3) *Возможно ли эксплицитно выразить (составить более или менее полный список или перечень) эпистемических норм?* В качестве примеров эпистемических норм часто приводятся базовые логические законы. Например, что для субъекта невозможно верить, что одновременно p и не- p , или необходимо верить, что q , при условии что оно следует из p и p имеет место. Такого рода примеры могут дополняться и эмпирическими рассуждениями, основанными на наблюдении, в частности: мое верование, что лист бумаги передо мной белого цвета, основан на том, что я вижу данный лист бумаги, у меня нет нарушений зрения, освещение в комнате достаточное, чтобы судить о цвете данного листа бумаги и так далее. Однако если эпистемическая норма относится к содержанию верования (как во втором случае), а не только к его форме, то такого рода список примеров можно продолжать до бесконечности, более того, он был бы подвержен постоянной корректировке.

§ 3.3 Эпистемические нормы: классическая концепция

Концепция эпистемических норм, предложенная Поллоком в статье с одноименным названием, затрагивает все указанные вопросы, а также представляет собой попытку дать определение эпистемической нормативности на натуралистических основаниях. Сильной стороной натуралистической концепции эпистемических норм является тот факт, что она избегает затруднений, связанных с круговым определением нормы, а также уходом в дурную бесконечность, вызванным необходимостью обосновывать один набор норм за счет другого набора и так далее²⁴¹. Кроме того, такая концепция избегает и догматизма по отношению к нормам, то есть учитывает возможность их изменения и корректировки. Поэтому предложенное Поллоком определение эпистемических

²⁴¹ Подробнее о данных затруднениях, а также о парадоксе следования норме / правилу см.: Boghossian P. Epistemic Rules // Journal of Philosophy. 2008. Vol. 105 (9). P. 472-500.

норм как таких норм, «которые описывают, является ли эпистемически разрешенным придерживаться определенного набора верований»²⁴² в целом разделяется не только представителями натуралистического направления в эпистемологии, но и их оппонентами из представителей рационалистических направлений, полагающих, что данные нормы носят априорный характер. Сильной стороной данной концепции является то, что она может быть адаптирована как к рационалистически, так и к натуралистически ориентированным эпистемологиям.

Поллок, хотя и с некоторыми оговорками, предлагает рассматривать процесс рассуждения как определенного рода действие:

«Рассуждение не является, строго говоря, действием, но это нечто, что мы делаем, и мы делаем это посредством других, более простых действий»²⁴³.

Рассуждение представляет собой действие, так как состоит из, либо опирается на такие действия как наблюдение (равно как и другие виды чувственного восприятия), дедуктивный или индуктивный вывод и так далее. При этом рассуждение обладает еще одной важной характеристикой, а именно, рассуждению (и как частный случай, рациональному рассуждению) можно научиться. То есть нормативность является не свойством понятий или значений терминов, а свойством ментальных состояний познающего субъекта, выражающемся в их согласованности между собой для данного субъекта, даже в том случае, если сам субъект не может эксплицитно выразить данную согласованность. Описывая процесс рассуждения, Поллок использует метафору езды на велосипеде: это определенное умение, состоящее из сложно

²⁴² Pollock J.L. Epistemic Norms // Op. cit. P. 61

²⁴³ Pollock J.L. Epistemic norms // Op. cit. P. 75.

поддающегося подсчету и выражению набора действий, которые, тем не менее, подчиняются определенному набору правил, или норм²⁴⁴:

«Рассуждение скорее походит на езду на велосипеде, чем на службу в военно-морском флоте»²⁴⁵.

В отличие от военной службы, где принятие решений основывается на четко прописанных инструкциях, как в случае езды на велосипеде, так и в случае рассуждения, невозможно обратиться к конкретному перечню норм или правил, обращение к которому гарантирует успешный результат действия (в данном случае, корректное рассуждение, знание и так далее). Более того, данный перечень невозможно составить в силу постоянной корректировки эпистемических норм непосредственно в процессе рассуждения. Например, в сумерках восприятие цветов искажается, и зная об этом, мы можем воздержаться от суждения о цвете какого-либо объекта, в то время как при нормальном освещении данное суждение не вызвало бы никаких затруднений.

Из данного обстоятельства Поллок делает вывод, что эпистемические нормы в принципе не нуждаются в эксплицитной формулировке, так как, с одной стороны, этого не требует их применение на практике, а с другой – это привело бы к составлению бесконечного и постоянно корректируемого списка различных по своему содержанию норм. Таким образом,

«нормы могут управлять вашим поведением без вашего ведома об этом»²⁴⁶ и далее: «это интернализированные нормы, которые мы автоматически используем в процессе рассуждения»²⁴⁷.

²⁴⁴ Словосочетания «эпистемическая норма» и «эпистемическое правило» часто используются как синонимичные. Тем не менее, ряд исследователей данного вопроса проводят между ними различия. Так например, Пол Богосян указывает на тот факт, что если правило всегда представляет собой императив, выраженный в форме «Делай А!», то норма представляет собой высказывание иного типа: «Если имеются обстоятельства С, то нужно сделать А». В случае с эпистемическими нормами на месте действия подставляется «рационально полагать» или «позволено полагать» и так далее. Однако, согласно Богосяну, любой императив можно переформулировать в гипотетическое выражение нормативного типа. Поэтому мы полагаем, что существенного различия между данными словосочетаниями нет. (См. Boghossian P. Epistemic Rules // Op. cit.)

²⁴⁵ Pollock J.L. Epistemic norms // Op. cit. P. 67.

²⁴⁶ Ibid. P. 66.

То есть рассуждение, согласно Поллоку, строится на основании индивидуально усвоенных норм, которые сопровождают любой процесс рассуждения, то есть представляют его непосредственную основу и условия возможности у отдельно взятого мыслящего субъекта. Однако такого рода определение эпистемических норм ведет к парадоксу, на который обращает внимание сам Поллок:

«какими бы ни были наши эпистемические нормы – это правильные эпистемические нормы»²⁴⁸.

На первый взгляд такого рода вывод представляется контринтуитивным. В данном случае становится теоретически невозможным «нормативный конфликт», или столкновение различных эпистемических норм, что, казалось бы, является неизбежным, когда речь идет не только об исследовании или научном поиске, но и об обыденном повседневном рассуждении. Кроме того, проponentы теории эпистемической нормативности в большинстве своем руководствуются целью именно выявления и определения «правильных» норм, гарантирующих получение знания и корректного, рационального рассуждения:

«мы основываемся на некотором наборе эпистемических правил, которые в некотором общем смысле указывают нам на то, во что рациональнее всего верить в различных эпистемических обстоятельствах. Мы размышляем о том, во что верить; и мы делаем это, полагаясь на некий набор правил»²⁴⁹.

То есть, помимо «внутренней» цели, то есть обоснования процесса рассуждения, эпистемические нормы имеют и «внешнюю» цель: получение знания, направление рассуждения таким образом, чтобы оно приводило к истине,

²⁴⁷ Ibid. P. 68. Здесь важно отметить, что как последовательный представитель натуралистического направления в эпистемологии, Поллок полагает, что вопрос о непосредственном функционировании эпистемических норм может и должен рассматриваться скорее в рамках психологии (например, в лабораторных условиях), нежели в рамках философских дисциплин.

²⁴⁸ Ibid. P. 74.

²⁴⁹ Boghossian P. Epistemic Rules // Op: cit. P. 472.

а не закрепляло набор заблуждений²⁵⁰. И если концепция эпистемических норм Поллока справляется с первой задачей (согласование ментальных состояний рассуждающего субъекта), то для решения второй задачи требуется введение дополнительных средств. В отличие от непосредственного функционирования эпистемических норм, изучение которого отводится психологии, для внешней оценки правильности или допустимости рассуждения Поллок предлагает обратиться уже к эпистемологии, а точнее к анализу понятий, в рамках которого за ними закрепляются конкретные значения²⁵¹. При этом, несмотря на натуралистическую направленность своей концепции эпистемической нормативности, Поллок не отрицает наличия и априорных эпистемических норм:

«У нас нет хороших теорий априорного знания за исключением того факта, что у нас не вызывает трудности отделение обоснованных верований от необоснованных, когда мы занимаемся математикой или логикой»²⁵².

На наш взгляд, противоречие Поллока, заключающееся в том, что в рамках его концепции нормативности любое внутренне согласованное сочетание познавательных принципов или норм является правильным, разрешается посредством прагматического элементов познавательного процесса, и в то же время, не исключает априорного характера познавательных принципов.

В качестве примера конфликта норм в связи с прагматическими требованиями можно привести известную шутку, которая формулируется следующим образом: «Сколько будет два плюс два умножить на два?» Данный

²⁵⁰ Подробнее об этом см.: Wedgwood R. The *A priori* Rules of Rationality // Philosophy and Phenomenological Research. 1999. Vol. 59, No. 1. P. 113-131. В данной статье Веджвуд предлагает концепцию эпистемической нормативности, в рамках которой осуществляется попытка согласования интерналистского и экстерналистского взгляда на природу норм. Кроме того, он предлагает разделить нормы на базовые (или априорные, необходимые, универсальные и не зависящие от опыта, а потому неизменные) и вторичные нормы, подлежащие постоянной корректировке. При этом нормы первого типа Веджвуд основывает на классическом кантовском определении априорности.

²⁵¹ Аналогичный ход, но уже для обоснования возможности априорных понятий использует Кристофер Пикок. См.: Peacock Ch. Explaining the *A priori*: The Programme of Moderate Rationalism // Boghossian P., Peacock Ch. (ed.) New Essays on the *A priori*. Oxford, N.-Y., 2002. P. 255-285.

²⁵² Pollock J.L. Epistemic norms // Op. cit. P. 90.

вопрос не подразумевает использование никаких математических операторов (скобок), кроме знаков сложения, умножения и равенства, поэтому записать его можно следующим образом: $2 + 2 * 2 = ?$

Согласно математическим правилам, первым действием в данном случае является умножение, поэтому при такого рода записи правильным ответом является 6. Тем не менее, порядок операций, фиксируемый в устном вопросе, при подсчете, например, на калькуляторе, даст ответ 8. Данный ответ математически неверен, что и представляет собой предмет шутки.

Однако несложно привести пример, в котором рассуждение, игнорирующее математические правила, будет корректным, так как математический расчет осуществляется с другой целью. Допустим, что заведующему хозяйственной частью института поступила просьба о выдаче двух ручек и двух карандашей для двух сотрудников. Итоговое число предметов, подлежащих выдаче, в данном случае будет равняться восьми, а не шести. Таким образом, данное рассуждение будет корректным с практической точки зрения, несмотря на нарушение математических правил.

В первом варианте ответа мы имеем дело с математическими (априорными) нормами, во втором – с нормами практическими. Взятые по отдельности данные рассуждения являются корректными, несмотря на то, что приводят к различным результатам. Мы можем доказать, что с точки зрения применения математических правил второе рассуждение будет некорректным. Точно также мы можем продемонстрировать, что при применении математических правил для решения практической ситуации, мы можем не достичь желаемого результата. Тем не менее, мы можем определить, в каких ситуациях разрешено и корректно использовать рассуждения, построенные по первому типу, а в каких ситуациях – по второму, то есть, по сути, когда мы должны применять один или другой набор эпистемических норм.

Таким образом, привнесение прагматического элемента в понятие априорных норм рассуждения может привести к корректировке данных норм на практике, однако это не ведет к изменению логических законов или математических правил. Если натурализм ставит нормативные принципы познания в зависимость от эмпирического контекста того или иного исследования, а рационализм, напротив, пытается ограничить априорный элемент в познании от какого бы то ни было эмпирического контекста, то прагматизм является той теорией, в рамках которой намечается попытка согласования рационального и эмпирического в познавательном процессе.

§ 3.4 Предварительные выводы

Противоречие, к которому пришел Поллок в рамках своей концепции эпистемических норм сохраняется при принятии натуралистически ориентированных эпистемологий. В то же время, если данную концепцию пересмотреть с точки зрения априорного характера нормативности, который, в свою очередь, основывается на прагматическом интересе исследователя, то данного противоречия частично удастся избежать. При этом, в рамках непосредственно эпистемологии, а не психологии. Прагматический интерес может рассматриваться в качестве того общего основания, в отношении которого индивидуально сформулированные нормы познавательного процесса приобретают интерсубъективный характер и перестают быть сугубо индивидуальными. Но даже в этом случае их полный и эксплицитный перечень (даже если он и возможен) не требуется, в то же время теоретически каждая норма в рамках того или иного исследования, может быть выявлена и подвергнута критическому рассмотрению.

§ 4. Априорные предпосылки познания и конструктивный априоризм: природа априорных предпосылок познания

Что представляет собой конструктивный подход к проблеме *a priori*? В главах 1 и 2 мы рассматривали различные подходы к определению и обоснованию *a priori*. В настоящей главе мы попытались показать, каким образом различные концепции *a priori* вписываются в два эпистемологических противостояния, первое из которых – противостояние реализма и конструктивизма, а второе – натурализма и рационализма.

Важный момент, который мы заимствуем из классических теорий априоризма, это его роль в познавательном процессе, то есть, внешние функциональные характеристики *a priori*. Априорные принципы, понятия и суждения являются условиями возможности опыта, и как следствие, условиями возможности познавательного процесса.

В то же время, вслед за Артуром Папом, ранним Гансом Рейхенбахом и рядом других исследователей, мы отказываемся от сведения априорности к аналитичности. Этот подход также можно рассматривать в качестве определенного возврата к классическим концепциям *a priori*. Если в рамках логического эмпиризма априорные синтетические суждения представляли собой логическое противоречие (а такой взгляд на *a priori* сохраняется и в современных дискуссиях), то мы полагаем, что для априоризма вовсе необязательно разделение всех суждений на аналитические и синтетические, при котором априорность может закрепляться только за одним из типов суждений.

Однако несмотря на то, что в логическом эмпиризме понятие *a priori* рассматривается крайне узко, исходная интенция представителей данного направления эпистемологии, в целом, верна.

«Научное миропонимание не знает никакого безусловно истинного познания из чистого разума, никаких “синтетических

априорных суждений”, на которых основана кантовская теория познания и тем более вся до- и послекантовская онтология и метафизика. Суждения арифметики, геометрии, определенные основоположения физики, которые Кант рассматривает в качестве примеров априорного познания, получают в этом случае свое объяснение. Именно в отказе от возможности синтетического познания *a priori* и заключается основополагающий тезис современного эмпиризма. Научное миропонимание знает лишь предложения опыта о всевозможных предметах и аналитические предложения логики и математики»²⁵³.

Общее недоверие к эпистемологии как самостоятельной философской дисциплины, основанной на априорных рассуждениях, заставило представителей логического эмпиризма отказаться от основного конструктивного (и вместе с тем, продуктивного) компонента кантовского априоризма – синтетических суждений *a priori*. Можно сказать, что такая позиция – это последовательный эмпиризм, Куайн бы назвал ее первым шагом к натурализованной эпистемологии, современные представители рационалистически ориентированных эпистемологий, типа Лоуренса БонЖура, охарактеризовали бы как конец рационального рассуждения. Однако как заметил Уилфрид Селларс:

«Если сердце исследователя бьется вместе с рационалистами, то он скажет “Существуют синтетические *a priori*” и примет соответствующее терминологическое решение»²⁵⁴.

На наш взгляд, разделение на аналитические и синтетические суждения, лежащее в основе кантовского проекта, в современной эпистемологии теряет свою актуальность, и даже более того, вносит дополнительные затруднения, связанные с обоснованием аналитичности того или иного высказывания. Поэтому мы полагаем, что для обоснования априорности гораздо продуктивнее будет использовать прагматический критерий, нежели исключительно формальный.

²⁵³ Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М., 2007. С. 62–63.

²⁵⁴ Sellars W. Is There a Synthetic *A priori*? // Philosophy of Science. 1953. Vol. 20, №. 2. P. 138.

В своей теории фундаментальной антитезы философии Хьюэлл наглядно продемонстрировал, каким образом априоризм может быть использован для анализа научного познания. Он был одним из первых исследователей, осуществивших непосредственный анализ научного познания на основании априорных принципов. Классики философии науки XX века разделяли мнение, что любое научное исследование всегда основывается на неких принципах, которые явно или неявно принимают исследователи еще до того, как приступить к исследованию.

«Едва ли любое эффективное исследование может быть начато прежде, чем научное сообщество решит, что располагает обоснованными ответами на вопросы, подобные следующим: каковы фундаментальные сущности, из которых состоит универсум? Как они взаимодействуют друг с другом и с органами чувств? Какие вопросы ученый имеет право ставить в отношении таких сущностей и какие методы могут быть использованы для их решения?»²⁵⁵.

Аналогичных взглядов придерживался и критик логического эмпиризма Карл Поппер, полагая, что любое исследование невозможно без изначального принятия в качестве аксиом некоторого набора принципов, утверждений или фактов, которые не обязательно должны сводиться к эмпирическим данным.

«Во время обсуждения некоторой проблемы мы всегда (хотя бы временно) принимаем в качестве *непроблематичных* различного рода вещи: для данного времени и для обсуждения определенной частной проблемы они образуют то, что я называю нашим *исходным знанием*»²⁵⁶.

Мы полагаем, что такого рода непроблематичные основания, с которых начинается научное исследование, можно рассматривать в качестве априорных предпосылок познавательного процесса. Однако такого рода принципы не обязательно должны быть вечными и неизменными, они могут изменяться и корректироваться. Отказ от абсолютных априорных принципов познания не

²⁵⁵ Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 27.

²⁵⁶ Поппер К.Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., 2008. С. 397.

означает отказ от каких бы то ни было априорных принципов вообще. А корректировка данных принципов не означает, что они непременно должны противоречить опыту. В конце концов, геометрия Римана появилась отнюдь не потому, что некий *эмпирический* опыт противоречил геометрии Евклида.

Если мы стоим на позициях эмпиризма, то мы можем сказать, что данные принципы являются обобщением имеющегося эмпирического опыта, и нам не нужно рассматривать их в качестве именно априорных предпосылок научного познания. Однако сторонники рационализма в эпистемологии возразили бы на это, что сами по себе эмпирические данные, хотя и могут служить подтверждением той или иной теории, не могут стать конечной точкой ее обоснования. Неэмпирический элемент присутствует в познании, и более того, именно он, а не опыт, играет в нем продуктивную, и одновременно оценочную роль.

«У нас не может быть сомнений в том, что в истории науки “метафизические модели” играли важную роль при построении научных теорий и в научных спорах по поводу альтернативных теорий. Достаточно сослаться на понятия *материи, движения, силы, поля, элементарной частицы* и на концептуальные структуры *атомизма, механицизма, прерывности и непрерывности, эволюции и скачка, целого и части, неизменности в изменении, пространства, времени, причинности*, которые первоначально имели “метафизическую” природу и оказали громадное влияние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия»²⁵⁷.

Независимость от опыта как одна из базовых характеристик *a priori* в данном случае сохраняется. Однако это будет уже не независимость от опыта вообще, а независимость от данного конкретного опыта. Это обстоятельство

²⁵⁷ Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 63. Аналогичной позиции в конце XIX – начале XX веков придерживался Эмиль Мейерсон. Он утверждал как продуктивность метафизических построений для ученого, так и принципиальную невозможность избежать каких бы то ни было метафизических предпосылок: Meyerson Й. De l'analyse des produites de la pens e // Meyerson Й. Essais. Paris, 2008. P. 123-168. Однако антиметафизический тренд в эпистемологии и философии науки того времени привел к тому, что о его концепциях практически забыли. В последнее время происходит переоткрытие идей Мейерсона в современной эпистемологии.

является условием и для таких характеристик априорности как необходимость и универсальность, то есть, внутренних характеристик *a priori*.

В то же время, в качестве основания для необходимости и универсальности априорных понятий и суждений мы предлагаем рассматривать прагматический интерес, которым руководствуются как отдельные исследователи, так и научное сообщество в целом.

Можно ли дать исчерпывающий список всех априорных предпосылок познания? Иммануил Кант ответил бы на этот вопрос утвердительно, перечислив априорные формы чувственности, рассудка и разума. Все остальные априорные понятия и положения, так или иначе, могут быть сведены к ним. В XX веке такое понимание априорных истин ассоциируется с идеей о принципиальной завершенности познавательного процесса: все новое знание получается путем сведения нового опыта к опыту уже полученному, либо к тем самым априорным принципам, которые являются условием возможности познания.

Однако здесь возникает вопрос: возможно ли используя одни и те же познавательные инструменты (начиная от априорных форм и заканчивая естественнонаучными теориями), получить принципиально новое знание? Логика Аристотеля, механистическая физика Ньютона, евклидова геометрия, еще полтора века назад многим казавшиеся незыблемыми, потеряли свой статус единственных теорий, объясняющих внешний мир и определяющих нормы рассуждения. Значит, познавательный инструментарий тоже изменяется, поэтому не имеет смысла говорить об абсолютных и неизменных априорных истинах.

Тем не менее, на наш взгляд, можно выделить ряд свойств априорных истин, характерных как для познания вообще, так и для естественнонаучного и гуманитарного познания. Во-первых, будучи условиями возможности любого опыта, а также ведения рациональной дискуссии, априорные истины чувствительны к историческому и культурному контексту эпохи, в которой

находится познающий субъект²⁵⁸. Если в Античной Греции рассуждения об атомах носили априорный характер в том смысле, что их существование не было зафиксировано эмпирически (пусть даже косвенно), то уже в XX веке их можно рассматривать в качестве эмпирических высказываний. В одной из своих работ, посвященной проблемам связи философии и естественнонаучного знания, Кант обосновывал возможность теплорода как научной теории. Последующее развитие научной мысли показало, что данная теория была ошибочной. И тем не менее, несмотря на ее ошибочность, она была возможна.

Во-вторых, они зависят от контекста конкретного исследования, если угодно, прагматического контекста. Здесь речь идет не о том, что априорные предпосылки того или иного исследования могут быть выявлены и сформулированы посредством эмпирического опыта, как это часто бывает на практике. Они определяются целями и задачами самого исследования и выбираются исследователем произвольно в том смысле, что не опираются непосредственно на эмпирические данные. Для построения чертежа дома инженер будет использовать аксиомы и теоремы евклидовой геометрии, но для решения сугубо математических или физических задач (например, в космологии) можно использовать и другие геометрии²⁵⁹. В этом отношении априорные истины не являются полностью зависимыми от исторического контекста. Смена научных парадигм и отказ от тех или иных теорий происходит не сама собой и не вследствие появления нового опыта, а благодаря возможности изменить предпосылки исследования.

²⁵⁸ Идея о том, что классификация того или иного суждения как аналитического (априорного) или синтетического (эмпирического) зависит от исторического контекста не нова. М. Феррарис в качестве ее первого создателя называет Адольфа Тренделенбурга («Логические исследования», 1840). В качестве более современного примера он приводит следующие утверждения: «Пропозиция типа «курение убивает», которую сегодня можно увидеть на каждой пачке сигарет, может спокойно восприниматься как аналитическая, но по меньшей мере пятьдесят лет назад, когда этой надписи еще не было на каждой сигаретной пачке, она могла рассматриваться скорее как синтетическая». (Ferraris M. Goodbye Kant! Ce qu'il reste aujourd'hui de la Critique de la Raison Pure. Paris – Tel-Aviv, 2009. P. 77.)

²⁵⁹ Стоит отметить, что в рамках кантовской концепции неевклидовы геометрии можно рассматривать как бесплодные фантазии, т.к. они пусты в том смысле, что не подкреплены опытом. Хотя в рамках когнитивной концепции Л. БонЖура можно сказать, что их содержанием является ментальный опыт математика.

Вслед за Кантом мы полагаем, что априорные суждения могут быть синтетическими, то есть расширяющими знание. Кроме того, сведение априорных истин к аналитическим исключает из рассмотрения априорные понятия, приписывая априорный статус только суждениям (или пропозициям).

Все же можно выделить определенные типы априорных предпосылок познания. В основании данной классификации как одной из возможных лежит определение *a priori* как того, что является условием возможности познавательного процесса.

Во-первых, это язык в самом широком смысле. Изучение родного языка становится первым этапом для любого познавательного процесса. Язык позволяет нам описывать и эксплицировать эмпирические впечатления, классифицировать их и впоследствии изучать. Обыденный язык является основой для научной терминологии, делает возможным построение искусственных языков. В то же время он налагает отпечаток на наше видение мира, расширяет (или напротив, сужает) его границы. Язык во многом конструирует наш опыт: окружающий мир может существенно меняться в зависимости от того, на каком языке мы говорим, а не от того, что органы чувств у различных народов устроены иначе.

В гомеровском эпосе, например, цвет моря определялся как «винный», а понятия голубого цвета не существовало, поэтому небо было бесцветным. С принятием новой классификации цветов человеческое зрение на физиологическом уровне не изменилось, однако развитие понятийного аппарата привело к тому, что небо стало голубым, а море синим²⁶⁰. Таким образом, принятие определенной классификации цветов влечет за собой новые классификации оттенков, определения предметов как окрашенных в тот или иной цвет, и такие изменения не связаны с изменением опыта. Просто с изменением концептуального аппарата мы начинаем замечать тот эмпирический опыт, который был нам ранее недоступен в силу невозможности его определения и классификации.

²⁶⁰ Данный пример взят из: Deutscher G. *Through the Language Glass*. New York. 2010.

В то же время вряд ли можно утверждать о полной непереводимости языков: одна метрическая система может быть переведена в другую, также и опыт, описанный на одном языке, может быть сформулирован и при использовании другого языка.

Во-вторых, это культурно исторический контекст эпохи. Античному рабовладельцу вряд ли был бы понятен дискурс о правах человека, равно как и нам представляются дикими обряды традиционных обществ. Идея рационального доказательства вряд ли найдет отклик у религиозного фанатика, а ученый не будет принимать на веру рассказы о привидениях. Такого рода предпосылки можно, вслед за В.С. Степиным, хотя и с некоторыми оговорками, охарактеризовать как «универсалии культуры»:

«...целесообразно говорить о наличии в каждом типе культур специфического для них категориального строя сознания, который соединяет в своем содержании моменты абсолютного, непреходящего (выражающего глубинные инварианты человеческого бытия, его атрибуты) и моменты относительного, исторически изменчивого (выражающего особенности культуры исторически определенного типа общества, присущие ему формы и способы общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, принятую в нем шкалу ценностей)»²⁶¹.

В-третьих, в качестве априорных предпосылок познания выступают научные парадигмы. Евклидова геометрия перестала быть единственной геометрией с появлением геометрий Лобачевского и Римана. Ньютоновская механика перестала быть единственной научной теорией, описывающей физическое строение мира.

В рамках научного познания конкретизировать априорные предпосылки несколько проще. К ним будут относиться базовые законы естественнонаучных дисциплин, например закон сохранения энергии. Их эмпирическое опровержение невозможно, в то же время они сами являются условием возможности нового

²⁶¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 271.

опыта. Если воспользоваться терминологией Имре Лакатоса, то данные предпосылки можно охарактеризовать как «твердое ядро» научного исследования:

«У всех исследовательских программ есть «твердое ядро». Отрицательная эвристика запрещает использовать *modus tollens*, когда речь идет об утверждениях, включенных в “твердое ядро”. Вместо этого мы должны напрягать нашу изобретательность, чтобы прояснить, развивать уже имеющиеся или выдвигать новые «вспомогательные гипотезы», которые образуют *защитный пояс* вокруг этого ядра; *modus tollens* своим острием направляется именно на эти гипотезы»²⁶².

К априорным предпосылкам познания можно также отнести научные классификации, например классификацию цветов спектра или классификацию биологических видов.

Научные понятия и константы также можно рассматривать в качестве априорных предпосылок познания. Отдельно стоит упомянуть принципы методологии научного исследования: наблюдение и эксперимент.

Научные понятия могут изменяться и уточняться (причем не только в естественных, но и в гуманитарных науках). Однако от этого они не перестают быть тем, что обуславливает саму возможность научного познания (и познания в принципе). Если бы такого рода условия возможности научного знания сводились к тавтологиям, то они не справились с такой ролью. В то же время сведение их к обобщениям эмпирического опыта лишило бы их обоснованности. Поэтому мы предлагаем рассматривать данные предпосылки познавательного процесса в качестве конструктивных априорных элементов познавательной деятельности человека.

²⁶² Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 323.

Итак, чтобы рассматриваться в качестве конструктивного *a priori*, то или иное понятие или суждение должно удовлетворять следующим формальным и функциональным признакам: (1) не зависеть от конкретного опыта; (2) определяться в качестве необходимого компонента конкретного исследования или группы исследований; (3) сохранять универсальность для аналогичных исследований; (4) заключать в себе потенциальную возможность описания нового опыта (конструктивный элемент) и (5) сохранять возможность корректировки на прагматических основаниях.

Заключение

Понятие *a priori* является одним из фундаментальных терминов в рамках сначала теории познания в ее классическом виде, а впоследствии и для современной эпистемологии и философии науки. Несмотря на все изменения, дополнения и критику, оно продолжает использоваться современными эпистемологами и философами науки. Настоящее исследование представляет собой попытку внести ясность в споры, проблемы и противоречия, связанные с употреблением данного понятия.

В рамках первой главы были рассмотрены и проанализированы теории классические априоризма Иммануила Канта и Уильяма Хьюэлла. Данные концепции принято рассматривать как абсолютный априоризм, в рамках которого априорные истины полагаются базовой и неизменной частью человеческого познавательного процесса. Концепция *a priori* Канта представляла собой первую систематическую теорию априоризма. Для него *a priori* – это то, что делает возможным опыт, а вместе с тем и познавательный процесс. Эти свойства априорных истин, понятий и суждений мы обозначили как «внешние» свойства *a priori*, которые указывают на его роль и функции в познавательном процессе.

В то же время Кантом, как впоследствии и Хьюэллом уже в философии науки, выделяются «внутренние» свойства *a priori*: такие свойства, благодаря которым *a priori* может выполнять свои внешние задачи. К числу таких свойств относятся независимость от опыта, необходимость и универсальность. Совокупность данных свойств априорных истин делает их неотъемлемой частью познавательного процесса, медиатором между разумом, с одной стороны, и хаосом эмпирических данных – с другой.

Однако рост и развитие естественнонаучных дисциплин в конце XIX – начале XX веков привели к тому, что данные характеристики априорности стали

интерпретироваться как теория неизменного разума, навязанная философами ученым, которая не отображает действительного положения дел в науке. Конструктивный и прагматический элемент априоризма, который присутствовал и в теории Канта, и в теории Хьюэлла, был несправедливо забыт критиками априоризма в начале XX века.

Критикуя синтетическое *a priori*, являющееся основой кантовского априоризма, логические позитивисты отказываются от данного понятия, сводя априорность к аналитичности. Роль априорных истин для теории познания, в данном случае, сужается. Они больше не являются необходимым условием для опыта и познавательного процесса, выполняя скорее инструментальную роль. Связывание (вплоть до взаимозамещения) понятий априорности и аналитичности привело к формированию устойчивой связки аналитичность-необходимость-истинность, которая прослеживается и в современных концепциях *a priori*. Эта связка присутствует и в современной эпистемологии и является следствием формального подхода к рассмотрению *a priori*.

В то же время исключение из априоризма его конструктивного и прагматического элементов, на фоне сведения априорности к аналитичности, привело к критике всех рационалистически ориентированных эпистемологий со стороны сторонников эпистемологического натурализма. Критика Уиллардом Куайном понятия аналитичности, а вместе с тем и априоризма, сформировала направление развития современных интерпретаций понятия *a priori*, представленных семантическим и когнитивным подходами.

В рамках семантического подхода ответ на куайновскую критику предполагает реабилитацию понятия аналитичности посредством обращения к теории значения, разработанной Готлобом Фреге. В рамках когнитивного подхода наблюдается обращение к классическому (или «абсолютному») рационализму, опирающемуся, в первую очередь, не на теорию значения (хотя и на нее тоже), а на возможности человеческого познания, к которым относятся понимание

логических и математических законов, отделение рационального от нерационального и т.д.

В то же время, оба данных направления так же, как и логические позитивисты, игнорируют прагматический и конструктивный аспект *a priori* в познавательном процессе. Тем не менее, эту тенденцию нельзя назвать общей для всех сторонников априоризма. В концепциях прагматического *a priori* Кларенса Ирвинга Льюиса и функционального *a priori* Артура Папа именно эти моменты выходят на первый план. Однако в рамках современной эпистемологии данные подходы к *a priori* исследуются относительно редко. При этом для философии науки в большей степени характерен функциональный подход к априоризму, несмотря на частый отказ от самого понятия *a priori*, вызванный недоверием к абсолютистской интерпретации классического априоризма.

На наш взгляд, это обстоятельство напрямую связано с двумя более масштабными противостояниями, имеющими место в рамках эпистемологии как XX, так и XXI веков. В первую очередь это противостояние между реалистическими и анти-реалистическими (в частности, конструктивистскими) эпистемологиями. Представители как семантического, так и когнитивного подхода к *a priori* придерживаются реалистической модели. Для них добавление к теории *a priori* прагматических и конструктивных его аспектов представляется релятивизацией научного познания, то есть того, чего следует избегать эпистемологу.

Второе важное противостояние – это противостояние между натуралистическими и рационалистическими эпистемологиями. Здесь ситуация несколько изменится. Сторонники натуралистически ориентированных эпистемологий отказываются от априорного элемента в познании, а вместе с ним, по мнению представителей рационалистически ориентированных эпистемологий, от норм познания, которые не зависели бы от постоянно изменяющегося и расширяющегося опыта. Если сторонники натуралистических эпистемологий

обвиняют своих оппонентов в догматизме, навязывании науке неких норм, существование которых еще нужно доказать, то сторонники рационалистического направления упрекают натуралистов в нормативном релятивизме, который, впоследствии, может привести к исчезновению как научного знания, так и принципов рациональной дискуссии.

На наш взгляд, объединение прагматического и конструктивного элементов априоризма и его включение в контекст конструктивистски ориентированных эпистемологий может служить методологической программой для современных эпистемологических исследований. Конструктивный априоризм, в этом отношении, представляет собой попытку снятия противоречий между догматизмом, с одной стороны, и релятивизмом – с другой. Понимание познавательного процесса как специфической деятельности человека, и, в то же время, его нормативности, учет прагматического интереса исследователя в процессе познания, то есть, объединение формального и функционального подходов к рассмотрению *a priori*, на наш взгляд, не исключает наличия в познании априорного элемента, если под ним мы понимаем такие принципы, нормы, понятия и суждения, которые являются условиями возможности опыта, рациональной дискуссии и познания.

Библиография

1. Айер А. Дж. *A priori* // Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М., 2010. С. 102-124.
2. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М., 1991.
3. Башляр Г. Философское отрицание. // Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987.
4. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М., 1978.
5. Веретенников А.А. Кант и Крипке об априорных необходимых истинах // Форум молодых кантоведов. М., 2005. С. 202-206.
6. Гавриленко С.М. Альтернативные стратегии тематизации *A priori* в философии XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2000.
7. Гавриленко С.М. Историческое *apriori* как фигура эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2005. № 2. С. 36–53.
8. Грайс Г.П., Стросон П.Ф. В защиту догмы. // Эпистемология и философия науки. 2012. №2.
9. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. // Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. 185-240.
10. Декарт Р. Мир, или Трактат о свете. // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 179-249.
11. Дмитриев Т.А. Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта. М., 2007.
12. Долгоруков В.В. «В защиту догмы»: Грайс и Стросон против Куайна. Эпистемология и философия науки. 2012. №2. С. 201-205.
13. Дроздова Д.Н. Преломления *a priori* во французской мысли: Эмиль Бутру и Элен Мецжер // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. № 15. С. 42-57.

14. Жучков В.А. Из истории немецкой философии XVIII в.: предклассический период: от Вольфовской школы до раннего Канта. М., 1996.
15. Жучков В.А. К вопросу о предмете и смысле кантовского агностицизма // Материалы VIII Международных Кантовских чтений, посвященных 275-летию Иммануила Канта. Калининград, 1999. С.41-45.
16. Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С. 69-756.
17. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 67-210.
18. Кант И. Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике (1798-1803) // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 6. 1966. С. 589-654.
19. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М., 2007.
20. Карнап Р. Философские основания физики: Введение в философию науки. М., 2008.
21. Карнап Р. Постулаты значения // Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 321-330.
22. Касавин И.Т. Конструктивизм как идея и направление // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 63-72.
23. Касавин И.Т. Оправдание индуктивизма: читаем Хьюэлла. // Эпистемология и философия науки. 2014. № 2. С. 202-205.
24. Койре А. Аристотелизм и платонизм в средневековой философии. // Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 51-72.
25. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск, 2010.
26. Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М., 2003.

27. Кричевец А.Н. Кантовский априоризм и математические модели. // Философия Канта в критике современного разума. Сборник статей. М., 2010. С. 410-429.
28. Круглов А.Н. Понятие *a priori* в докантовской философии. // Категории. Философский журнал. 1997. № 3. С. 97-107.
29. Круглов А.Н. Предисловие. // Многообразие *a priori*. Материалы международной конференции на философском факультете РГГУ 19-20 апреля 2012 г. М., 2013. С. 5-17.
30. Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск, 2003.
31. Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм – две картины прошлого // *Arbor mundi*. 2009. Вып. 15. С. 164-196.
32. Кун Т. Структура научных революций. М., 2001.
33. Куслий П.С. Понятие истины в аналитической философии // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 55-77.
34. Куслий П.С. Референциальная функция имен // *Логос*. 2009. № 2 (70). С. 67-83.
35. Куслий П.С. Априорность и семантическое содержание // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 190-202.
36. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М., 2001.
37. Лакатос И. Против *a priorist*ского и антитеоретического подходов к методологии науки // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008. С. 269-272.
38. Лекторский В.А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 31-42.
39. Лекторский В.А. Ответ на дискуссию // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 47-53.

40. Льюис К.И. Прагматическая концепция *a priori* // Эпистемология и философия науки. 2014. № 4. С. 222-231.
41. Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М., 2011.
42. Мотрошилова Н.В. Понятие априорного и его роль в кантовской теоретической философии. // История философии: Запад – Россия – Восток. Книга вторая: Философия XV-XIX вв. М., 2012. С. 311-313.
43. Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 5-29.
44. Руморе П. Два вида аргюи в философии Нового времени. // Многообразие *a priori*. Материалы международной конференции на философском факультете РГГУ 19-20 апреля 2012 г. М., 2013. С. 87-105.
45. Ойзерман Т.И. Главный труд И. Канта. // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С. 3-67.
46. Ойзерман Т. И. Учение И. Канта об априорном познании. // Кантовский сборник. 2001. Вып. 22. С. 3-28.
47. Остин Дж. Существуют ли априорные понятия? // Остин Дж. Три способа пролить чернила. С-Пб., 2006. С. 57-75.
48. Павленко А.Н. Европейская космология: Основания эпистемологического поворота. М., 1997.
49. Павленко А.Н. Эпистемологический поворот. // Вестник РАН. 1997. Том 67, № 5. С. 424-432.
50. Пап А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. М., 2002.
51. Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. М., 1999. С. 164-234.
52. Поппер К.Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., 2008.

- 53.Поппер К. Критерий эмпирического характера теоретических систем // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М., 2007.
- 54.Поппер К. Объективное знание: Эволюционный подход. М., 2009.
- 55.Пуанкаре А. Наука и метод. // Пуанкаре А. О науке. М., 1990.
- 56.Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000.
- 57.Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти.М., 2001. С. 178-196.
- 58.Соколов В.В. Философия духа и материи Рене Декарта // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 3-76.
- 59.Спивак В.И. Концепция «технологического знания» У. Уэвэлла // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 46. Том 9. С. 18-27.
- 60.Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
- 61.Столярова О.Е. Два лица априоризма // Эпистемология и философия науки. 2012. № 4. С. 42-58.
- 62.Столярова О.Е. Исследования науки в перспективе онтологического поворота. М., 2015.
- 63.Филатов В.П., Швырев В.С., Васюков В.П., Шкатов Д.П., Ивлев Ю.В. Обсуждаем статьи об индукции // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 149-157.
- 64.Филатов В.П. Могут ли мысленные эксперименты давать априорное знание? // Многообразие *a priori*. Материалы международной конференции на философском факультете РГГУ 19-20 апреля 2012 г. М., 2013. С. 283-299.
- 65.Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сб. тр. М., 2000. С. 230–247.
- 66.Хакинг Я. Представление и вмешательство. М., 1998.

67. Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Главы III-VIII. // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 224-244.
68. Швырев В.С. Идея предпосылочности научного знания и современный конструктивизм // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 43-62.

На английском языке:

69. Aune B. Against moderate rationalism. // Journal of Philosophical Research. 2002. Vol. 27. P. 1-26.
70. Baumann P. What Does Kripke mean by *a priori*? // Diametros. 2011. № 28. P. 1-7.
71. Bealer G. A theory of the *A priori* // Pacific Philosophical Quarterly. 2000. № 81. P. 1-30.
72. Boghossian P. Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism. N.-Y., 2006.
73. Boghossian P. Analyticity Reconsidered. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nyu.edu/gsas/dept/phil/faculty/boghossian/papers/AnalyticityReconsidered.html>
74. Boghossian P. Epistemic Rules // Journal of Philosophy. 2008. Vol. 105 (9). P. 472-500.
75. Bonjour L. In defense of pure reason: a rationalist account of *a priori* justification. Cambridge, New York, 1998.
76. Bonjour L. In defense of the *a priori*. // In Matthias Steup & John Turri (eds.) Contemporary Debates in Epistemology. Pondicherry, 2013. 177-185.
77. Brandom R. Kantian Lessons about Mind, Meaning, and Rationality // Philosophical Topics. 2006. Vol. 34, № 1&2. P. 1-20.
78. Carey R., Ongley J. Historical Dictionary of Bertrand Russell's Philosophy. Lanham, 2009. P. 115-116.

79. Casullo A. *Essays on A priori Knowledge and Justification*. New York, 2012.
80. Casullo A. Four challenges to the *a priori* — *a posteriori* distinction. // *Synthese*. September 2013. Vol. 190, № 14. P. 1-24.
81. Chakravartty A. Scientific Realism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2014 Edition), Edward N. Zalta (ed.). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/scientific-realism/>.
82. Christopoulou D., Psillos S. *The A priori: Between Conventions and Implicit Definitions* // Kompa N., Nimtz Ch., Suhm Ch. (eds). *The A priori and its Role in Philosophy*. Paderborn, 2009. P. 205-220.
83. Copleston F. *History of Philosophy*. Vol. I. Greece and Rome. New York, 1993.
84. Deutscher G. *Through the Language Glass*. New York. 2010.
85. Egrй P. Review on Engel P. *Va savoir! De la connaissance en гйнйral*. P. 2007 // Notre Dame Philosophical Reviews. Электронный ресурс: <https://ndpr.nd.edu/news/23339-va-savoir-de-la-connaissance-en-g-233-n-233-ral/>
86. Engel P. *Epistemic norms*. 2009. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.unige.ch/lettres/philo/enseignants/pe/Engel%202009%20Epistemic%20norms%20-%20draft.pdf>
87. Engel P. *Epistemic norms and rationality*. // Strawinski W. (ed.) *Festsschrift for Jacek Jadacki*. 2007. P. 359-374.
88. Engel P. *Analytic philosophy and cognitive norms*. // *The Monist*. Vol. 82, 2, April 1999. P. 218-234.
89. Ferrier J. *Institutes of Metaphysic, the Theory of Knowing and Being*. Edinbrough, 1854.
90. Fieft H. *Recent Debates About the A priori* // Szabo T., Hawthorne J. (eds.) *Oxford Studies in Epistemology*. Vol. 1. Oxford, 2005. P. 69-88.

91. Fisch M. Necessary and Contingent Truth in William Whewell's Antithetical Theory of Knowledge // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1985. Vol. 16, № 4. P. 275-314.
92. Fodor J. Water's Water Everywhere // *London Review of Books*. 2004. Vol. 26. № 20-21. P. 17-19.
93. Forster M.R., Wolfe A.B. Conceptual Innovation and the Relational Nature of Evidence: The Whewell - Mill Debate. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://philosophy.wisc.edu/forster/papers/Whewell1.pdf>
94. Fr chet G. Kant, Brentano and Stumpf on Psychology and Anti-Psychologism // Ruffing M., La Rocca C., Ferrarin A. & Bacin S. (eds.). *Kant Und Die Philosophie in Weltb rgerlicher Absicht: Akten des XI. Kant-Kongresses 2010*. Berlin, 2013. P. 727-736.
95. Hullett J.N. A Pragmatic Conception of the *A priori* Re-Viewed // *Transactions of Charles S. Pierce Society*. 1973. Vol. 9. № 3. P. 127-156.
96. J rvilehto L. The Pragmatic *A priori* of C.I. Lewis // *Cognitio Estudios*. 2009. Vol. 6. № 2. P. 96-102.
97. J rvilehto L. Pragmatic *A priori* Knowledge: A Pragmatic Approach to the Nature and Object of What Can Be Known Independently of Experience. Jyv skyd, 2011.
98. Jenkins C. *A priori* Knowledge: Debates and Developments. // *Philosophy Compass*. 2008. № 3(3). P. 436–450.
99. Jenkins C. *A priori* Knowledge: The Conceptual Approach. // In A. Cullison (ed.) *The Continuum Companion to Epistemology*. London, 2012. P. 180-198.
100. Jenkins C. 'Intuition', Intuition, Concepts and the *A priori*. // In A. Booth and D. Rowbottom (ed.) *Intuitions*. Oxford, 2014. P. 91-115.
101. Jenkins C. What Can We Know *A priori*? // In R. Neta (ed.) *Current Controversies in Epistemology*. London, 2014. P. 11-22.

102. Katz J. Where Things Now Stand with the Analytic-Synthetic Distinction? // *Synthese*. 1974. Vol. 28. P. 283-319.
103. Katz J. Analyticity, Necessity, and the Epistemology of Semantics // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1997. Vol. LVII, № 1. P. 1-28.
104. Katz J. *Realistic Rationalism*. Cambridge (Massachusetts), 1998.
105. Keupink A., Shieh S. (ed.) *The Limits of Logical Empiricism: Selected Papers of Arthur Pap*. Dordrecht, 2006.
106. Kim J. What Is “Naturalized Epistemology”? // *Epistemology: An Anthology*. Op. cit. P. 301-313.
107. Knowles J. Naturalised Epistemology without Norms // *Croatian Journal of Philosophy*. 2002. Vol. II, No. 6. P. 281-295.
108. Kripke S. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA, 1980.
109. Langford C.H. A Proof That Synthetic *A priori* Propositions Exist // *The Journal of Philosophy*. 1949. Vol. 46, № 1. P. 20-24.
110. Lewis C.I. A Pragmatic Conception of the *A priori* // *The Journal of Philosophy*. 1923. Vol. 20, № 7. P. 169-177.
111. Lewis C.I. *Mind and the Word Order*. N.Y., Chicago, Boston. 1929.
112. Lewis C.I. *An Analysis of Knowledge and Valuation*. Chicago, 1946.
113. Losee J. Mill's Objections to Whewell's Historicism // Loose J. *The Theories of Scientific Progress. An Introduction*. New-York - London, 2004. P. 19-27.
114. McKinsey M. Anti-Individualism and Privileged Access // *Analysis*. Vol. 51, № 1 (January, 1991). P. 9-16.
115. McKinsey M. Apriorism in the philosophy of language // *Philosophical Studies* № 52, July 1987.
116. Mormann T. Towards a Theory of the Pragmatic *A priori*: From Carnap to Lewis and Beyond // *Rudolf Carnap and the Legacy of Logical Empiricism*. Vienna Circle Institute Yearbook. 2012. Vol. 16. P. 113-132.

117. Morrison M. Whewell on the Ultimate Problem of Philosophy. // Studies in History and Philosophy of Science. 1997. №28. P. 417–437.
118. Pancheri L.U. James, Lewis and the Pragmatic *A priori* // Transactions of Charles S. Pierce Society. 1941. Vol. 7. № 3. P. 135-149.
119. Pap A. The Different Kinds of *A priori* // The Philosophical Review. Vol. 52 № 5. September, 1944. P. 465-484.
120. Pap A. On the Meaning of Universality // The Journal of Philosophy. 1943. Vol. 40, №. 19. P. 505-514.
121. Pap A. On the Meaning of Necessity // The Journal of Philosophy. 1943. Vol. 40, № 17. P. 449-458.
122. Pap A. The *A priori* in Physical Theory. N.-Y. 1946.
123. Pap A. Logic and the Synthetic *A priori* // Philosophy and Phenomenological Research. 1950. Vol. 10, № 4. P. 500-514.
124. Pap A. Once More: Colors and the Synthetic *A priori* // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66, № 1. P. 94-99.
125. Papineau D. The Philosophical Insignificance of *A priori* Knowledge // Shaffer M.J., Veber M.L. What Place for the *A priori*? Chicago, 2011. P. 61-84.
126. Peacock Ch. Explaining the *A priori*: The Programme of Moderate Rationalism // Boghossian P., Peacock Ch. (ed.) New Essays on the *A priori*. Oxford, New-York, 2002.
127. Pollock J.L. Epistemic norms // 1987. Synthese № 71(1). P. 61-95.
128. Psillos S. Scientific Realism: How Science Tracks Truth. London, 1999.
129. Psillos S. The present state of the scientific realism debate // British Journal for the Philosophy of Science. 2000. Vol. 51(4). P. 705-728.
130. Quine W. V. Epistemology Naturalized // Epistemology: An Anthology. Sosa E., Kim J. (ed.). Malden, 2000. P. 292-300.
131. Reck A.J. The New American Philosophers. N.Y., 1970.

132. Reichenbach H. *The Theory of Relativity and A priori Knowledge*. Oakland, 1965.
133. Richards R. J. Christian Wolff's Prolegomena to Empirical and Rational Psychology: Translation and Commentary. // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 124, № 3. 1980. P. 227-239.
134. Sellars W. Is There a Synthetic *A priori*? // *Philosophy of Science*. 1953. Vol. 20, №. 2. P. 121-138.
135. Schlick M. *Epistemology and Modern Physics* // Schlick M. *Philosophical Papers*. Volume II (1925-1936). Dordrecht, 1979.
136. Schlick M. Is there a Factual *A priori*? // Schlick M. *Philosophical Papers*. Volume II (1925-1936). Dordrecht, 1979.
137. Snyder L.J. *The Philosophical Breakfast Club: Four Remarkable Men who Transformed Science and Changed the World*. New York, 2011.
138. Snyder L.J. William Whewell. // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2012 Edition). Edward N. Zalta (ed.). URL = <http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/whewell/>.
139. Stump D.J. Arthur Pap's Functional Theory of the *A priori* // *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*. 2011. Vol. 1. P. 273-290.
140. Trybulec B. Is Naturalism Normative? The Function of Epistemic Norms Within Naturalized Epistemology // *Percipi*. 2008. № 2. P. 15-27.
141. Turri J. Contingent *A priori* Knowledge. // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2011. Vol.83, № 2. P. 327–344.
142. Wedgwood R. An Inferentialist Conception of the *A priori*. // *Oxford Studies in Epistemology*. 2015. Vol. 5. P. 295–314.
143. Wedgwood R. The *A priori* Rules of Rationality // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1999. Vol. 59, No. 1. P. 113-131.

144. Whewell W. On the Fundamental Antithesis of Philosophy // Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences Founded upon their History. V. 2, London. 1847. P. 647-668.
145. Whewell W. On Induction, with Especial Reference to Mr. J. Stuart Mill's System of Logic. London, 1849.
146. Whewell W. Novum Organon Renovatum. London, 1858.
147. Whewell W. On the Philosophy of Discovery, Chapters Historical and Critical. London, 1860.
148. Wright C. McKinsey one more time // Hatzimoysis A.E. (ed.) Self-Knowledge. Oxford, 2008. Электронный ресурс. Режим доступа: http://philosophy.fas.nyu.edu/docs/IO/1187/mckinsey_one_more_time.pdf

На французском языке:

149. Bachelard G. La Formation de l'esprit scientifique. Paris, 2004.
150. Engel P. Va savoir! De la connaissance en général. Paris, 2007.
151. Engel P. *A priori* / *a posteriori* // Dictionnaire des concepts philosophiques. Paris, 2007. P. 46-47.
152. Engel P. Эпистемология pour une Marquise. Paris, 2006.
153. Engel P. Quine et le retour de l'*a priori* // Lire Quine. Paris, 2006. P. 159-184.
154. Engel P. La conception sémantique de l'*a priori* est-elle morte? // Ouelbani M. (éd.) La philosophie autrichienne. Université de Tunis. 2000. P. 126-142. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://jeannicod.ccsd.cnrs.fr/docs/00/05/33/82/HTML/index.html>
155. Ferraris M. Goodbye Kant! Ce qu'il reste aujourd'hui de la Critique de la Raison Pure. Paris – Tel-Aviv, 2009.
156. La Philosophie Analytique: Cahiers de Royaumont. Paris, 1962.

157. Le Moigne J.-L. Les épistémologies constructivistes. Paris, 2007.
158. Meyerson Й. De l'analyse des produites de la pensée // Meyerson Й. Essais. Paris, 2008. P. 123-168.
159. Tiercelin C. Le ciment des choses. Petit traité de métaphysique scientifique réaliste. Paris, 2011.